

Германия
и
Прибалтика

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра новой и новейшей истории

Г Е Р М А Н И Я И П Р И Б А Л Т И К А

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1983

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА

Германия и Прибалтика: Сборник научных трудов /Под ред. М.М. Духанова. - Рига: ЛГУ им.П.Стучки, 1983. - 143 с.

Данный выпуск продолжает начатое в 1972 г. издание сборников научных трудов по проблемам Германии и Прибалтики.

Статьи настоящего сборника посвящены преимущественно исследованию деятельности привилегированных немецких сословий в Остзейском крае царской России. Исследуется также деятельность прибалтийских немцев в условиях буржуазных прибалтийских республик, а также на современном этапе.

Часть статей посвящена проблемам историографии и источниковедения. В одной работе рассмотрены международные связи ЛКП.

Сборник может быть использован специалистами-историками, учителями, студентами, всеми, кто интересуется историей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Духанов (отв.ред.), П.Крупников (зам.отв.ред.),
К.Даукштс, И.Фелдманис

Печатается по решению редакционно-издательского
совета ЛГУ им. П.Стучки

Г 10603-099у Изм.83.С504030000
М 812(II)-83

© Латвийский
государственный
университет
им.П.Стучки, 1983

FAŠISTISKĀS VĀCIJAS LOMA BURŽUĀZISKĀS LATVIJAS
VĀCU NACIONĀLĀ MAZĀKUMA NACIFIKĀCIJĀ

Fašistiskais apvērsums Vācijā bija pagrieziena punkts, kas radīja labvēlīgu situāciju vācu imperiālisma tālejošo pasaules kundzības plēnu īstenošanai. Vācu fašisma gatavošanās karam un tā agresīvās politikas aktivizēšanās tieši apdraudēja daudzu Eiropas valstu, arī buržuāziskās Latvijas pastāvēšanu. Latvija vācu fašistus interesēja ne vien kā izejvielu un pārītikas "rezervuārs" un "sens kolonizācijas objekts", bet arī kā izdevīgs placdarms iecerētās agresijas tālākai izvēršanai austrumu virzienā pret Padomju Savienību.

Viens no faktoriem, kas veicināja Vācijas politiskās un ekonomiskās ietekmes pieaugumu buržuāziskajā Latvijā vēl Veiņmāras republikas pastāvēšanas gados bija vācu mazākumtautības reakcionāro aprindu darbība. Pēc Hitlera nākšanas pie varas Vācijā vietējo vāciešu aktivitāte Berlīnes interesēs kļuva arvien jūtāmāka, jo baltvācu virsotne, kas nevēlējās samierināties ar nacionālā mazākuma "statusu" valstī, kuras teritorijā tai līdz Lielajai Oktobra sociālistiskajai revolūcijai bija nodrošināta gandrīz vai nedalīta ekonomiskā un politiskā kundzība, cerēja daļēji atgūt zaudētās pozīcijas tieši ar "trešā reiha" palīdzību. Sarūkāt fašistiskā Vācija, kas plānoja efektīvi izmantot vietējos vāciešus cīņā par savu agresīvo ieceri īstenošanu Baltijā, vispusīgi arī atbalstīja šos Latvijas vāciešu reakcionāro aprindu centienus.

Ciešā saistība starp baltvācu virsotnes darbību un mērķiem un "trešā reiha" ekspansionistisko politiku, kā arī buržuāziskā un sīkburžuāziskā elementa pārsvars "tautas grupā" (1) (tā fašistiskās Vācijas un baltvācu avotos dēvēja vācu mazākumtautību buržuāziskajā Latvijā, pasvītrotot tās "piederību" pie vācu nācijas) bija svarīgi priekšnoteikumi, kas sekmēja nacionālsociālisma idēju izplatību un nodrošināja vācu fašisma ietekmes pieaugumu vietējo vāciešu vidū.

Par galveno nacisma spēku baltvācu "tautas grupā" pēc Hitlera nākšanas pie varas Vācijā kļuva "kustība" (vietējie vācu nacionālsociālisti, kuri darbojās Rīgas advokāta E. Krēgera virsvadībā), kas 20. gados aktīvi cīnījās par Latvijas vācie-

šu nostāšanās nacionālsociālisma pozīcijās. Politiski aktīvas nacionālsociālistu organizācijas esamība un darbība neapšaubāmi bija nozīmīgs faktors, kas veicināja nacisma iespiešanās stiprināšanos "tautas grupā" un tās pārvēršanos par "trešā reihā" agresīvās politikas efektīvi funkcionējošu instrumentu.

Jau sākot ar 1933. gadu, kustība izvērta cīņu par ietekmi un virsvadību Latvijas vāciešu vadošajās organizācijās, galvenokārt ar konservatīvo aprindām, kam tradicionāli piederēja noteicošā vieta baltvācu sabiedriski politiskajā dzīvē. Šīs politiskās cīņas svarīgākā īpatnība bija tā, ka pretrunām abu konkurējošo grupējumu starpā nebija īsti principiāls raksturs. Pateicoties prasmīgi izvēlētai taktikai un konservatīvo līderu piekāpšanās politikai, Krēgera grupa nodrošināja pakāpenisku savas ietekmes palielināšanos vietējo vāciešu galvenajās organizācijās.

Izšķirošos panākumus "kustība" guva 30. gadu beigās, kad pilnīgi noslēdzās vietējo vācu nacionālsociālistu infiltrācijas process Latvijas vāciešu organizāciju sistēmā un Krēgera grupa bija izcīnījusi sev dominējošās pozīcijas baltvācu centrālajā organizācijā "Baltvācu tautas apvienība Latvijā" (Deutsch-baltische Volksgemeinschaft in Lettland). Par lūzuma gadu var uzskatīt 1938. gadu, jo tā nogalē vietējie vācu nacionālsociālisti faktiski pārņēma savās rokās "tautas apvienības" (šī organizācija kopš 1934. gada maija pārstāvēja baltvācu intereses buržuāziskajā Latvijā visās sfērās, un tās vadība bija vienlaicīgi Latvijas vāciešu oficiālā vadība) stūri. Līdz ar to "tautas grupā" bija norisinājies maskēts "fašistisks apvērsums". Krēgera grupa kontrolēja un noteica visus svarīgākos "nacionālā darba" (Volkstumsarbeit) virzienus vācu nacionālā mazākuma vidū (2).

Vietējo vācu nacionālsociālistu uzvara pār konservatīvajiem un Latvijas vāciešu centrālo organizāciju nacifikācijas process bija galvenokārt iekšējās attīstības pašā "tautas grupā" likumsakarīgs rezultāts. Taču šī procesa norises paātrināšanā un veicināšanā nozīmīga loma jāierēda arī fašistiskajai Vācijai, tās īstenotajai "vācietības politikai" (Deutschumpolitik), kuras mērķis bija nostiprināt un aprūpēt vācu "tautas grupas" ārzemēs, lai varētu tās efektīvi izmantot atbilstoši Berlīnes ārpolitiskajām interesēm.

Jau Veimāras republikas laikā vācu "tautas grupu" ārzemēs "aprūpēšana" bija Vācijas oficiālās politikas svarīgs elements.

"Vācietības politika", kā atzīst Rietumberlīnes vēsturnieks K.H.Grundmans, bija "vācu ārpolitikas sastāvdaļa (Teil) un kā tāda Ārlietu ministrijas lieta"(3). Ar ārzemju vāciešiem saistītos jautājumus tieši pārzināja šīs ministrijas kultūras nodaļa, bet, lai materiāli atbalstītu vācu "tautas grupas", Ārlietu ministrija izveidoja speciālu aparātu, speciālas organizācijas - "Vācu fonds" ("Deutsche Stützung") un "Ossa", kurām ārēji bija privāts raksturs. Vācijas Ārlietu ministrija kontrolēja un tās ieteikumus ievēroja arī daudzās valstīs pastāvošās t.s. "vācietības organizācijas" (Deutschumsorganisationen). Viena no lielākajām šāda veida organizācijām bija "Savienība vāciešiem ārzemēs" (Verein für das Deutschtum im Ausland(4) - turpmāk VDA), kas uzturēja ciešus sakarus arī ar Latvijas vācu vadību un sniedza "tautas grupai" regulāru finansiālu palīdzību(5).

Naudas pabalstus Latvijas vācieši saņēma arī tieši no Vācijas Ārlietu ministrijas un tās maskēšanās nolūkos nodibinātajām organizācijām(6). Kopējā summa bija visai ievērojama. Tā laika posmā no 1925. gada līdz 1932. gadam baltvācu "tautas grupām" (Latvijas un Igaunijas vāciešiem) tika piešķirtas subsīdijas un kredīti nepilnu 5 milj. marku apmērā(7). Šie naudas līdzekļi tika izmantoti, lai segtu deficītu skolu budžetā, uzturētu vācu augstskolu Rīgā - Herdera institūtu, izvērstu dažādu organizāciju darbību un citiem mērķiem.

Protams, ka Berlīnes sniegtajai finansiālajai palīdzībai baltvāciešiem nebija nekā kopīga ar nesavtīgu filantropiju. Nozīmīgas atziņas šajā sakarā ir izteicis jau pieminētais vēsturnieks Grundmans, uzstājoties 29. Baltijas vēsturnieku sanāksmē. "Visumā vadošās baltvācu grupas", viņš atzīmēja "... ļāva sevi vadīt vācu sūtniecībām (Rīgā un Tallinā -- I.F.) reīha politikas garā. Jūtāmām naudas pabalstu izmaksām baltvācu kultūras institūtiem ... bija šeit loma"(8).

Baltvācu subsidēšanas izdevīguumu no Berlīnes viedokļa aplicina arī Vācijas Ārlietu ministrijas dokumenti. Piemēram, minētās ministrijas slepenais memorands (1926.g.) valdībai ieteica vācu mazākumtautībām ārzemēs kā "Vācijas politiskās ietekmes stingram balstam" sniegt finansiālu palīdzību, tai skaitā piešķirt pusotra miliona marku triju Baltijas valstu vāciešiem(9). Līdz ar to ir skaidrs, ka subsīdiju piešķiršana Latvijas vāciešiem norisinājās atbilstoši vācu imperiālista iecerēm, un izrietēja no viņu vietas Veimāras republikas valdošo aprin-

da ārpolitiskajā stratēģijā un taktikā. Berlīnes materiālās palīdzības rezultātā veidojās arī priekšnoteikumi, lai Vācija varētu aktīvi izmantot vietējos vāciešus savās interesēs.

Vācu reakcija, kā zināms, pat pēc sakāves pirmajā pasaules karā joprojām uzlikoja kaitīgu par potenciālu aneksijas objektu. Tiesa, izveidojušies starptautiskā situācija piespieda vācu imperiālismu uz laiku atteikties no teritoriālo iekarojumu politikas Austrumeiropā un pievērst galveno uzmanību nepieciešamo apstākļu sagatavošanai, lai īstenotu pāreju uz aktīvu "austrumu politiku". Gatavojot šos priekšnoteikumus, Berlīne, protams, neatstāja neievērotus ārzemju vāciešus, arī baltvācus, uzskatot viņus par Vācijas priekšposteni austrumos. Cik tālejošas bija Veimāras republikas valdošo aprindu ieceres un kāpēc tās uzstājās ar ārzemju vāciešu "aizsardzības" lozungu, ir redzams, piemēram, no ārlietu ministra G. Štrēzema slepenā memoranda (1925. g.) izteiktajiem paskaidrojumiem, kuros viņš pieprasīja ar ārzemju vāciešu palīdzību "dibināt uz reiša robežām Baltijas piekrastē un Donavas baseinā atbalsta punktus" (10). Rakstot par iecerētās vācu valsts radīšanu, ārlietu ministrs pasvītvoja, ka šo mērķi nevar īstenot, ja "līdzās mūsu tautiešiem zem vācu suverenitātes nepāries arī svešu nāciju pārstāvji" (11).

Šos agresīvos nodomus, kas, tiesa, vēl bija slepeni un tika maskēti, nedrīkst ignorēt, vērtējot Veimāras republikas "vācietības" politikas būtību un ārzemju vāciešiem, viņu vidū Latvijas vāciešiem sniegtās materiālās palīdzības raksturu un nolūkus. Taču vairāku baltvācu autoru darbos, risinot minētos jautājumus, novērojami tieši šādi mēģinājumi. To pamatā ir vācu imperiālisma agresīvās ārpolitikas kontinuitātes elementu neievērošana un Veimāras un fašistiskās Vācijas ārpolitikas pārāk kresa nodalīšana.

Jau 1940. gadā sarakstītajā manuskriptā (12) P. Šimans, viens no redzamākajiem baltvācu politiķiem 20. gados un 30. gadu sākumā, atklāti nostājās Veimāras republikas politikas idealizācijas pozīcijās. Pēc viņa domām, līdz 1933. gadam vācu valdības nemēģināja kaut kādu ārpolitisku mērķu virzienā ietekmēt "vācu minoritāšu patstāvīgo politiku atsevišķās valstīs" (13). Pret šo tēzi būtībā nav iebildumu arī baltvācu vēsturniekam H. fon Rimšam, kaut gan viņa darbā, kas sarakstīts pēc otrā

pasaules kara, tā ieguvusi citu nokrāsu un skanējumu. Pirms varu pārņēma Hitlers, kā apgalvoja Rimša, "ārzemju vāciešu tautas grupu kultūras un saimniecības aprūpēšana no reihapuses ... norisinājās pastāvošo starptautisko tiesību ietvaros ..." (14).

1933. gadu abi minētie autori izcēla kā radikāla pavērsiena punktu. Tā, piemēram, izmaiņu būtību Šimans saskatīja tajā apstākļī, ka 1933.g., nacismam izplatoties arī ārzemju vāciešu vidū, arvien "nepārprotamāk (vācu -- I.F.) minoritāšu politikas vadība sakoncentrējās reihā rokās" (15).

Šī atziņa pati par sevi, protams, iebildumus neizraisa, jo līdz ar Vācijas ārpolitikas aktivizēšanos pēc fašistiskā apvērsuma arvien mērķtiecīgāki kļuva arī Berlīnes centieni pilnīgi pakļaut ārzemju vāciešus savai virsvadībai un pārvērst tos par "trešā reihā" ārpolitikas aktīvi darbojošos disciplinētu elementu. Šajā nolūkā vācu nacisti izmantoja gan Veimāras republikas laikā izveidoto "vācietības" politikas aparātu, gan arī paši radīja jaunas slepenas centrālās iestādes, kas pārzināja un vadīja vācu "tautas grupu" darbību.

Tā, piemēram, 1933.gada 27. oktobrī "firera" vietnieks R.Hess, kam Hitlers uzticēja virsatbildību pār "vācietības politiku", izdeva rīkojumu sasaukt "Tautas vāciešu padomi" (Volksdeutscher Rat) kā savu "konsultatīvo un izpildu orgānu" (16). Izveidojot šo iestādi, kurai pakļāvās visas "vācietības" organizācijas, tika faktiski centralizēta fašistiskajā Vācijā nacistu partijas ietvaros "tautas vāciešu" ("Volksdeutsche" - vācieši, kas bija citu valstu pavalstnieki) vadība. Tiesa, atšķirībā no fašistu partijas ārzemju organizācijas (Auslandsorganisation der NSDAP), kuras pārziņā atradās galvenokārt "valsts vācieši" (Reichsdeutsche - ārpus reihā robežām dzīvojošie Vācijas pilsoņi) "Tautas vāciešu padome" bija maskēta vadoša instance. Kā norāda rietumvācu vēsturnieks H.Ā.Jakobsens, tai vajadzēja, lai izvairītos no ārpolitiskiem sarežģījumiem, "neredzami" saistaist tautas vāciešu darba sfēru ar reihā augstāko vadību" (17).

"Tautas vāciešu padomes" (darbojās līdz 1935.gadam) priekšgalā atradās K.Haushofers, bet tās darbvedis bija H.Šteinahers, kas reizē vadīja arī VDA. Līdz ar to Šteinahers savā personā nodrošināja ciešu saistību starp "Tautas vāciešu padomi",

slepeni, vadošu iestādi, un VDA, kas nomināli bija nepolitiska organizācija un kuras darbībai bija atklāts raksturs.

Kopš 1935.g. rudens kā nacistu partijas vadoša iestāde "tautas vāciešu" lietās darbojās O. fon Kursela (18) birojs, kur jau 1936.g. martā sāka dēvēt par "Tautas vāciešu centrālo biroju" (Volksdeutsche Mittelstelle) (19). 1937.g. sākumā noteicošās pozīcijas "centrālajā birojā", nacistu partijā norisinotās iekšējās sāncensības rezultātā, ieguva SS (Schutzstaffel - vācu fašistu partijas autonoma organizācija - I.F.) pārstāvji. Par "centrālā biroja" vadītāju Hees iecēla SS obergruppenführeru V. Lorencu (20), kas vienlaikus nomainīja Šteinaheru VDA vadītāja postenī.

"Centrālā biroja" darbība bija fašistiskās Vācijas pieaugošā ekonomiskā un militārā spēka izpausme. Kā vācu "tautas grupu" komandējoša iestāde (21), šis birojs īstenoja jau krasi izteiktu vācu mazākumtautību "unifikācijas" politiku (22), cenšoties panākt, lai dominējošās pozīcijas ārzemju vāciešu vidū iegūtu vietējie nacistiskie elementi. Šīs politikas panākumus veicināja vācu "tautas grupu", arī Latvijas vāciešu finansiālā atkarība no "trešā reiha".

Buržuāziskajā Latvijā vācu nacionālajam mazākumam paredzētos līdzekļus 30. gados saņēma galvenokārt "tautas apvienība", kas naudas summas vienu daļu nodeva arī tālāk atsevišķām vācu biedrībām. Šādu kārtību fiksēja vienošanās (noslēgta jau 1927. gadā) gan ar Vācijas Ārlietu ministriju, gan ar VDA (23). VDA, tiesa, ne vienmēr šo vienošanos ievēroja.

Diemžēl, apzinātie avoti nedod iespēju pilnībā konstatēt fašistiskās Vācijas (ar organizāciju starpniecību) sniegtā materiālā pabalsta apmērus. "Tautas apvienības" ikgadējos budžetos, kas bija paredzēti atklātībai, naudas summas, kuras bija iecerēts saņemt no "trešā reiha", tika "iegrāmatotas" kopējo ziedojumu ailē, parasti neatklājot naudas devēju. Turklāt par pašas naudas saņemšanu centrālās organizācijas pārstāvjiem bija jāparakstās Vācijas sūtniecībā Rīgā. Tāpēc "tautas apvienības" lietvedības materiālos atrodams visai maz dokumentu, kas apliecinātu naudas līdzekļu saņemšanas faktu.

Neraugoties uz šādu situāciju, arī tās dokumentālās liecības, kas atrodas mūsu rīcībā, ļauj fiksēt VDA subsīdiju lielumu atsevišķos gados un atsegt Latvijas vāciešu finansiālās atkarības pieauguma tendenci. Tā, piemēram, pēc "tau-

tas apvienības" vadības iecerēm 1935./36. finanšu gadā (24) VDA bija jāizmaksā centrālajai organizācijai 346.000 latu (25). Ienākusi VDA naudas līdzekļu summa, saskaņā ar pagaidu norēķinu par attiecīgo finanšu gadu, līdzinājās 278.277 latiem (26). Turpretī 1937./38. finanšu gadā paredzēto 329.025 latu vietā "tautas apvienības" kontā no VDA nonāca 371.395 lati (27).

Aplūkojot VDA materiālo palīdzību Latvijas vāciešiem, būtisku nozīmi iegūst jautājums par tās īpatsvaru "tautas apvienības" budžetā. Aprēķini rāda, ka minētajos finanšu gados VDA naudas līdzekļi sastādīja attiecīgi 48,8 un 46,4 % no centrālās organizācijas ienākumiem (28). Tādējādi turpat puse no "tautas apvienības" izdevumiem tika segta ar VDA naudu. Turklāt finansiālo palīdzību sniedza arī citas Vācijas iestādes un organizācijas. Tāpēc "trešā reihe" kopējais ieguldījums "tautas apvienības" budžetā acīmredzot bija jūtami prāvāks. Daļēji to parāda ieskats centrālās organizācijas atsevišķu nodaļu budžetos. Piemēram, no 7217 latiem, kas 1933./34. finanšu gadā tika nodoti arodu izvēles konsultācijas nodaļas rīcībā, 4940 lati bija fašistiskās Vācijas līdzekļi (29), kas veidoja 68,57 % no atvēlētās summas.

Līdz 30. gadu sākumam "tautas apvienība" noteiktas naudas summas izmaksāja arī Herdera institūtam. Tomēr Latvijas vāciešu apvienību, biedrību un iestāžu sistēmā Rīgas vācu augstskola ieguva īpašu stāvokli. Tai bija tiesības pašai sagādāt sev līdzekļus Vācijā. Institūta vadība šīs iespējas arī izmantoja. Tā nodibināja attiecības ar dažādām Vācijas organizācijām, it īpaši, kā uzsvēra vācu augstskolas rektors V. Klumbergs savā ziņojumā institūta padomes sēdē 1935. g. 29. oktobrī, ar "veicināšanas biedrībām, no kurām mēs saņemam enerģisku atbalstu" (30). 29. oktobra sēdē rektors pieminēja arī faktu, ka "vācu institūti" pārņēmuši to valsts vāciešu profesoru finansēšanu, kuri strādāja Rīgas vācu augstskolā (31).

Turpinoties attīstībai šādā virzienā, Herdera institūts nokļuva pilnīgā finansiālajā atkarībā no "trešā reihe", pārvērtās faktiski par fašistiskās Vācijas augstskolu Latvijā. Tā, piemēram, aprēķini rāda, ka 1939. gadā "trešā reihe" daļa mācību iestādes kārtējā budžetā (no ienākusajām naudas summām) sastādīja 91 % (32).

Tik tālejoša palīdzība izskaidrojama ar fašistiskās Vācijas ieinteresētību Herdera institūta kā "ostforšunga" atbalsta pun-

ktā darbības aktivizēšanā. Šajā sakarā nav lieki piebilst, ka vācu valdošajās aprindās baltvācu repatriācijas norises laikā pat radās ideja "saglabāt" Herdera institūtu, pārvēršot to "vācu kultūras institūtā". Par šo jautājumu "trešā reihe" sūtinim Latvijā D. fon Kocem 1939.g. novembrī bija sarunas ar buržuāziskās Latvijas ārlietu ministru V. Munteru un izglītības ministru J. Auškāpu (33). Auškāps minēto ierosinājumu principā neatbalstīja (34).

Ar naudas līdzekļu vākšanu Vācijā Latvijas vāciešiem nodarbojās arī galvenā baltvācu organizācija Berlīnē - "Baltu darba apvienība" (Baltische Arbeitsgemeinschaft). Sevišķi rosīgu darbību tā izvērsa, lai sagādātu naudu tiem baltvāciešiem, kuriem dzimtenē piederēja zemes īpašumi, un guva šajā ziņā arī redzamus panākumus. Tā, piemēram, 1933.gadā "Baltu darba apvienība" panāca vienreizēja kredīta piešķiršanu baltvāciešiem 90 tūkst. reihsmarku apmērā "agrārpolitiskiem nolūkiem" (35). Tā realizācijas gaitā daudzu zemes īpašnieku rīcībā nonāca bezprocenta aizdevumi uz 5 gadiem, kas palīdzēja viņiem pārvarēt pasaules ekonomiskās krīzes sekas un visumā aizkavēja tādu procesu kā "vācu zemes izpārdošana".

Turpmākajos gados Latvijas un Igaunijas vāciešu saimniecībām, pateicoties "Baltu darba apvienības" iniciatīvai, tika izgādāti līdzekļi un kredīti no Vācijas kopsummā vairāk nekā 400.000 reihsmarku (36), kurus izmantoja, kā likums, lai iegūtu jaunus zemes īpašumus un tādējādi nostiprinātu "vāciskā elementa" pozīcijas Latvijas un Igaunijas lauksaimniecībā. Igaunijā šie centieni deva jūtamus rezultātus. 1935.gada beigās tur "vācu zemes īpašums" bija palielinājies par 3,3 % (37). Latvijā analoga tendence nebija novērojama.

Līdzās zināmajai ekonomiskai nozīmei fašistiskās Vācijas materiālajai palīdzībai baltvāciešiem "agrārpolitiskos nolūkos" bija arī svarīgi ideoloģiska rakstura aspekti. Tā sekmēja Latvijas vāciešu vidū, no vienas puses, pārliecības nostiprināšanos, ka Vācija "rūpējas" par viņiem, atzīstot "pārestības", ko "vācietībai" nodarījusi 1920.gada agrārā reforma. No otras puses, šī palīdzība veicināja arī atziņas izkristalizēšanos, ka ar finansiālu atbalstu vien radikāli uzlabojumi Latvijas laukos vietējo vāciešu interesēs nav iespējami, nepieciešamr aktivāka "trešā reihe" iejaukšanās.

Latvijas vāciešu finansiālo atkarību Berlīne plaši izmantoja, lai iejauktos arī vietējo vāciešu iekšējās lietās, regulāri lietojot iecienītāko paņēmieni - atklātu, rupju spiedienu uz "tautas grupas" konservatīvo vadību Krēgera grupas interesēs. Šī spiediena efektivitāti, dabiski, nodrošināja vietējo vāciešu konservatīvo līderu nevēlēšanās zaudēt fašistiskās Vācijas atbalstu, jo tad pasliktinātos Latvijas vācu virsotnes izredzes cīņā par agrākā privilēģētā stāvokļa daļēju atgūšanu. Tāpēc viņi centās pēc iespējas delikvētāk izturēties pret "kustības" darbību, mēģinot vienmēr maksimāli īsākā laikā novērst radušās domstarpības(38).

Vietējiem vācu nacionālsociālistiem labvēlīgā Berlīnes nostāja un tās ietekme uz Latvijas vāciešu vidū norisinošās politiskās cīņas gaitu spilgti atklājas, piemēram, 1934. gadā, kad saasinājās "tautas apvienības" vadības attiecības ar buržuāziskajā Latvijā pastāvošo centrālo vācu jaunatnes organizāciju "Vācu jaunatnes savienību Latvijā" (Verband deutscher Jugend in Lettland), kas darbojās tiešā Krēgera grupas virsvadībā. Šī konflikta būtība bija šāda. "Jaunatnes savienības" priekšsēdētājs H. Ozolings-Fēre, kas vienlaikus pildīja arī "tautas apvienības" jaunatnes nodaļas darbveža funkcijas(39), pārvērtā šo nodaļu par "kustības" cīņas instrumentu pret vietējo vāciešu konservatīvo vadību. Tāpēc "tautas apvienības" prezidents V. fon Rīdigers (līdz 1935.g. sept.) uzskatīja par nepieciešamu jaunatnes nodaļas reorganizāciju(40). 1934.gada vasarā līdz tam pastāvošā jaunatnes nodaļa kā tāda tika likvidēta(41).

Operatīvi reaģējot uz radušos konfliktu un uzstājoties par "kustības" aizstāvi, VDA vadītājs Šteinahers jau 1934.gada 20. jūnijā nosūtīja Rīdigeram vēstuli, kas saturēja netiešus draudus pārtraukt palīdzību, ja netiks panākta vienošanās ar "jaunatnes savienību"(42). Vienlaikus "tautas apvienības" prezidents tika uzaicināts ierasties uz "Tautas vāciešu paaugmes" sēdi(43).

Minētās padomes sēde, kurā Rīdigers referēja par stāvokli Latvijā, notika 1934.gada 16. augustā(44). Tās gala rezultāts gan "tautas apvienības" prezidentam bija šķietami labvēlīgs. Viņam, piemēram, izdevās formāli panākt savas prasības atzīšanu, ka turpmāk "tautas apvienībai" nevīs "jaunatnes savienībai" vai Krēgeram personiski jāpiešķir darba attīstībai ar

jaunatni paredzētie Vācijas līdzekļi (45). Taču šī prasība no "trešā reīna" organizāciju puses vēlāk netika ievērota (46).

Rīdīgera Islaicīgos, formālos panākumus, acīmredzot, no-teica "tautas apvienības" steidzīgie mēģinājumi panākt izli-gumu ar "jaunatnes savienību". Latvijas vācu centrālās organi-zācijas pilnvarotais jaunatnes lietās V. Pēdēns jau jūlijā uz-sāka sarunas ar "jaunatnes savienības" pārstāvjiem (47).

Turklāt "Tautas vāciešu padomes" 16. augusta sēdes rezul-tāti nebūt neizmainīja vispārējo situāciju, kāda izveidojās sakarā ar minēto Šteinahera soli Berlīnes attiecībās ar Latvi-jas vācu "tautas grupas" vadību. Vislabāko tās raksturojumu deva pats Rīdīgers. Vēstulē "Eiropas vācu tautas grupu savie-nības" (Verband der deutschen Volksgruppen in Europa) priekš-sēdētājam V. Haselblatam, norādot uz Šteinahera rīcību, viņš atzīmēja, ka tagad vismaz jāmēģina "sarlabāt mūsu (baltvācu - I.F.) patstāvības paliekas" (48) (pasvītrojumi mani, - I.F.).

Taču turpmākā notikumu attīstība pierādīja šo samērā ierobežoto cerību napamatotību. Fašistiskā Vācija, pakāpeniski pārņemot vācu "tautas grupu" virsvadību, arvien atklātāk iejaucās Latvijas vāciešu iekārtās lietās. Nozīmīga loma šīs iejaukšanās sekmeša-nē bija "kustībai", kas uzturēja ciešus kontaktus ar dažādām Vācijas organizācijām un iestādēm. Vietējiem vācu nacionālsociālistiem bija pat pašiem savs pastāvīgais sakarnieks Berlīnē - F. Buhardts (49). "Kustības" vadītāji regulāri sūtīja uz Ber-līni ziņojumus par stāvokli "tautas grupā", kuros parasti ti-ka sagrozīta konservatīvo līderu rīcība. Tā, piemēram, 1934. gada nogalē Šteinaher saņēma no Krēgera kārtējo koresponden-ci. Tajā bija lasāma šāda frāze: "Nebūtu vairs paciešams, ka VDA atbalsta mūsu tautas apvienību, kas naudu izlieto, lai apkarotu kustību" (50).

Īpašu aizgādniecību pār "kustību" uzņēmas "Tautas vāciešu centrālais birojs". Tā vadošās personas faktiski sāka ignorēt baltvācu oficiālos pārstāvjus un viņu ieņemto pozīciju "tau-tas grupai" svarīgos jautājumos. Šī tendence, piemēram, zīmī-gu izpausmi guva 1937. gada sākumā notikušajās "centrālā biro-ja" un "tautas apvienības" pārstāvju sarunās. Precīzāk sakot, to nelabvēlīgajā Latvijas vācu oficiālajai vadībai iznākumā.

Šo sarunu gaitā, kā izriet no "tautas apvienības" presi-dija 1937. gada 10. maija sēdes protokola, neievērojot balt-vācu centrālās organizācijas prezidenta E. Lindela (1935-1938)

centienus panākt visu Latvijas vāciešu politisko grupējumu lietišķu sadarbību, "centrālā biroja" amatpersonas, pieprasot, lai "tautas grupā" valdītu vienotība, vietējo vāciešu vidū norisinājušos politisko cīņu skatīja un novērtēja vienīgi caur "kustības" vadības uztveres prizmu. Turklāt viņi izvirzīja priekšlikumus, kuru mērķis bija nodrošināt Krēgera grupas ietekmes pieaugumu "tautas grupā". Viens no šādiem ierosinājumiem paredzēja, ka Krēgers un Mindels kopīgi pilnvaros tos Latvijas vāciešus, kas dodas uz "trešc reihu"(51).

Ieoc tieša "centrālā biroja" ieteikuma vienlaicīgi notika arī domu apmaiņa starp "tautas apvienības" vadošām personām un Krēgera grupas pārstāvjiem(52).Šī domu apmaiņa pie pilnīga abu pušu "izlīguma" gan vēl nenoveda. "Kustības" līderu izvirzītās prasības bija pārmērīgas. To pieņemšana nozīmētu pilnīgu konservatīvo vadītāju kapitulāciju. Pietiek tikai atzīmēt, ka "iekšējā niera" sekmēšanas nolūkos tika ierosināti tādi pasākumi, kā "tautas apvienības" nodaļu lielāka neatkarība no prezidenta, visas Latvijas vācu jaunatnes iekļaušana "jaunatnes savienībā" u.c.(53).

Līdzās vispusīgam atbalstam, kuru Berlīne sniedza "kustībai" kā galvenajam "trešā reiha" politiskās ietekmes balstam, fašistiskā Vācija pienācīgu uzmanību veltīja arī citām iespējām, lai veicinātu nacionālsociālisma uzvaru Latvijas vācu "tautas grupā". Noteiktas cerības šajā ziņā tika saistītas ar tiem baltvācu jauniešiem, kuri ieguva izglītību Vācijā. Tāpēc, piemēram, VDA katru gadu garantēja zināmam Latvijas vācu skolu absolventu skaitam stipendijas. Lai tās saņemtu, pretendentiem bija jānodod solījums, ka, iegūstot izglītību, viņi atgriezīsies Latvijā. Šādas VDA stipendijas 1937./38. mācību gadā saņēma 42 personas(54).

No VDA līdzekļiem stipendijas piešķirā galvenokārt tiem vietējo vāciešu jauniešiem, kuri par savu nākamo mācību iestādi izraudzījās Jezerīgas lauksaimniecības skolu. Saskaņā ar buržuāziskās Latvijas sūtņa Vācijā H.Celmaņa ziņām 1936.gadā apmēram puse no šīs skolas audzēkņiem bija Latvijas pavalstnieki(55). Baltvācu centieni iegūt izglītību tieši Jezerīgā radīja viņā nopietnas aizdomas, ka "šī visa apmācība ir kaut kādi noorganizēta"(56). Sūtnis, un ne bez pamata, izteica varbūtību, ka mācību iestādē līdzās zināšanām lauksaimniecībā tiek "potēta arī kāda politiska mācība"(57).

Neatņemams posms to faktoru virknē, kas sekmēja Latvijas vācu "tautas grupas" nacifikācijas procesa norisi, bija arī regulārās ārzemju vāciešu tikšanās, kuras rīkoja VDA, Vācu ārzemju institūts Štutgartē (Deutsches Ausland-Institut in Stuttgart) un citas organizācijas. Tās tieši kalpoja nacistu propagandas mērķiem, gatavojot priekšnosacījumu aneksionistiskas ārpolitikas izvēšanai. Tā, piemēram, vienā no ārzemju vāciešu sanāksmēm, kas notika 1935. gada jūnijā Kēnigsbergā, tikšanās dalībniekiem izdalīja atklātnes un kartes, kur "Lielvācijas" robežās bija iekļauti plaši kaimiņapgabali, to skaitā Baltijas valstis (58).

Protams, ka uz ārzemju vāciešu sanāksmēs veiktajiem propagandas pasākumiem nevarēja nereaģēt buržuāziskās Latvijas diplomāti. Savā ziņojumā (1937.gada 16. jūlijs) Ārlietu ministrijas Baltijas valstu nodaļai Latvijas ģenerālkonsuls Dancigā A. Birznieks uzskatīja par savu pienākumu atzīmēt, ka visām ārzemju vāciešu sanāksmēm Dancigā un Austrumprūsijā "pēdējos gados ir noteikti politisks resp. militāri agresīvas aģitācijas raksturs" (59).

Latvijas valdošo aprindu bažas bija saprotamas, jo baltvācieši ik gadus piedalījās šajās sanāksmēs. Piemēram, uz VDA organizēto vasaras svētku tikšanos Kēnigsbergā 1935. gadā "tautas apvienības" vadība deleģēja F. fon Samsonu (kultūras nodaļas vadītājs), A. Betheru (kaimiņu sekcijas darbvedis) u.c. Austrumprūsijas "galvaspilsētā" ieradās arī sportistu grupu un "jaunatnes savienības" delegācija (60).

Latvijas vāciešu centrālās organizācijas pārstāvji pastāvīgi saņēma ielūgumus arī uz Vācu ārzemju institūta sanāksmēm. Līdzdalība tajās nostiprināja "tautas apvienības" attiecības ar Štutgartes institūtu. Īpaši ciešas tās kļuva sākot ar 30. gada vidu (61). Šo savstarpējo kontaktu pilnveidošanās būtība atklājas, ja iepazīstamies kaut vai ar 1936. gadā notikušās sanāksmes galveno tēmu. Par tādu tika izraudzīta - ārzemju vāciešu dzimtsaišu izzināšana (62). Līdzās "zinātniskiem" mērķiem šim darbam bija arī svarīgs "tautisks uzdevums" - "pazīņināt ģimeņu attiecības mātes zemes un ārzemēs dzīvojošo vāciešu starpā, un līdz ar to kopējās piederības izjūtu rasei un tautībai" (63).

Visas šīs "trešā reiha" organizāciju rīkotās dažādā rak-

stura sanāksmes un darbība, kas šajā sakarā tika izvērstā, pilnīgi atbilda vācu nacisma globālās stratēģijas mērķiem, kuras neatņemama sastāvdaļa bija "piekto kolonnu" sistēmas radīšana. Veidojot to, bija nepieciešams iznīdēt "tautas vāciešos" uzticības paliekas valstij, kurā viņi bija apmetušies uz dzīvi. "Valsts idejai jāpakļaujas tautības kopizjūtas idejai" (64) - tā šo uzdevumu publiskās deklarācijās jau 1934. gadā noformulēja Šteinahers. Un rezultāti nelika ilgi uz sevi gaidīt. Novērtējot VDA 1939. gadā organizētās "vācu tautības dienas" norisi, baltvācu galvenā avīze "Rigasche Rundschau" nevarēja vairs noslēpt savu sajūsmu. Saskaņā ar avīzes atzinumu, tā bija "visu vācu asiņu un vācu valodas cilvēku vienotības ļoti iespaidīga demonstrācija" (65).

Tādējādi, pēc Hitlera nākšanas pie varas, pastiprinājās Vācijas vispusīgā un mērķtiecīgā palīdzība Latvijas vāciešiem. Īpaši vācu fašisti simpatizēja "kustībai". Tās centieni veidot buržuāziskajā Latvijā nacisma "piekto kolonnu" guva viņu pienācīgu atzinību un plašu atbalstu, kas palielinājās, pieaugot fašistiskās Vācijas militārajam spēkam un pastiprinoties tās ārpolitikas agresivitātei. "Trešā reiha" pozīcija bija viens no cēloņiem, kas veicināja Krēgera grupas uzvaru pār konservatīvajiem.

"Tautas grupas" nacifikāciju sekmēja arī fašistiskās Vācijas centieni izmantot baltvācu finansiālo atkarību kā līdzekli, lai piespiestu konservatīvo līderus atzīt "trešā reiha" virsvadību pār Latvijas vāciešiem. Līdz ar "tautas grupas" "unifikāciju" faktiski tika radīti nepieciešamie priekšnoteikumi, lai vācu fašisms varētu efektīvi izmantot vietējos vāciešus cīņā par savu agresīvo ieceri īstenošanu Baltijā.

Piezīmes

1 Pēc žurnālā "Ealtische Monatshefte" 1936. gadā publicētajiem datiem apmēram puse (52,9%) no Latvijas vāciešiem kaut kur strādāja. Pārējie bija nestrādājošie ģimenes locekļi vai arī dzīvoja no kapitāla procentu izmaksām. 10 608 vietējie vācieši vai 26,4% no nodarbināto skaita ierindoti privātpašnieku, to ģimenes locekļu, kas viņiem palīdzēja, un uzņēmēju kategorijās, bet 8468 vietējie vācieši (22,9%) bija ierēdņi un kalpotāji. Skaitliski lielu grupu strādājošo vidū sastādīja arī

- brīvo profesiju pārstāvji - 5,7%. (Apr. pēc : Baltische Monatshefte, 1936, S. 201 -206.)
- 2 Par buržuāziskās Latvijas vācu "tautas grupas" galveno organizāciju nacifikācijas procesu sīkāk sk.: Feldmanis I. Buržuāziskās Latvijas vācu nacionālā mazākuma galveno organizāciju nacifikācijas process (1933-1939). - Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1981, Nr 1, 65.-80. lpp.
- 3 Grundmann K.-H. Deutschumpolitik zur Zeit der Weimarer Republik. Eine Studie am Beispiel der deutsch-baltischen Minderheit in Estland un Lettland. - Hannover - Döhren: Verlag Harro v.Hirschheydt, 1977, S. 716.
- 4 No 1933.gada šīs organizācijas nosaukums vācu valodā - "Volksbund für das Deutschtum im Ausland".
- 5 Rimscha H.von. Zur Gleichschaltung der Deutschen Volksgruppen durch das Dritte Reich. - Historische Zeitschrift, 1956, Bd. 182, S. 30 - 31.
- 6 Grundmann K.-H. Deutschumpolitik ..., S. 719.
- 7 Turpat, S. 721.
- 8 Baltische Briefe, 1976, Nr 7/8, S. 12. XXIX Baltijas vēsturnieku sanāksmes materiāli.
- 9 Чоллек Р. Провал политики "форпоста" (к истории немецкого меньшинства в Латвии и Эстонии в 20-х и 30-х годах). - Уч. зап. Латвийского государственного университета им. П.Стучки, 1976, Т.260. Германия и Прибалтика, 4, с.13-14.
- 10 Pyge В. Германия в 1917 - 1933 гг. М., 1974, с. 313.
- 11 Turpat.
- 12 Kintais P.Šīpaya manuskripts tika publicēts 1973.gadā.
- 13 Schiemann P. Die Umsiedlung 1939 und die europäische Minderheitspolitik. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1974. Lüneburg, 1973, S. 99.
- 14 Rimscha H.von. Zur Gleichschaltung ..., S.30.
- 15 Schiemann P. Die Umsiedlung ..., S. 100.
- 16 Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933-1938. - Frankfurt am Main : Alfred Metzner Verlag, 1968, S. 178., 605.
- 17 Turpat, S. 178.
- 18 O.fon Kursels (Kursell) - pēc izcelsmes baltvācietis. Vadīja reakcionāro organizāciju "Baltijas brālība" (Baltische Bruderschaft). Nacistiskajai kustībai pieslēgās jau 1922.g.

- 19 Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische ..., S. 231.
- 20 Turpat, S.234.
- 21 Rimscha H.von. Zur Gleichschaltung ..., S. 45.
- 22 Vācu "tautas grupu" unifikācija - to vadības koncentrēšanās vietējo vācu nacionālsociālistu rokās, kuri savukārt darbojās pēc Berlīnes pavēlēm.
- 23 Rimscha H.von. Zur Gleichschaltung ..., S. 31.
- 24 Finanšu gads sākās 1. augustā.
- 25 Latvijas PSR Centrālais Valsts vēstures arhīvs (turpmāk - LCVVA).
- 26 Turpat.
- 27 Turpat.
- 28 Turpat.
- 29 Turpat.
- 30 Turpat.
- 31 Turpat.
- 32 Turpat.
- 33 Turpat.
- 34 Turpat.
- 35 Petersen H. Von der Maxime der Selbstverantwortung (Dem Andenken Harald von Rautenfelds). - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1977. Lüneburg, 1976, S. 25.
- 36 Turpat.
- 37 Turpat.
- 38 Sk.: Feldmanis I. Buržuāziskās Latvijas ..., 73.-78.lpp.
- 39 LCVVA.
- 40 Turpat.
- 41 Turpat.
- 42 Vēstules pilns teksts publicēts Rīdigerā atmiņās (Rüdiger W.von. Aus dem letzten Kapitel deutsch-baltischer Geschichte in Lettland 1919 - 1939. - Hannover-Wilfeld: 1955, T. 2, S.59.).
- 43 Rimscha H.von. Zur Gleichschaltung ..., S.38.
- 44 Turpat, S. 39.
- 45 Turpat.
- 46 Tā, piemēram, 1937. gada maijā, uzstājoties "tautas apvienības" prezidija sēdē, baltvācu centrālās organizācijas prezidents E.Mindels ar nožēlu konstatēja, ka joprojām, tāpat kā agrāk, pastāv atsevišķs VDA budžets, un "jaunatnes savienība" saņem no tā līdzekļus, apejot "tautas apvienību". (LCVVA)

LVU LATVIEŠU
BIBLIOTEKA

1407-21-83

- 47 Turpat.
- 48 Turpat.
- 49 Kroeger E. Auszug aus der alten Heimat.- Tübingen, 1967, S.45.
- 50 LCVVA.
- 51 Turpat.
- 52 Turpat.
- 53 Turpat.
- 54 Turpat.
- 55 Turpat.
- 56 Turpat.
- 57 Turpat.
- 58 Sīpols V. Dzimtenes nodevība.-Rīga, 1963, 70.lpp.
- 59 LCVVA.
- 60 Turpat.
- 61 Piemēram, "tautas apvienības" delegātu sanāksmes (1935.g.11. maijā) protokolā īpaši uzsvērts fakts, ka pēdējā gada laikā ļoti padzilinājušās "tautas grupas" attiecības ar Vācu ārzemju institūtu Štutgartē (LCVVA).
- 62 Turpat.
- 63 Turpat.
64. Turpat.
- 65 Rigasche Rundschau, 1939, 1 Juli.

М. Ротбарт
Ростокский университет
им. Вильгельма Пика (ГДР)

П. ШИМАН И ЕВРОПЕЙСКИЕ КОНГРЕССЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Происхождение и деятельность Европейских конгрессов национальных меньшинств является примером того, как буржуазия использует национальные меньшинства для долгосрочного планирования и подготовки империалистической экспансии. Первая мировая война завершилась образованием системы империалистических мирных договоров, которая отражала новое соотношение сил, образовавшееся внутри капиталистического мира. Страны-победительницы боролись за сохранение и укрепление позиций, завоеванных ими в результате войны. При этом между самими странами-победительницами возникли серьезные противоречия. В то же время государства, потерпевшие в войне поражение, боролись за восстановление утраченных позиций и завоевание новых сфер влияния. В последней группе стран проявлялись тенденции ревизии границ, выражавшиеся в различных странах с различной интенсивностью (1). Среди них наиболее опутимые потери понес во время войны агрессивный германский империализм (2).

Особое внимание во внешней политике версальской Германии после войны уделялось немцам, проживавшим на территориях, утраченных в результате поражения в войне. Берлин стремился любыми путями предотвратить эмиграцию этих немцев в Германию, с тем, чтобы использовать это обстоятельство в качестве обоснования перед мировой общественностью своих претензий на возврат и восстановление господства на утраченных территориях. Империалистическая политика в отношении меньшинств (Minoritätspolitik) использовала факты дискриминации национальных меньшинств в отдельных странах для реализации своих реваншистских целей. В этих условиях особое значение приобрело положение немецких национальных меньшинств в тех странах Европы, в которых эти меньшинства поддерживались империалистической Германией (3). Это, в первую очередь, относилось к немецкому на-

селению в Польше и Чехословакии, которое использовалось внешней политикой Германии в качестве инструмента для подготовки ревизии границ, установленных Версальским договором. Осуществлению этой концепции уже сравнительно рано способствовали проявившие себя устремления немецких меньшинств к объединению. Так, в октябре 1922 г. в Вене был образован "Союз немецких национальных групп в Европе". Активное участие в его организации принял наряду с Эвальдом Амменде* Пауль Шиман (4).

Период относительной стабилизации капитализма создал для империалистических кругов Германии более выгодные условия для активизации политики ревизии границ. Проблема меньшинств рассматривалась в данных условиях берлинскими правящими кругами как удобный рычаг для начала дискуссии о ревизии. В качестве нового тактического момента в эти годы усиления реваншизма следует отметить тот факт, что интересы националистической экспансии защищались под прикрытием европейских лозунгов. Действуя в этом русле, руководители немецких меньшинств, прилагали усилия к созыву так называемого Европейского конгресса меньшинств. В результате этих устремлений в октябре 1925 г., по инициативе прежде всего руководителей немецких меньшинств в странах Прибалтики в Женеве был созван Европейский конгресс национальных меньшинств. В дальнейшем такие конгрессы созывались вплоть до 1938 г. ежегодно. В успехе этой политики в первую очередь заслуга П. Шимана, который был уполномочен "Союзом немецких национальных групп в Европе" согласовать отдельные шаги по подготовке конгресса с Министерством иностранных дел в Берлине (5).

Цели, которые преследовались созывом конгресса, ясно видны из письма Амменде руководителю Немецкого фонда (Deutsche Stiftung) Крамер-Мёлленбергу. Автор письма жалуется на то, что принципы и требования немецких меньшинств не пользуются никаким авторитетом до тех пор, пока они воспринимаются как требования чисто немецкого характера. Поэтому сейчас необхо-

* см. Ротбарт М. Эвальд Амменде и организация Европейского конгресса национальных меньшинств. - Германия и Прибалтика, У, Рига, ЛГУ им. П. Стучки, 1978, с. 88-96.

димо "установить контакт с остальными большими группами меньшинств с тем, чтобы определение и обоснование основных немецких требований звучало бы как общеввропейский принцип" (6).

Руководители немецких меньшинств играли на конгрессе ведущую роль. "Союз немецких национальных групп в Европе" перед соответствующими сессиями Женевского конгресса намечал совместно с Министерством иностранных дел основные линии для выступления на конгрессе. Таким образом Германия могла использовать этот формально независимый форум для того, чтобы посредством международной дискуссии по вопросу о национальных меньшинствах, постоянно обращать внимание на невыносимость ситуации, образовавшейся в результате Версальского договора (7). Это было возможным не только потому, что немецкие делегации имели численный перевес на конгрессах, но и потому, что их деятельность финансировалась Министерством иностранных дел Германии (8).

Характер работы конгрессов в значительной мере определялся представителями немецких меньшинств из прибалтийских государств. Президент конгресса Иосип Вильфан называл Пауля Шимана "мыслителем конгрессов" (9), а Эрвин Кельмес характеризует Шимана в своей диссертации об европейских конгрессах национальных меньшинств в качестве "впечатляющей личности, наиболее богатой идеями" (10).

Политическая позиция Шимана определялась его безговорочной враждебностью к Советскому Союзу. Оценивая Октябрьскую революцию, Шиман называл классовое господство пролетариата анархией, которая на столетия отбросит назад культурный уровень государства. По Шиману, социализм и демократия являются противоречащими друг другу понятиями (11). Касаясь роли Германии в международных классовых конфликтах, Шиман писал: "Германия является последним бастионом антибольшевизма. Если германскому народу удастся с помощью личностных ценностей преодолеть азиатский яд и содействовать победе нового социального мирового порядка, тогда немецкий народ сможет взять реванш в духовной области за поражение в мировой войне и стать духовно-доминирующей нацией" (12).

В центр устремлений конгресса меньшинств немецкие руководители выдвигали постулат культурной автономии. Ее реализация давала возможность экономически и организационно сильным меньшинствам (немецкие меньшинства обычно были такими) добиться особого положения, которое способствовало дезинтеграции государств, где проживали немцы.

Шиман изложил свою концепцию культурной автономии уже на первом конгрессе. Разделение государства и "народного сообщества" он рассматривал как сердцевину проблематики меньшинств и считал главным злом национального вопроса отождествление этих двух понятий (13). В этом вопросе он следовал взглядам австро-марксистов Отто Бауэра и Карла Реннера (14). "Народное сообщество" по Шиману является "надпространственным объединением всех тех, кто следует общему национальному культурному идеалу" (15). Следующим принципиально важным признаком Шиман считал "восприятие исторической традиции" в форме признания "общности судеб" по происхождению и истории (16), которая "одновременно возлагает обязанности и определяет особую позицию по отношению к окружению" (17).

Шиман считал главной проблемой разрешение кажущегося противоречия между принадлежностью к государству и принадлежностью к нации (18). Совместное бесконфликтное проживание различных национальностей в качестве "культурных сообществ" внутри общего государственного пространства возможно, однако, только "при условии разграничения обязанностей, которые вытекают из государственной и национальной принадлежности" (19). Он требовал такое разграничение сферы действия "народных сообществ" по отношению к государству, которое привело бы к изъятию всех культурных вопросов из сферы действия государства, "освобождению их от государства" и передаче надгосударственному "народному сообществу". Государству следует ограничиться признанием самоуправления, проживающих на его территории "культурных сообществ", и содействовать упорядочению их сотрудничества.

Осуществление этой концепции Шиман считал возможным в форме культурной автономии меньшинств. Он писал: "Я вижу возможность разрешения проблем меньшинств на путях осуществления национально-культурной автономии. Нас никогда не удовлетворяла защита прав меньшинств, носящая характер международной благотворительной службы; мы должны требовать такое право для меньшинств, которое передает в наши руки управление в области национально-культурных нужд" (20).

Выдвигая и пропагандируя такую концепцию на женеvских конгрессах, Шиман действовал в полном единодушии с правящими кругами Германии. Уже во время мирных переговоров в Версале германская делегация - правда безуспешно - боролась за предоставление культурной автономии немецким национальным меньшинствам. При переходе к более откровенному курсу реванша Штреземан при открытии "Дома немецчества" в Штутгарте 21 мая 1925 г. открыто требовал предоставления немецким меньшинствам за границей культурной автономии (21).

Соответствующая резолюция была принята на первом конгрессе меньшинств. В ней, в частности, говорилось: "Национально-культурная свобода является таким же духовным фактором культурного мира как религиозная свобода... Соответственно этому каждое государство, в границах которого проживают национальные меньшинства, должно стараться обеспечить этим сообществам свободное культурное и хозяйственное развитие. Признание и практическое осуществление этих принципов создадут предпосылки для взаимопонимания между народами и - тем самым - для мира в Европе" (22).

В 1926 г. Шиман дал интервью корреспонденту "Каттовитцер Цейтунг", в котором особенно отметил, что решение конгресса имело исключительно важное практическое значение. Однако против лозунга культурной автономии уже на первом конгрессе выступили представители национальных меньшинств, проживавших в Германии и объединенных с 1924 г. в соответствующем союзе ("Verband der nationalen Minderheiten in Deutschland"). Поэтому Шиман при поддержке и по инициативе берлинского правительст-

ва созвал 16 января 1926 г. в Риге конференцию представителей меньшинств прибалтийских государств. Именно этот регион рассматривался германским империализмом в качестве выгодного объекта для проводимой им подрывной политики (Zersetzungs-politik), здесь Берлин находил удобные предпосылки для укрепления с помощью немецких меньшинств - своих позиций. Культурная автономия немцев Эстонии рассматривалась как образец, к достижению которого следует стремиться в других странах (23). В работе конференции приняли участие представители немецкого, польского, русского и еврейского меньшинств. Принятая в заключение резолюция подчеркивала единство мнений участников по вопросу о введении культурной автономии (24).

С осуществлением культурной автономии институты немецких меньшинств могли быть превращены в инструмент реваншистской политики германского империализма. Отрицая социальную дифференциацию внутри национальных меньшинств, культурная автономия направлялась на объединение пролетариата и буржуазии одной нации и одновременно на разъединение пролетариата различных наций. Тем самым этот лозунг служил, с одной стороны, усилению националистических настроений среди трудящихся масс Германии (25), а с другой стороны, усугублял конфликтные ситуации между соседними с Германией государствами и проживавшими на их территории национальными меньшинствами. Таким образом, культурная автономия использовалась господствующими классами Германии, как и влиятельными деятелями немецких меньшинств, в качестве чрезвычайно важного средства для создания выгодных предпосылок ревизии Версальского договора.

Деятельность Шимана на конгрессах, а также принятые на этих конгрессах резолюции, были нацелены на то, чтобы убедить европейскую общественность в том, что осуществление концепции автономии является путем обеспечения мира в Европе. Только так следует понимать высказанную Шиманом мысль: "Требование культурной автономии само по себе уже включает признание и одобрение существования данного (в котором проживают и национальные меньшинства - М.Р.) государства." (26)

Упомянутый ранее Кельмес следует этой концепции и, вопреки истине, утверждает, что культурная автономия должна бы-

ла предотвратить ирредентизм, так как гарантия национально-культурного развития лишала всякой почвы стремление отделиться от государства" (27).

Польская сторона многократно подчеркивала, что требование культурной автономии не является конечной целью политики правящих классов Германии по вопросу о немецком меньшинстве, а является лишь средством к достижению более далеких целей. Так, например, польское посольство в Берлине считало, что "культурная автономия является одной из переходных форм, необходимой для осуществления политики реванша" (28).

В принципиально важной передовой статье "Ригаше Рундшау" от 23 апреля 1926 г. Шиман открыто говорил об этих вопросах: "Можно спокойно сказать, что конечной целью политической деятельности любого национального меньшинства должно быть прекращение состояния меньшинства. Каждая национальная группа остается так долго стабильным меньшинством, пока вопросы, касающиеся ее национального существования находятся в компетенции парламентского большинства. В тот момент, когда эти вопросы изымаются из компетенции государства и подчиняются суверенной воле национальной группы, меньшинство прекращает быть таковым и занимает позицию свободной политической группы. Пока что мы видим такое решение прежде всего в национально-культурной автономии. Несмотря на это, мы не можем сказать, что автономия является подлинной целью любой политики меньшинств" (29).

В тесной связи с вопросами культурной автономии следует рассматривать теорию так называемого "народного сообщества". Она произросла из корней пангерманизма прошлого века и проникла в более широкие народные слои лишь после первой мировой войны. Активное участие в пропаганде этих идей, которые вновь должны были обеспечить немецкому монополистическому капиталу шансы на гегемонию, принял Шиман. Он заявлял: "В тот момент, когда забота о культуре изымается из компетенции государства, она переходит в руки надгосударственного народного сообщества, которое, распространяясь за все государственные границы, охватывает членов одного народа и становится единственным носителем национальной мысли" (30). Шиман требовал предоставить гаран-

тию для международно-правового обеспечения деятельности "интертерриториальных народных сообществ". Взаимосвязь между осуществлением культурной автономии и образованием "народных сообществ" он видел в том, что свободное в культурном отношении национальное меньшинство не может создавать "народное сообщество" с теми "собратьями по нации" (Volksgenossen); чья культурная деятельность определяется государством, так как последние в таком случае, "действуя в интересах чуждых государственных интересов" (31), будут слугами двух господ.

Четвертый конгресс принял в 1928 г. решение, касающееся "народных сообществ" (32), в котором выдвигалось требование межгосударственного культурного сотрудничества "народных групп" одной национальности. Открытое провозглашение этой идеи произошло на шестом конгрессе в 1930 г. В соответствующей резолюции выдвигалось требование о сплочении проживающих в различных странах меньшинств одной национальности в "народное сообщество". Следующий конгресс выработал основные положения организации "народных сообществ" (33).

Выдвинутое Шиманом требование о формировании националистической "культурной общности" в соседних с Германией государствах, ставило целью значительно сузить сферу компетенции таких государств и усилить связь немецких меньшинств с Германией. Выдвигая понятие "надгосударственной национальной общности", Шиман разрабатывал программу, которая должна была облегчить Германии уничтожение Версальского договора и осуществление еще более далеко идущих целей. Согласно этой концепции, внимание нацеливалось на политико-социальную единицу, выходящую за пределы границ Германии, с тем, чтобы "народность" оказалась объединяющим элементом между той территорией, на которой осуществлялась власть германского монополистического капитала, и той сферой влияния, к которой последний стремился. Из этого вытекало ирредентистское требование о присоединении к Германии "частей немецкого народа", находившихся вне границ Германии вместе со всей или частью территорий, которые они населяли. Таким образом, создавалось противоречие между территорией Германии после войны и существованием вне ее "немецкой народности". Устранение этого противоречия было возможно

лишь путем приближения "государственных границ" к "народным границам" и совпадения в итоге "народа" и "государства". Из этого логично вытекало требование ликвидации существующих границ и установление гегемонии германского империализма в Европе. Объективно Шиман поставил таким образом свою деятельность на службу германскому монополистическому капиталу, который достойно оценил это. Так, по случаю 25-летнего юбилея своей журналистской деятельности в "Ригаше Рундschau", Шиман получил многочисленные поздравления от конгресса меньшинств, Германского зарубежного института в Штутгарте, руководящих представителей меньшинств в прибалтийских государствах и в Польше, а также от "Союза немецких национальных групп в Европе". В этих поздравлениях в первую очередь подчеркивалась роль концепции Шимана о национальной "культурной общности" нации, независимо от государственного пространства (34).

Европейский конгресс национальных меньшинств сыграл определенную роль в деле воздействия на общественное мнение Европы в духе устремлений германского империализма. В этом Шиман и видел задачи и цели конгресса.

Со своей стороны он как вице-президент конгресса оказал значительное влияние на разработку и пропаганду концепций политики меньшинств, которая должна была способствовать ревизии Версальского договора.

Примечания

- 1 См.: Деборин Г.А. О характере второй мировой войны. М., 1960, с. 8.
- 2 См.: Deutschland im ersten Weltkrieg, Berlin, 1968, Bd. 3, S. 547 ff.
- 3 См.: Zielinski H. Mniejszosci narodowe w Europie środkowej o problem bezpieczeństwa europejskiego (1918-1939), В: Dzieje najnowsze, Rocznik VI - 1974, N. 4, S. 3 ff.; Satowski H. Problem mniejszosci w Europie w przededniu II wojny światowej. - В: Kwartalnik Historyczny, 1970, N 3, S. 636 ff.; Rieper H. Die Minderheitenfrage und das Deutsche Reich 1919-1933/34. Frankfurt a/Main, 1974, S. 54 ff.; Krekeler N.F. Zur Deutschlandspolitik des Auswärtigen Amtes in den durch den Versailler Vertrag ab-

getretenen Gebieten 1918-1933. Bonn, 1972; Gentzen F.H. Zur Geschichte des deutschen Revanschismus der Weimarer Republik. В: Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1960, Bd. 4, S. 42 ff.

4 См.: Rothbarth M. Grenzrevision und Minderheitenpolitik des deutschen Imperialismus. Der Europäische Minderheitenkongress als Instrument imperialistischer deutscher "Revisionsstrategie". В: Jahrbuch für Geschichte..., Berlin, 1981, Bd. 22; Nation und Staat. - Deutsche Zeitschrift für das europäische Minderheitenproblem, Wien, 1932, S. 847 ff.

5 См.: Rothbarth M. Das imperialistische Deutschland und die Gründung des Europäischen Minderheitenkongresses. - В: Letopis, Reihe B - Geschichte, N 26/2, 1979.

6 ZStA Potsdam, Deutsche Stiftung, N 1120, Bl. 22.

7 В донесении германского консульства в Женеве МИДУ в сентябре 1926 г. говорится, что интернационализация меньшинственной проблемы в первую очередь будет выгодна тем нациям, у которых за рубежом проживают многочисленные меньшинства. Это относится, в первую очередь, к немцам и венграм. Далее подчеркивается, что с "общенемецкой точки зрения" конгресс безусловно был очень важным событием, так как все, что усиливает пропаганду проблем меньшинств, служит немецким интересам (ZStA Merseburg, Rep. 77, Tit.: 4032, N 20, Bd. 3, Bl. 44).

8 ZStA Potsdam, Deutsche Stiftung, N 992, Bl. 39.

9 См.: Sitzungsbericht des Kongresses der organisierten nationalen Gruppen in den Staaten Europas. Wien-Leipzig, 1931, S. 7. Спустя два года Вильфан сказал о Шимане "... несомненно, что по духовному проникновению в наши проблемы и их этическому углублению он является одним из самых выдающихся среди нас" (Sitzungsbericht, 1933, S. 16).

10 Kelmes E. Der Europäische Nationalitätenkongress (1925-1938). Köln, 1958, S. 145; Garleff M. Paul Schiemanns Minderheitentheorie als Beitrag zur Lösung der Nationalitätenfrage. Zum 100. Geburtstag Paul Schiemanns (1876-1944). - В: Zeitschrift für Ostforschung 1976, H. 4, S. 632 ff.

11 Schiemann P. Das Fiasko der russischen Demokratie. Riga, 1918, S. 75.

- 12 Schiemann P. Die Asiatisierung Europas. Berlin, 1919, S. 19;
- 13 Schiemann P. Massenelend, Berlin, 1918.
- 14 Sitzungsbericht, 1927, S. 25.
- 15 CM.: Schiemann P. Volksgemeinschaft und Staatsgemeinschaft. B: Nation und Staat, 1927, S. 31.
- 16 Sitzungsbericht, 1931, S. 98.
- 17 CM.: Schiemann P. Volksgemeinschaft und ..., S. 40.
- 18 Ibidem, S. 29.
- 19 Sitzungsbericht, 1926, S. 34.
- 20 CM.: Schiemann P. Ein europäisches Problem. Unabhängige Betrachtungen zur Minderheitenfrage. Wien-Leipzig, 1937, S. 38.
- 21 Kattowitzer Zeitung, 1926, 28. Juli.
- 22 CM.: Kulturwehr. - Zeitschrift des "Verbandes der nationalen Minderheiten in Deutschland", 1925, N 2, S. ...
- 23 ZStA Potsdam, Deutsche Stiftung, N 1121, Bl. 284.
- 24 К вопросу о культурной автономии в Эстонии см. Hasselblatt W. Die Durchführung der Kulturautonomie in Estland. - B: Staat und Volkstum. Bücher des Deutschtums, 2. Bd. Hrg. von K.C. von Loesch, Berlin, 1926, S. 155 ff.; Hasselblatt W. Hat sich die Kulturautonomie in Estland bewährt? - B: Nation und Staat, Bd. 4, 1930/31, S. 441 ff.
- 25 Przegląd Polityczny, 1926, S. 3.
- 26 CM.: Ruge W. Zur chauvinistischen Propaganda gegen den Versailler Vertrag 1919-1929. - B: Jahrbuch für Geschichte, Berlin, 1967, Bd. 1, S. 65 ff.
- 27 Sitzungsbericht, 1925, S. 54.
- 28 CM.: Kelmes E. Der Europäische..., S. 175.
- 29 AAN Warszawa, Ambasada RPw Berlinis, N 1586, Bl. 332 ff.
- 30 Kulturwehr, 1927, N 5/6, S. 279.
- 31 Schiemann P. Die Staatsform der Zukunft. - B: Die offene Wunde Europas. Herrmannstadt, 1930, S. 19. Ähnlich in: Sitzungsbericht, 1926, S. 42.
- 32 Sitzungsbericht, 1926, S. 41
- 33 Nation und Staat, 1931/32, S. 464 f.
- 34 Sitzungsbericht, 1931, S. 154 ff.
- 35 Nation und Staat, 1932, S. 847 f.

Я. Райд
Тартуский университет

ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ТАРТУСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И НЕМЕЦКИЕ ВЕРХИ ЭСТОНИИ

Руководящие деятели и ведущие организации прибалтийских немцев рассматривали Тартуский (Дерптский) университет как основной центр немецкого влияния в так называемых остзейских провинциях России. Мероприятия царского правительства в последней четверти XIX в., направленные на русификацию Прибалтики и ликвидацию немецкого влияния в университете, были восприняты прибалтийскими немцами исключительно болезненно, вызвали их протест и попытки восстановить свое преобладание в университете. В программном документе, принятом на конференции немецких обществ в апреле 1907 г. в Риге, содержалось прямое требование восстановить в Тарту немецкий университет (I).

Необходимо отметить, что во всей многочисленной прибалтийско-немецкой литературе Тартуский университет в период существования с 1802 г. до последнего десятилетия XIX в. называется только "немецким" (2). Однако, по убеждению автора настоящей статьи, деление истории университета на "шведский", "немецкий", "русский" и "эстонский" периоды, как это делают многие буржуазные исследователи, в том числе и прибалтийские немцы, нельзя признать научным.

Советская историческая наука не отрицает, что с 1802 г. до конца XIX в. преподавание в университете велось на немецком языке, что в этот период большинство преподавателей и студентов были немцы. Такие выдающиеся ученые России, как астроном Фридрих Струве, естествоиспытатели Карл Эрнст Бэр и Александр Миддендорф (по матери эстонец - Я.Р.), физик Мориц Якоби, историк Густав Эверс и многие другие прославили Тартуский университет и внесли достойный вклад в мировую науку.

В Тартуском государственном университете высоко ценят заслуги всех прогрессивных ученых, работавших ранее в Дерптском (Грьевском) университете независимо от их национальности. Не представляют в этом отношении исключение и лица немецкой национальности. Так, в послевоенные годы в Тарту установлен памятник Ф. Струве, создан дом-музей К.-Э. Бэра, в помещениях университета установлены портреты Ф. Паррота, М. Якоби, К. Шмидта и ряда других ученых-немцев. Их памяти посвящены научные конференции и многочисленные исследования советских ученых.

Нет ничего плохого и в том, что в прибалтийско-немецкой историографии отмечаются заслуги выдавшихся ученых и преподавателей немецкой национальности. Однако, прославляя известных ученых России немецкого происхождения, прибалтийско-немецкие авторы не объективны в отношении русских ученых, чья деятельность также была тесно связана с историей Тартуского университета. В их числе работавшие в XIX - начале XX века в университете такие выдавшиеся деятели науки, как историк Евгений Тарле, крупный специалист по международному праву Владимир Грабарь, биохимик и врач, впервые высказавший мысль о существовании в организме жизненно важных химических соединений, названных позднее витаминами, Николай Лукин, выдающийся хирург Николай Бурденко и Николай Пирогов, известный геолог и палеонтолог Николай Андрусов и многие другие.

Изменение правового и экономического положения прибалтийских немцев после установления в Эстонии буржуазной диктатуры, превращение их из ранее почти безраздельно господствовавшей прослойки в национальное меньшинство, со всеми вытекающими из этого последствиями, отвлекли на время внимание прибалтийских немцев от университета. Новый импульс для активизации пропаганды значения "немецкого университета" прибалтийские немцы получили в начале 30-х гг., когда в Эстонии началась подготовка к празднованию 300-летия Тартуского университета.

Здесь необходимо отметить, что в отличие от прибалтийских немцев, правящие круги Эстонии придерживались другой крайно-

сти при оценке деятельности университета, положив в основу юбилейных мероприятий его шведское начало и историю в годы существования буржуазной республики. Такая односторонняя трактовка истории университета дала идеологам прибалтийского немецчества повод для полемики и безудержного восхваления "немецкого" периода истории Тартуского университета.

Главное место среди запланированных верхушкой прибалтийских немцев юбилейных мероприятий занимало намерение издать "свою" историю университета. "Союз немецких обществ в Эстонии" заключил договор с известным прибалтийско-немецким общественным деятелем бароном Р.ф.Энгельгардтом, по которому последний обязался к первому марта 1932 г. представить рукопись истории университета (позднее этот срок был продлен до 1 октября 1932 г.) (3). Подготовка к изданию истории Тартуского университета вызвала определенный интерес в Германии, где некоторые организации решили материально поддержать это намерение. Так, например, Немецкая академия в Мюнхене выделила в фонд издания 2000 эстонских крон (4).

Однако работа над рукописью задержалась и книга, подготовленная Энгельгардтом, вышла в свет лишь спустя год после празднования 300-летия университета. Но это издание никак нельзя считать научной историей университета. Даже сам автор был вынужден признать ряд серьезных упущений в изложении исторического материала и назвал поэтому свою книгу "Немецкий университет в Дерпте в его идейном значении" (5).

В настоящей статье не ставится задача подробного анализа содержания книги Энгельгардта. Необходимо, однако, отметить ее исключительную тенденциозность. Еще в процессе работы над рукописью Энгельгардт отмечал, что в заключительной части книги предполагается показать "огромный упадок научного уровня в связи с окончательной русификацией университета" (6). Естественно поэтому, что в основе книги лежит мысль о превосходстве немецкой культуры, о важной роли университета в системе восточной политики германской реакции и т.п. С этой мыслью переключается и заключение Г.ф. Рауха (в кратком обзоре истории возникновения университета), где говорится, что универси-

тет был создан в 1802 г. как просветительский центр, призванный вернуть Прибалтийские провинции германо-протестантской культуре (7).

Участие прибалтийских немцев в праздновании 300-летия Тартуского университета не ограничилось подготовкой и изданием "своей" истории этого высшего учебного заведения. С начала 1932 г. в немецких газетах, выходивших в Эстонии, было опубликовано много статей и заметок, посвященных этому событию. Особенно много таких материалов печаталось на страницах тартуской немецкой газеты "Дорпатер Цейтунг". Безусловно не все, что публиковалось, носило тенденциозный характер. В некоторых статьях поднимались вопросы, представлявшие интерес для читателей, воскресавшие малоизвестные или позабытые подробности из жизни университета.

Однако главное внимание газета уделяла все-таки пропаганде прошлых "заслуг немецкого университета", сильно принимая одновременно все то, что было позднее. Особенно много внимания было уделено этим вопросам в статье Фитингхофа-Шееля "Из десятилетия русификации Дерптского университета", опубликованной на видном месте в десяти номерах "Дорпатер Цейтунг". Автор на каждом шагу восхвалял "немецкий период" университета, выделяя с особым удовлетворением то, что в начале 90-х гг. прошлого века, когда он связал свою судьбу с университетом, на медицинском, да и на других факультетах, кроме юридического, не было еще русских преподавателей (8). Когда же Фитингхоф-Шеель спустя 7 лет покинул университет, почти все немецкие профессора уже были вынуждены отказаться от работы в нем. Отмечая, что среди новых студентов было много семинаристов, Фитингхоф-Шеель восклицает: "С нашим старым Дерптом было покончено!" (9).

В таком же духе выдержана статья А. Штейнберга "Преподаватели высшей школы в период расцвета Дерптского университета". Правда, наряду с дифирамбами в адрес преподавателей немецкой национальности, автор приводит и некоторые сведения о выдавшемся русском хирурге Николае Пирогове (10).

Реже, чем "Дорпатер Цейтунг", по вопросам 300-летия Тар-

туского университета выступала таллинская немецкая газета "Ревальше Цейтунг". Однако накануне празднования и эта газета выпустила специальный номер на двадцати полосах, который был целиком посвящен Тартускому университету, вернее, его "немецкому периоду" (II). Этот номер содержал много больших статей, восхвалявших заслуги прибалтийских немцев в развитии университета и чернивших все то, что не было связано с историей "немецкого периода".

Специальный номер "Ревальше Цейтунг" открывался статьей редактора и одного из идеологов прибалтийских немцев Эстони А. де Фриза, озаглавленной "Алма матер Дорпатензис и прибалтийское немецество". В статье подчеркивалась тесная связь между университетом и прибалтийскими немцами, указывалось, что университет всегда являлся центром, объединявшим немцев Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, и утверждалось, что университет служил, прежде всего, интересам Прибалтийских губерний. Под этими словами следует, конечно, понимать служение интересам прибалтийского немецества, которое считало себя единственным представителем интересов всего Прибалтийского края. В заключение статьи де Фриз констатировал, что, хотя немецкого университета больше нет, но дух его сохранился в прибалтийском немецестве и он является частью истории прибалтийских немцев.

Из статей, посвященных истории отдельных факультетов, следует выделить статью О.Грейфенхагена об историко-филологическом факультете, в которой выделена роль этого факультета как "поля национально-политического сражения" прибалтийских немцев. В этой связи автор уделил особое внимание личности рьяного борца за сохранение привилегированного положения остзейцев - историка профессора Карла Ширрена и его полемике со славянофилом Дрием Самариным. Положительную оценку в этом плане Грейфенхаген дает и ученикам Ширрена, к которым он относит Ф.-Г.Бинемана, И.Галлера и одного из создателей империалистического "остфоршунга" Т.Шимана.

В статье Х.Вейсса, бывшего в то время вице-президентом культурного управления немецкого национального меньшинства

в Эстонии, озаглавленной "Дерптский университет 1632-1932", дается весьма поверхностный обзор истории университета за все трехсотлетие, но и в ней основное внимание уделено "немецкому периоду". В то же время автор характеризует годы с 1893 по 1918 как "темное время в истории высшей школы" в Тарту, наступившее в результате русификации. Период немецкой оккупации (1918 г.) назван Вейссом "кратким интермеццо" в истории университета. Прибегая к этому музыкальному термину, автор хотел, по-видимому, подчеркнуть, что после этой паузы деятельность университета в период буржуазной республики опять приняла мрачный оттенок.

Откликнулся на юбилей Тартуского университета и печатный орган прибалтийско-немецких нацистов - газета "Дер Ауфштиг". В специальном приложении были опубликованы две статьи (12): ректора университета, профессора В. Кыппа и Р. Ф. Энгельгардта. В последней - озаглавленной "К воспоминанию о Дерптском немецком университете", автор полемизировал с ректором по вопросу об официальной трактовке истории университета и, особенно, по вопросу ее периодизации. Энгельгардт утверждал, что прибалтийские немцы имеют право рассматривать историю с других позиций, чем это делают официальные университетские круги, и что никто не имеет права запретить им выдвигать на первый план "немецкую эпоху" в жизни университета. Энгельгардт высказал также мнение, что годом рождения университета было бы более оправдано считать не 1632, а 1802 г.

Много материалов поместили немецкие газеты и о самих юбилейных торжествах, публикуя выступления различных должностных лиц и гостей. Главное внимание при этом было уделено речи ректора Кенигсбергского университета А. Бирх-Гиршфельда, который представлял на праздничных мероприятиях все вузы Германии. При изложении этой речи газеты наибольшее внимание уделяли тому, что Бирх-Гиршфельд говорил о заслугах немцев в развитии университета (13).

Выступления прибалтийско-немецких газет Эстонии об официальной стороне юбилея были, в основном, вполне корректными. Некоторое исключение представляла только одна заметка в "Дор-

патер Цейтунг", в которой городские власти обвинялись в переименовании некоторых улиц Тарту, носивших ранее немецкие названия (14). Значительно более резким было выступление рижского прибалтийско-немецкого ежемесечника "Балтише Монатсхефте", который опубликовал корреспонденцию своего тартуского представителя Л. фон Миддендорфа. Оценивая прошедшие торжества, автор обвинил эстонские власти в том, что они умолчали о роли "немецкого университета", не упомянули о заслугах немецких профессоров в развитии науки и не пригласили принять участие в юбилейных мероприятиях представителя института им. Гердера. Миддендорф объяснил такую позицию официальных властей тем, что правящие круги Эстонии стремились замолчать культурную работу, проделанную немцами на протяжении многих веков, и назвал такое явление свидетельством незрелости и неуверенности. В то же время автор статьи с удовлетворением отметил выступление представителя вузов Германии, который, по его мнению, сказал в своей речи то, о чем умолчали эстонские ораторы (15).

Таким образом, празднование 300-летия Тартуского университета было широко использовано верхами прибалтийских немцев Эстонии для усиленной пропаганды идеи о культуртрегерской миссии немцев в Прибалтике, вообще и особой роли Тартуского университета как духовного центра немецчества. Непомерное и одностороннее возвеличивание немецкого начала в научной и педагогической жизни университета имело и другие цели. Оно должно было служить и интересам укрепления единства прибалтийских немцев, пошатнувшегося после образования Эстонской республики. И, наконец, шумиха вокруг 300-летия Тартуского университета была призвана привлечь внимание общественности Германии к судьбам прибалтийских немцев и доказать, что немцы Эстонии и в новых условиях продолжают служить интересам "восточной политики" Германии.

Примечания

- 1 Sommer E.F. Die Einigungsbestrebungen der Deutschen im Vorkriegs-Russland (1905-1914). Leipzig, 1940, S. 30.

- 2 Busch Fr. Der Fürst Karl Lieven und die Kaiserliche Universität Dorpat unter seiner Oberleitung. - Dorpat u. Leipzig, 1846; Die deutsche Universität Dorpat im Lichte der Geschichte und Gegenwart. - Leipzig, 1882; Gernet A.v. Die im Jahre 1802 eröffnete Universität Dorpat und die Wandlungen in ihrer Verfassung. - Reval, 1902; Harnack A. Geschichte der deutschen Universität in Dorpat. - In: Alpenländische Monatshefte, 1925/1926; Kigelgen C.v. Kulturleistungen der Deutsch-Balten. - In: Nationalsozialistische Monatshefte, 1939, H.106; Krieg H. Baltischer Aufbruch zum deutschen Osten. - Berlin-Leipzig, 1940; Wittram R. Die deutsche Universität Dorpat. - In: Rückkehr ins Reich. - Posen, 1942; Rauch G.v. Die nationale Frage in den russischen Ostseeprovinzen im 19. Jahrhundert. - In: Der Ostseeraum im Blickfeld der deutschen Geschichte. - Köln-Wien, 1970 u.a.
- 3 ЦГИА СССР, ф. 1850, оп. I, д. III5, лл. 186, 187, 221.
- 4 Там же, л. 221.
- 5 Engelhardt R. v. Die deutsche Universität Dorpat in ihrer geistlichen Bedeutung. - Reval, 1933.
- 6 ЦГИА СССР, ф. 1850, оп. I, д. III5, л. 226.
- 7 Engelhardt R. v. Op.cit., S.19.
- 8 Dorpater Zeitung, 1932, 2. Juni.
- 9 Ibid., 1932, 16. Juni.
- 10 Ibid., 1932, 20. Juni.
- 11 Revalsche Zeitung, 1932, 29. Juni.
- 12 Der Aufstieg, 1932, 3. Juli.
- 13 Dorpater Zeitung, 1932, 30. Juni.
- 14 Ibid., 1932, 22. Juni.
- 15 Baltische Monatshefte, 1932, S.437-439.

П. Озолинь
ЛГУ им. П. Стучки (Рига)

ОСТЗЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА им. К. ШИРРЕНА В ФРГ

Одной из традиций остзейцев (1) или одной из форм проявления наследия прошлого можно считать их стремление к созданию разветвленной сети организаций. Это свидетельствует об определенной гибкости тактики, о попытках подчинить своему влиянию и использовать в своих интересах различные слои прибалтийского немецчества. Данная тенденция усилилась после революции 1905-1907 гг., когда и в Прибалтийском крае были серьезно ослаблены основы существования привилегированных условий (2).

В ходе переселения немцев из Прибалтики в 1939-1941 гг. существовавшие здесь организации самораспустились. Однако после войны к концу 40-х, началу 50-х гг. в ФРГ вновь возникли прибалтийско-немецкие организации. Имея преимущественно новые названия, они в иной обстановке продолжают отстаивать унаследованные из прошлого, хотя и несколько видоизмененные, консервативные идеи.

В настоящее время, несмотря на относительно небольшое количество прибалтийских немцев и их потомков в ФРГ (3), в этой стране действует ряд взаимосвязанных, а также связанных с другими политическими силами организаций прибалтийского немецчества (4).

Наряду с Прибалтийско-немецким землячеством, Прибалтийской исторической комиссией и Союзом остзейских рыцарств среди основных организаций прибалтийских немцев в ФРГ следует назвать Общество им. Карла Ширрена (Carl-Schirren-Gesellschaft).

Происхождение этого общества, правда, несколько отличается от других названных организаций. Как группа оно было создано в Германии еще в 1932 г. эмигрировавшими туда к тому времени прибалтийскими немцами. Сегодня Общество им. Карла Ширрена считается старейшим среди существующих ныне в

ФРГ организаций прибалтийского немечества.

До 1949 г. (за исключением периода второй мировой войны, когда его деятельность была приостановлена) общество находилось в г. Киле. Этот город был избран не случайно. Именно в северной Германии поселилось большое число немцев, в разные годы покинувших Прибалтику. С этим городом был связан также последний период жизни К.Ширрена, имя которого было присвоено обществу.

Карл Ширрен (1826-1910) - сын лютеранского пастора в Риге, в 1844-1848 гг. учился в Дерптском университете, с 1858 г. там же заведовал кафедрой географии и статистики России, а в 1863-1869 гг. кафедрой русской истории. Советскими историками положительно оценены его монументальные публикации источников по истории Ливонской войны (5). Дальнейшие же его труды носили откровенно тенденциозный характер. В них он выступал как "обер-идеолог" привилегированных сословий начала второй половины прошлого века (6) в Прибалтийском крае. За свои выступления, выраженные в концентрированном виде в брошюре "Лифляндский ответ" (7), К.Ширрен в 1869 г. был лишен кафедры в Дерптском университете и покинул Прибалтику. В Берлине его надежды на продолжение борьбы за остзейские привилегии не оправдались, и он в 1874 г. принял направление в Кильский университет в качестве заведующего кафедрой новой истории. Остзейцы и в дальнейшем поддерживали его, а коллегия ландграфов Лифляндии в знак благодарности за его деятельность присвоила ему пожизненную пенсию в размере 2400 рублей в год(8).

В духе К.Ширрена и в соответствии с потребностями возросшей агрессивности германского империализма общество, названное его именем, принялось с 30-х гг. за "обоснование особых прав" немцев в Прибалтике. В весьма завуалированном виде о целях и формах довоенной деятельности общества повествуют в послевоенные годы сами остзейцы. "С помощью лекций, встреч и социальной работы, - писал к 30-летию общества его долготелый председатель М.Бем, - оно оживило отношения между нашей родиной (Прибалтикой - П.С.) и Гольштейном, которые исторически восходят к Мейнгарду фон Зебергу (1186)" (9).

В целом же Бем считает, что в 30-е гг. роль и влияние общества были "незначительными" (10).

Деятельность общества заметно активизировалась в послевоенный период, особенно с 1949 г., когда его возглавил Бем.

Об этом видном остфоршере следует сказать особо.

Бем (1891-1968) - уроженец Лифляндии, с одиннадцатилетнего возраста прожил в Германии. Со времени первой мировой войны - активный участник империалистического "изучения Востока". В фашистской Германии он в качестве профессора Йенского университета занимался проблемами геополитики. Несмотря на это, а быть может, именно поэтому, Бем после войны возглавил Общество им. К.Ширрена. "Благодаря своим обширным личным связям с выдавшимися представителями духовной жизни Германии, - писал А.Таубе, один из преемников Бема на посту председателя общества (1971-1978), - он был после переселения национальной группы и крушения гитлеровской империи самой подходящей личностью для того, чтобы облегчить интеграцию прибалтийских немцев в общество западно-германского государства, сохраняя их самобытность, и чтобы ими духовно руководить (11).

С приходом Бема, по мнению Таубе, "работа общества была поставлена на солидную основу..." (12). Такой основой следует считать включение общества в систему реваншистских организаций ФРГ. С 1950 г., когда было создано Прибалтийско-немецкое землячество (Deutsch-Baltische Landsmannschaft), общество выполняет при нем роль отдела культуры (das Kulturreferat wahrnimmt), а председатель автоматически является членом правления землячества, которое, в свою очередь, входит в крупнейшую западно-германскую реваншистскую организацию - так называемый "Союз изгнанных" (Bund der Vertriebenen). Таким образом общество приобщилось к более крупным и крайне реакционным организациям, действующим в ФРГ.

Тем самым для него открылись дополнительные источники финансирования. Землячество из своего бюджета ежегодно выделяет четырем своим организациям, в том числе обществу 14 тысяч марок. Кроме того, во времена председательства mia

А. Ноттбека (1967-1971) был найден, а затем сохранен еще один способ финансовой поддержки общества: каждый член землячества вместе со взносом должен уплатить дополнительно одну марку ("культурмарк") для финансирования деятельности общества. Этим, по свидетельству остзейцев, помощь землячества обществу утроилась (13).

Укреплению материальной и финансовой основы общества способствовали преимущества, вытекавшие из сравнительно высокого правительственного поста Ноттбека как министра юстиции земли Нижняя Саксония. Он добился для общества статуса "общественной полезности" (Gemeinnützigkeit), которым предусмотрено освобождение от налогообложения. Ноттбек создал также "правовые и финансовые предпосылки для учреждения центра культуры и встреч" общества (14), который был открыт в 1973 г. в здании, переданном обществу г. Лüneбургом в бесплатную аренду на 25 лет. Задача Ноттбека облегчалась тем, что г. Лüneбург, в котором с 1950 г. находится общество, расположен на территории "его" земли, то есть в Нижней Саксонии.

Общество им. К. Ширрена является главной организацией прибалтийского немецчества в области культуры, по сравнению, например, с Прибалтийской исторической комиссией, которая считается его единственной научной организацией в послевоенный период.

Если сравнить отношение прибалтийских немцев к обществу и землячеству, то видим, что землячество критикуется ими чаще. Имеются такие, в том числе и весьма видные представители прибалтийского немецчества, которые отрицательно относятся к членству землячества в "Союзе изгнанных", полагая, что реакционные требования последнего заходят слишком далеко в своем противодействии интересам мира и разрядки. Так, например, по вопросу об отношении к "Союзу изгнанных" некоторое время на страницах ежемесячника прибалтийского немецчества "Балтше брифе" велась дискуссия, которая носила особенно острый характер в период до 1977 г. включительно. Одну из последних дискуссий по этому поводу открыл издатель и главный редактор этого издания В. фон Клейст. Он указал на неизбежную альтернативу: выход из "Союза изгнанных" или же "дни земля-

чества как организации будут сочтены" (15). В качестве аргумента Клейст упомянул быстрое сокращение количественного состава землячества (к 1977 г. в нем осталось всего 8500 человек). Вместо землячества Клейст предложил создать обширную культурную организацию, основу которой могло бы составить общество при условии отказа его от "анахронического названия". Ряд читателей выступил в поддержку этих суждений (16).

Следует отметить, что после 1977 г. критических высказываний по данному вопросу стало меньше и, что особенно показательно, изменений в статусе землячества не произошло.

Рассмотрим подробнее вопрос о деятельности общества в послевоенный период. Под своей крышей оно стремится объединить "деятелей культуры среди земляков" (17). В 1981 г. оно насчитывало 1026 членов (18). Председателями после упомянутых Бема, Ноттбека и Таубе были еще Г.Самсон (1978), Г.Веземан (1978-1981), а с 1981 г. общество возглавляет А.Кампенхаузен, бывший заместитель министра по науке и искусству земли Нижняя Саксония. В правление общества в разное время избирались практически все виднейшие прибалтийско-немецкие остфоршеры.

Какие же цели ставит перед собой общество? Таубе определяет их как "сохранение прибалтийско-немецкого культурного наследия во всей его целостности" (19).

Общество, разумеется, в первую очередь обращается к духовному наследию Ширрена, имя которого оно носит.

Взгляды Ширрена глубоко проанализированы советскими историками, в особенности Я.Зутисом (20) и М.Духановым (21).

„Предложенная им историко-политическая концепция, — подчеркивает М.Духанов, — стала методологической основой толкования истории Прибалтики" (22).

Ширрен был яростным защитником отживших свой век остзейских сословных привилегий. "Одновременно феодальные привилегии, — указывает М.Духанов, — выдавались и за совокупность культурных ценностей" (23).

Взявшись за сохранение культурного наследия прошлого в понимании Ширрена, общество приспособливает его к современным условиям. Превозносятся некоторые принципиальные установки Ширрена. Членов общества призывает гордиться своей

консервативной позицией (24), "смелостью выглядеть иногда несовременными". Восхваляется "преимущественно консервативно настроенная публика", присутствующая на проводимых обществом мероприятиях (25). Здесь не получают отклика более либеральные выступления, содержащие критические аспекты в оценке политики ХДС/ХСС или же касающиеся дальнейшего пребывания землячества в "Союзе изгнанных" (26).

Общество унаследовало также позицию Ширрена, определяемую им самим как "борьба против Востока" (*die Stirn nach Osten*) (27). Такая установка была выдвинута остзейцами во второй половине XIX века в процессе отстаивания ими своих привилегий от нападков русской печати и ввиду стремлений части "верхов" царской России ликвидировать "особый статус" Прибалтийского края и приравнять его к другим губерниям. В современную эпоху остзейцы придали этой позиции антисоветский характер и таким образом вполне вписались в ландшафт правых, антикоммунистических сил ФРГ.

Для пропаганды воззрений, пропитанных духом антисоветизма, обществу создаются материальные условия и предоставляется финансовая помощь.

Пропагандистская работа с общественностью осуществляется в двух основных формах.

Это, в первую очередь, ежегодные Дни Карла Ширрена, называемые также прибалтийско-немецкими (или же прибалтийскими) днями культуры, которые проводятся с 1950 г. Первые раз они состоялись в г. Киле, а начиная с 1951 г. - в г. Лüneбурге. В программу Дней наряду с докладами входят, как правило, общее собрание, выставки, концерты, богослужения.

Другой формой воздействия на общественность является издательская деятельность. Общество от имени землячества с 1954 г. издает "Ежегодник прибалтийского немецчества" (*Jahrbuch des baltischen Deutschtums*), объем которого составляет до 200 страниц. Издание ежегодника субсидируется из средств федерального правительства (28). Много места в нем отводится сообщениям о деятельности прибалтийско-немецких организаций, публикуются статьи, основу которых часто со-

ставляют доклады, прочитанные на мероприятиях землячества или входящих в него организаций. Ежегодник начинается, как правило, с освещения памятных дат из истории прибалтийского немецчества, а завершается рецензиями на публикации по истории Прибалтики или на работы прибалтийско-немецких авторов, а также развернутым списком действующих в настоящее время прибалтийско-немецких организаций и издаваемых ими периодических изданий.

Кроме того, общество дважды в год издает четырехстраничное приложение к ежемесячнику "Балтише брифе" под названием "Аус балтишем гвайстеслебен" (Из прибалтийской духовной жизни). Оно главным образом посвящено сообщениям о деятельности общества. Издаются также брошюры и отдельные книги.

Следует отметить, что не все публикации общества носят непосредственную политическую и идеологическую нагрузку. Часть из них представляет определенный интерес по своему информативному содержанию и как источники. В эпистолярной серии обществом были изданы, например, воспоминания видного прибалтийско-немецкого буржуазно-либерального публициста и политического деятеля П. Шимана (1876-1944) (29).

Одной из остзейских традиций всегда являлось пренебрежительное отношение к коренному населению Латвии и Эстонии. Ее истоки восходят, в частности, к Ширрену, позиция которого, по признанию Таубе, не способствовала улучшению отношения прибалтийских немцев с другими народами (30).

Однако в 70-х гг. под влиянием целого ряда политических и идеологических факторов, в том числе в связи с участившимися туристскими поездками в СССР перед обществом выдвинулась необходимость учитывать некоторые из новых реальностей. Общество начало проявлять интерес к литературе, издаваемой в Латвийской и Эстонской ССР. При этом особое внимание уделяется научным трудам по истории Прибалтики и вопросам охраны памятников архитектуры. Уже имеется опыт перевода и издания обществом отрывков из латышской советской художественной литературы (31).

Библиотека общества, которая в 1981 г. насчитывала 5800 библиотечных единиц (книг, старинных исторических карт, графических работ и т.д.) (32), пополняется книгами на латышском и

эстонском языках.

В целом, однако, деятельность общества по-прежнему определяется его враждебностью к советским прибалтийским республикам и их населению, а в более широком плане антисоветизмом и антикоммунизмом.

Какую связь с "прибалтийско-немецкой культурой" могут иметь, например, доклады "К экономике и социологии современного коммунизма", "Интеграция государств восточного блока (так буржуазные идеологи иногда именуют социалистические страны - П.О.): возможности и границы" или же "Изменения в христианстве и коммунизме", прочитанные соответственно Э.Беттхером, Э.Зиверсом и М.Крегером на Днях Карла Ширрена в 1955, 1960 и 1967 гг. Доклад же под названием "Международно-правовое положение оккупированных Польшей и Советским Союзом германских восточных областей" (Д.Радау, на Днях Карла Ширрена 1966 г.) мог бы быть прочитан на любом мероприятии реваншистских организаций ФРГ.

Когда в 70-х гг. в мире, особенно в Европе, наметились сдвиги в сторону разрядки международной напряженности, общество встретило эти положительные тенденции в штыки. В докладах, статьях и брошюрах еще больше усилились нападки на миролюбивую внешнюю политику СССР и других стран социалистического содружества, раздувался миф о "советской военной угрозе".

Так, основной доклад на Днях Карла Ширрена 1971 г. на тему "К основам советской политики в отношении Запада" был прочитан бывшим послом ФРГ в Советском Союзе Г.Вальтером (Gerhardt von Walther).

Повторив в начале своего выступления известные попытки советологов отождествлять внешнюю политику царской России и СССР, Г.Вальтер причисал, если судить по изложению его доклада в органе "Союза остзейских рыцарей", советской внешней политике следующую стратегическую концепцию: "Чтобы обеспечить себе тыл в ожидаемой схватке с Красным Китаем, Советский Союз стремится к ликвидации решимости западно-европейских стран отразить экспансионистские тенденции советской политики" (33). Прикрываясь фальшивым лозунгом о советской агрессивности,

докладчик пытался таким образом посеять неверие в политику разрядки.

Прямими нападками на политику разрядки изобиловал основной доклад на Днях Карла Ширрена 1974 г., сделанный В. Ханом, занимавшим тогда пост министра культов федеральной земли Баден-Вюртемберг (34). Изобразив отстаивание узко-сословных интересов остзейцев в прошлом в качестве защиты Запада от Востока, оратор призывал к активным действиям против добрососедства и мира в Европе. "Мы, прибалтийцы (Balten), - говорил Хан, - в течение столетий выполнявшие историческую миссию форпоста против иного, но все же противоположного Западу Востока, сегодня при нашем на несколько тысяч километров отодвинутом фронте все еще нужны в этом противоборстве" (35). Опыт остзейцев Хан предлагал противопоставить "наивности" и "либерализму" тогдашнего правительства СДПГ-СДЛП, которое, по его словам, проявляет готовность с помощью западного капитала и технологии развивать экономику Востока, в особенности Советского Союза" (36). Среди демократических, миролюбивых сил особую ярость Хана вызывает "марксистски настроенные интеллектуалы на Западе, которые вольно или еще чаще невольно играют на руку центрам власти на Востоке" (37).

Усиление антисоветской направленности деятельности общества в 70-х гг. совпало, а точнее, связано с привлечением к его работе одного из ведущих советологов ФРГ Б. Мейсснера (род. в 1916 г. в Пскове), бывшего до 1939 г. крейсатсмайтером местных нацистов в буржуазной Эстонии. Впервые Мейсснер для выступления на Днях Карла Ширрена был приглашен именно в 1970 г., когда на судебном процессе в Ленинграде было доказано, что в период войны зондерфюрер Мейсснер участвовал в преступлениях против советских граждан. В 1971 г. Мейсснер был избран членом правления Общества им. К. Ширрен.

Если на Днях Карла Ширрена 1970 г. Мейсснер говорил об отношениях между ФРГ и СССР, то в Ежегодниках прибалтийского немецчества за 1977, 1978 и 1981 гг. опубликованы его статьи, в которых в ложном свете рассматриваются события 1940 г. в Прибалтике. Эти статьи по существу повторяют лишь известные антисоветские стереотипы, особо усердно распространяемые

прибалтийской реакционной эмиграцией. Учитывая, что они уже были подвергнуты принципиальной критике в советской научной литературе (38), мы не будем здесь подробнее останавливаться на публикациях Мейсснера. Отметим лишь его подстрекательские призывы к народам Советской Прибалтики "дать толчок к демократическому развитию советского многонационального государства", что по Мейсснеру привело бы к "постепенному преодолению пропасти между Востоком и Западом" (39). Мечтаниям советолога, приверженца теории "эволюции" о восстановлении старых, буржуазных порядков в социалистических странах, конечно, не суждено сбыться. Однако пагубность распространения подобных идей несомненна.

х х

х

Последние годы ознаменовались новой активизацией правых сил в ФРГ, в том числе и реваншистских организаций. Так, президентом фонда "Восточно-германский совет по культуре" (Ostdeutscher Kulturrat) в 1982 г. был избран профессиональный реваншист, "шпрехер" Силезского землячества Х. Хупка. Фонд, членом которого является общество, руководит "культурной деятельностью" всех землячеств.

Подтверждением укрепления позиций правых сил в ФРГ явились приход к власти осенью 1982 г. коалиционного правительства ХДС/ХСС-СДП и особенно победа этих буржуазных партий на выборах в бундестаг, состоявшихся 6-го марта 1983 г. В парламент был избран ряд представителей реваншистских организаций. Так, наряду с упомянутым Хупкой также по списку ХДС депутатом бундестага стал президент "Союза изгнанных" Чая, а другой профессиональный реваншист Винделен получил даже пост федерального министра "внутригерманских отношений". Неудивительно поэтому, что уже в одном из первых совместных документов правительственных партий нашли отражение реваншистские положения о том, что "германский рейх продолжает существовать в границах 1937 года", а международно-правовое признание границы с ГДР и гражданства ГДР "остаются неприемлемыми" (40). Все это ведет к тому, что противоборство между силами реакции и социального

прогресса, между противниками и приверженцами разрядки международной напряженности обостряется. Оно ведется на различных уровнях, между различными политическими течениями и организациями. Определенное место в этом противоборстве на стороне правых сил продолжает занимать Общество им. Карла Ширрена.

Примечания

- 1 Термин "остзейцы" здесь применяется для наименования привилегированных в прошлом сословий Прибалтийского края России, а также их потомков в ФРГ.
- 2 Апиня И., Крупников П. Новое в политике прибалтийского дворянства после революции 1905-1907 гг. - В кн.: Германия и Прибалтика, 1972, с.75-102.
- 3 По их собственным данным в ФРГ в начале 70-х гг. проживало около 42800 прибалтийских немцев (См.: *Diktierte Option. Die Umsiedlung der Deutsch-Balten aus Lettland und Estland 1939-1941. Dokumentation, zusammengest. u. eingel. von D.A.Loeber. Neuwünster, 1974, Einleitung, S. 60*).
- 4 Только перечисление этих организаций и их руководителей с адресами занимает 9 страниц (См.: *Die Organisationen des Baltischen Deutschtums. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1983, 1982, Bd. 30, S. 205-214*).
- 5 Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949, с. 164.
- 6 Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. - 2-е перераб. и доп. издание. Рига, 1978, с. 64.
- 7 Schirren C. *Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869.*
- 8 Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел. О роли немецких помещиков и буржеров в исторических судьбах латышского и эстонского народов в середине XIX века. Рига, 1970, с.128.
- 9 Boehm M.H. *30 Jahre CSG. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1962, 1961, Bd. 9, S.20.*
- 10 Ibid.
- 11 *Tradition und Wandel. Festschrift aus Anlass der 25.Deutsch-Baltischen Kulturtage in Lüneburg. Lüneburg, 1974, S.12.*

- 12 Ibid., S. 8.
- 13 Westermann J. 25 Jahre Bundeslandsmannschaft - 30 Jahre deutschbaltische Arbeit. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1976, 1975, Bd. 23, S. 179-196.
- 14 Tradition und Wandel ..., S. 14.
- 15 Kleist W. von. Zeit der Zeitlosen. - Baltische Briefe, 1977, N 10, S. 1.
- 16 Wir Balten und der Bund der Vertriebenen. - Baltische Briefe, 1977, N 11, S. 4-5.
- 17 Tradition und Wandel ..., S. 7.
- 18 Thomson E. Der 32. Carl-Schirren-Tag. - Baltische Briefe, 1981, N 10, S. 5.
- 19 Tradition und Wandel ..., S. 17.
- 20 Зутис Я. Очерки по историографии Латвии ...
- 21 Духанов М.М. Остзейцы ...
- 22 Там же, с. 64.
- 23 Там же.
- 24 Tradition und Wandel ..., S. 18.
- 25 Ibid., S. 10.
- 26 Ibid., S. 15.
- 27 Schirren C. Livländische Antwort ..., S. 193.
- 28 Boehm M.H. 30 Jahre CSG ..., S. 24.
- 29 Schiemann P. Zwischen zwei Zeitaltern. Erinnerungen 1903-1919. Bearb. von H. Kause. Schriftenreihe der Carl-Schirren-Gesellschaft. Lüneburg, 1979, Bd. 3.
- 30 Taube A. von. Brücke zwischen Völkern. - Baltische Briefe, 1973, N 10, S. 8.
- 31 Kauliņš E. Wenn der Nebel füllt. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1981, 1980, Bd. 28, S. 237-245.
- 32 Thomson E. Der 32. Carl-Schirren-Tag ..., S. 5.
- 33 Wachablösung bei der Carl-Schirren-Gesellschaft. - Nachrichtenblatt der Baltischer Ritterschaften, 1971, N 4, S. 41-42.
- 34 Hahn W. Die Bedeutung der Bildungspolitik in der Auseinandersetzung zwischen Ost und West. Jahrbuch des Baltischen Deutschtums 1976, 1975, Bd. 23, S. 167-178.
- 35 Ibid., S. 167.
- 36 Ibid., S. 167-168.
- 37 Ibid., S. 169.
- 38 Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Рига, 1979,

v. 97-108.

39 Meissner B. 40 Jahre Besetzung und Annexion der baltischen Staaten durch die Sowjetunion. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1981, 1980, Bd.28, S. 183.

40 Unsere Zeit, 1983, 23. März.

V. Daukste
P. Stučkas LVU (Rīga)

PAR CARISMA UN BALTIJAS MUIŽNIECĪBAS ATTIECĪBĀM
ZEMNIEKU SKOLU UN IZGLĪTĪBAS JAUTĀJUMOS
(19.gs. 40.-50.gadi)

Baltijas gubernās 19.gs. otrajā trešdalā feodālisma sairuma un kapitālistisko attiecību attīstības procesā iezīmējās strauja sociālo un ekonomisko pretrunu saasināšanās. sevišķi tas izpaudās Vidzemes gubernā, kur 19.gs. 40.gads sākas plaša zemnieku kustība.

Nemieri, kas sākās Vidzemē 1841.g. pavasarī, piesaistīja pastiprinātu cariskās Krievijas valdības uzmanību agrārājām attiecībām Baltijas gubernās. Šķiru cīņas saasināšanās lika arī Baltijas vācu muižniecībai aktivizēt politiku agrārajā jautājumā. Taču, baltvācu muižniecība, atrazdamās galēji labējās pozīcijās feodālisma krīzes radītajā sabiedrības sociālajā un politiskajā polarizācijā, nespēja radikāli risināt saasināto agrāro jautājumu. Tāpēc muižniecība, kaut arī zināja, ka zemnieku nemieru galvenais cēlonis ir atpalikušās agrārās attiecības, kas kavēja kapitālisma elementu attīstību, centās apgalvot, ka zemnieku nemieru pamatā esot zemnieku it kā zemais "morāles" un "intelekta" līmenis.

Tā 1841.g. beigās t.s. Tērbatas komisija, ko norīkoja muižniecības konvents, lai sagatavotu ziņojumu nākamajam landtāgam par pasākumiem, kas veicami radušamies krīzes situācijā, izteicās par nepieciešamību uzlabot ne tikai zemnieku "materiālās sadzīves apstākļus", bet "iznīdēt" arī "svarīgāko ļaunumu - tikumisko jeb garīgo" (1). Līdzīgu viedokli izteica arī Vidzemes ģenerālsuperintendents R.Klots, uzstādamies 1842.g. Vidzemes mācītāju sinodē. Klots apgalvoja, ka zemnieku nemieri izskaidrojami ar "trūtas zemo kultūras līmeni" (2).

Šāda taktika no vienas puses bija virzīva uz to, lai novērstu sabiedrības un vispirms valdības uzmanību no saasinātajām agrārājām attiecībām Baltijas gubernās. Taču būtu nepareizi šādu muižniecības taktiku uzskatīt tikai par politisku manevru. Kaut cik izglītojot zemniekus, muižniecība cerēja la-

bāk sagatavot zemnieku kārtu ražošanas procesa pārkārtojumiem, ko prasīja pāreja pie jaunā - kapitālistiskā saimniekošanas veida. Zemnieku izglītošanai noteiktās robežās un muižniecībai vēlamā virzienā, pēc valdošās virsotnes domām, bija jāmazina arī šķiru pretrunu saasināšanās. Kā izteicās ģenerālsuperintendents Klots, ziņodams par zemnieku nemieriem Vidzemē 1841.g., "zināma zemnieku izglītošana pasargātu tos no līdzīga rakstura nemieriem" (3). Tāpēc ar 19.gs. 40.gadiem Baltijas vācu muižniecība sāka pievērst lielāku uzmanību latviešu un igauņu zemnieku izglītošanas un audzināšanas jautājumiem.

Jau 1841.g. Tērbatas komisija ierosināja ierīkot "īpašas skolas" zemnieku "tikumiskai un intelektuālai" izglītošanai (4). Pamatojoties uz Tērbatas komisijas izteiktajiem priekšlikumiem, 1842.g. februāra Vidzemes muižniecības landtāga lēmumā, kas sastāvēja no 111 paragrāfiem, tika ieteikti arī pasākumi zemnieku "morālās" un "intelektuālās" audzināšanas jomā (§§ 104-111) (5). To saturs kopumā bija šāds. Muižniecība izteicās par nepieciešamību paplašināt zemnieku skolu tīklu (§ 104), īpašu uzmanību pievērst skolotāju sagatavošanai zemnieku skolām. Tā, piemēram, Valmieras draudzes skolas (vēlākais Valkas skolotāju seminārs) uzturēšanai ieteica izsniegt katru gadu līdz nākamajam landtāgam bīskapam F.Valteram no brūņniecības kases 500 rubļus sudraba naudā (§ 107). Tika izteikts priekšlikums ierīkot skolotāju sagatavošanai skolu arī Vidzemes igauņu daļā pēc Valmieras draudzes skolas parauga, piešķirot tās ierīkošanai un uzturēšanai tādu pašu naudas summu (§ 108). Te gan jāpiebilst, ka pēdējais lēmums nekad tā arī netika izpildīts. Muižniecības konventam tika uzdots izskatīt jautājumu par īpašas lauksaimniecības skolas ierīkošanu, līdzekļus piešķirot no brūņniecības kases (§§ 109, 110). Arī šī lēmuma daļa realizēta netika. Kaut arī muižniecība tālākā iarbībā realizēja tikai nelielu daļu no 1842.g. februāra landtāga nospraustās programmas daļu, šajā Vidzemes muižniecības landtāgā izteiktie priekšlikumi liecina, ka saasinātā situācija 19.gs. 40.gadu sākumā lika Baltijas gubernu muižniecībai aktivizēt politiku zemnieku jautājumā. Kā viens no muižniecības agrārās politikas aspektiem jāaplūko politika zemnieku skolu un izglītības jautājumos.

Blakus sociāli ekonomiskajiem faktoriem, kuri noteica Baltijas vācu muižniecības darbības līniju zemnieku izglītības jomā 19.gs. 40.-50.gados, jāmin arī virkne citu apstākļu un starp tiem tā sauktais "spiediens no augšas".

Šajā rakstā mēģināts noskaidrot, kāpēc un kādos jautājumos apskatāmajā divdesmitgadē izraisījās diskusija starp cara administrāciju, ko pārstāvēja galvenokārt Izglītības ministrija, no vienas puses un baltvācu valdošo virsotni no otras puses. Cik liels bija cara administrācijas "spiediens no augšas" un kādi bija tā rezultāti.

Sīkāk nepakavējoties pie carisma un baltvācu priviliegēto kārtu savstarpējo attiecību izpētes padomju historiogrāfijā, jāatzīmē akadēmika, profesora J.Zuša un profesora M.Duhanova ieguldījums šīs problēmas izpētē (6). Pieminēto autoru darbos pilnībā atsegts šo attiecību mehānisms, dots tā vērtējums no marksistiskām pozīcijām un atspēkots baltvācu apoloģētiskajai historiogrāfijai raksturīgais, uz t.s. "Kulturkampf" koncepciju balstītais mēģinājums absolutizēt pretrunas starp cara administrāciju un Baltijas guberņu priviliegētajām kārtām. Kā norāda savā monogrāfijā M.Duhanovs, abas puses bija vienlīdz ieinteresētas "pastāvošās kārtības stabilitātē", abas puses - kā carisms, tā Baltijas vācu priviliegētās kārtas saistīja "neiznīdējams nāids pret tautas masām" (7).

Tas tomēr neizslēdz, un to tāpat atzīmē padomju autori, zināmas domstarpības valdošajā šķirā vienā vai otrā jautājumā. Zemnieku skolu un izglītības jautājums bija viens no tiem, kurā šīs domstarpības izpaudās, pie tam ārēji nedaudz citādāk kā agrārajā jautājumā kopumā. Šādu apgalvojumu apstiprina visai plašais avotu materiāls, kas atrodams PSRS Centrālajā Valsts Vēstures arhīvā.

Šajā rakstā pamatos izmantoti cariskās Krievijas Tautas izglītības ministrijas Tautas izglītības departamenta (8), Tautas izglītības ministrijas kancelejas fonda (9) un Iekšlietu ministrijas Vispārējo lietu departamenta fonda (10) materiāli. Šādu avotu atlasī, orientētu uz divu ministriju fondiem, noteica vairāki momenti. Baltijas guberņu izglītības iestādes kopā 1803.gadā bija iekļautas visas cariskās Krievijas izglītības sistēmā (11). Vidzemes un Kurzemes guberņas ietil-

pa Tērbatas mācību apgabālā. Visu mācību apgabala skolu un citu mācību iestāžu darbību pārzināja Tērbatas universitāte. Administratīvās funkcijas mācību apgabālā veica Izglītības ministrijas iecelts kurators. Taču zemnieku skolu un izglītības jautājumus cara administrācija faktiski nekontrolēja. Baltijas vācu muižniecība panāca, ka jau ar 1817. un 1819.gada Kurzemes un Vidzemes zemnieku likumiem zemnieku izglītības jautājumi Baltijas gubernās tika nodoti pilnīgā vietējās muižniecības pārzinā (12) un formāli atradās Iekšlietu ministrijas pakļautībā. 1838.g. 13.septembra cara ukazs atkārtoti akceptēja Baltijas gubernu zemnieku skolu īpašo stāvokli, bet vienlaikus noteica, ka Baltijas generālgubernatoram katru gadu jāiesniedz Izglītības ministrijai pārskats par zemnieku skolām Baltijas gubernās (13). Tādējādi Baltijas gubernu skolu lietas savā kompetencē skaitīja kā Izglītības ministrija, tā arī Iekšlietu ministrija.

Visai nozīmīgu avotu grupu minēto fondu ietvaros sastāda cariskās Krievijas Izglītības ministra un Tērbatas mācību apgabala kuratora sarakste par izglītības un skolu lietām Baltijas gubernās (14). Sevišķi intensīva minētā sarakste bija 19.gs. 30.gadu beigās un 40.gadu sākumā un pēc tam 60.gados, kas sakrīt ar ekonomiskās un politiskās krīzes saasināšanos Baltijas gubernās.

Vēl vienu avotu grupu veido Vidzemes un Kurzemes gubernatoru un Baltijas generālgubernatora sarakste ar Izglītības ministriju (15).

Spilgtu liecību par cara administrācijas politiku Baltijas gubernu zemnieku izglītošanas jomā sniedz izglītības ministra S.Uvarova ziņojumi caram, uz kuriem daudzos gadījumos ir cara personiski rakstītas rezolūcijas (16). Vērtīgs materiāls minēto problēmu pētīšanai atrodams arī izrakstos no Ministru komitejas žurnāliem, kā arī izrakstos no Baltijas lietu komitejas (Ostseekomitee) žurnāliem jautājumos par Baltijas gubernu zemnieku skolu un izglītības lietām (17). Sevišķi tas attiecināms uz 40.gadu beigām, kad noslēguma stadijā bija 1849.gada Vidzemes zemnieku likumu sagatavošana. 1849.gada Vidzemes zemnieku pagaidu likumos bija ietverti arī noteikumi par zemnieku skolām.

Kā nozīmīgs avots izvirzīto jautājumu risināšanā jāatzīmē arī atsevišķu Kurlandē un Vidzemes muižniecības valdošās virsotnes pārstāvju oficiāli iesniegumi, lūgumraksti, sūdzības un adreses augstākajai administrācijai attiecībā uz Izglītības ministrijas darbību Baltijas gubernās (18).

Sverīgas ziņas par carisma politiku tautas izglītības sfērā Baltijas gubernās dod arī PERS CVVA atrodošies atsevišķu personu fondu materiāli. To vidū kā nozīmīgākie jāmin iekšlietu ministra (no 1861.g. līdz 1868.g.) P.Valujeva (19) un izglītības ministra (no 1861.g. līdz 1866.g.) A.Golovņina (20) fondu materiāli.

Minēto avotu analīze ļauj atšķirt noteiktu jautājumu loku, kuros starp cariskās Krievijas administrāciju no vienas puses un baltvācu muižniecības valdošo virsotni no otras puses apskatāmajā laikā periodiski izraisījās zināmas domstarpības, kā arī palīdz noskaidrot cēlonus, kas noteica šādu domstarpību rašanos.

Carisma iekšpolitikā, tajā skaitā tautas izglītības jomā, 19.gs. 30.gados (21) sāka iezīmēties zināmas centralizācijas tendences. Viens no Nikolaja I valdības reakcionārā iekšpolitikas kursa, kurš idejiski pamatojās uz izglītības ministra S.Uvarova izstrādāto t.s. "oficiālā tautiskuma" teoriju, uzdevumiem bija pastiprināt plašāku tautas slāņu ideoloģisko ietekmēšanu. Ar tā realizēšanu jāsaista centieni izveidot vienotu tautas izglītības sistēmu, iekļaujot tajā cariskās Krievijas nomalu skolas un citas izglītības iestādes. Zināmi pārkārtojumi šajā virzienā tika plānoti arī Baltijas gubernās (Tērbatas mācību apgabalā). Taču tieši Baltijas gubernās šīs politikas realizēšana saskārās ar vēsturiski izveidojušos cariskās Krievijas administrācijas un Baltijas muižniecības ļoti sarežģīto savstarpējo attiecību mehānismu.

Cariskās valdības centralizācijas centieni ve sadūrās ar Baltijas vācu muižniecības feodālo partikulārismu. Carisma feodālisma sairuma un krīzes apstākļos ar sīkām centralizācijas pastiprināšanu cerēja saglabāt un nostiprināt feodālo monarhiju un patvaldību. Baltijas vācu muižniecība, savukārt, cīnījās par savu feodālo privilēģiju saglabāšanu un nostiprināšanu balstījās uz partikulārismu un separātismu. Kā vieni, tā otri

visnopietnākos draudus savas šķiras politiskajai un ekonomiskajai kundzībai saskatīja pieaugošajā zemnieku antifeodālajā kustībā. Tātad izejas pozīcijas un pamatmērķi lielā mērā sakrita. Tajā pašā laikā izvēlētās metodes nosprausto mērķu realizēšanai bija būtiski atšķirīgas. Uz carisma centralizācijas centienu un baltvācu muižniecības feodālā partikulārisma bāzes veidojušās abpusējās domstarpības sevišķi spilgti izpaudās tieši 19.gs. 40.gados, kas sakrīt ar sociāli ekonomisko un politisko krīzi Baltijas gubernās. Domstarpības starp centrālo administrāciju un Baltijas muižniecību izpaudās vairāk vai mazāk dažādās sabiedriski ekonomiskās dzīves sfērās, tai skaitā arī jautājumā par zemnieku skolām un izglītību Baltijas gubernās, iegūstot savdabīgas izpausmes formas; to noteica Baltijas gubernu vēsturiskās attīstības īpatnības.

Pretišķības starp cara administrācijas centralizācijas centieniem un baltvācu muižniecības cīņu par Baltijas gubernu feodālās nošķirtības saglabāšanu un vēl tālāku nostiprināšanu, par "Baltijas autonomiju" savā veidā atspoguļojās arī jautājumā par Baltijas gubernu zemnieku skolu īpašo statusu. Šejienes zemnieku skolu un izglītības lietu pilnīgā pakļautība tikai baltvācu muižniecībai nodrošināja tās zināmu neatkarību no cara administrācijas. Kā vēlāk izteicās viens no redzamākajiem baltvācu muižniecības politikas apoloģētiem vēsturnieks A.Tobīns, muižniecības neatlaidīgā darbībā radītajā pašpārvaldes sistēmā tautskola esot bijusi viens no "dzīvotspējīgākajiem pašpārvaldes ķermena orgāniem" (22). Baltijas muižniecības centieni visādi sargāt un stiprināt vēsturiski izveidojušos pašpārvaldi, par kuras vienu no pamatelementiem tika uzskatīts tieši zemnieku skolu un izglītības lietu īpašais statuss, bija pretrunā ar cara administrācijas politiku minētajā jomā.

Rezultātā zināma diskusija šajos jautājumos izraisījās jau 19.gs. 30.gadu vidū un otrajā pusē. Platforma, uz kuras balstījās carisms šajā diskusijā, skaidri apliecina abu pušu šķiras interešu kopību. Carisms atteicās radikāli risināt minētos jautājumus. Tieši neisjaucoties baltvācu muižniecības kompetencēs, valdība uzsāka "pakāpenisku pārkārtojumu" realizāciju Baltijas gubernu skolu un izglītības sfērā.

Tādu taktiku savā ziņojumā Nikolajam I ieteica pat radikālāk (pret "Baltijas autonomiju") noskapotais Uvarovs jau 1836.g. (23). To apliecina arī jau pieminētais 1838.g. 13.septembra cara ukazs, ar kuru tika noteikts, ka zemnieku skolas Baltijas guberņās paliek to personu rokās, kurām tās tika nodotas ar 1819.g. Vidzemes zemnieku likumiem (t.i., - muižniecības rokās - V.D.).

Taču, kas tālāk attiecas uz cara administrācijas politikas šo t.s. pakāpenisko pasākumu īstenošanu, tad te jāatzīmē diezgan neatlaidīga cenšanās panākt sākotnēji iecerēto mērķu realizāciju, kas radīja satraukumu Baltijas guberņu muižniecības valdošajā virsotnē. Valdības programma pēc būtības vērstā uz to, lai mazinātu Baltijas guberņu savrupību, radikāli neskarot šejienes muižniecības pamatintereses, ieguva īpatnu izpausmes formu. Proti, valdība uzsāka realizēt virkni pasākumu, kuru mērķis bija ar krievu valodas starpniecību panākt t.s. krieviskā elementa lielāku ietekmi uz Baltijas guberņu pamatiedzīvotājiem. Šādu darbības līniju formulēja Uvarovs slepenā ziņojumā cāram 1838.gada 7.jūnijā. Ziņojumā bija izteikta nepieciešamība pastiprināt "krievisko izglītību" Baltijas guberņās (24). Lai gan ziņojums bija pilnīgi slepens, tā tulkojums vācu valodā jau 1839.g. bija publicēts Augsбургā iznākošā laikraksta "Augsburger Allgemeine Zeitung" slēpās. Šāds fakts liecina par satraukumu, kādu Baltijas muižniekos izraisīja valdības programma. Spriežot pēc speciālas, valdības sastādītas izmeklēšanas komisijas ziņojuma cāram 1839.g. 4.martā, par "vainīgo" tika uzskatīts Tērbatas mācību apgabala kuratora kancelejas pārvaldnieks Vinters (25).

Vispirmām kārtām valdības programma paredzēja krievu valodas kā mācību priekšmeta ieviešanu vai pastiprinātu apgūšanu visās Baltijas guberņu mācību iestādēs. Tas attiecās kā uz Tērbatas universitāti, gimnāzijām un aprinka skolām, kuras toliik bija vācu mācību iestādes, tā arī uz zemākās pakāpes zemnieku skolām, kuras, savukārt, bija domātas tikai latviešu un igauņu zemnieku bērniem. Zemnieku skolās - pagastskolās, t.s. ciema skolās Vidzemes guberņā: igauņu daļā un draudzes skolās zemnieku bērni mācījās savā mātes valodā. Vācu valoda kā mācību priekšmets bija tikai atsevišķās draudzes skolās. Tajā pa-

šā laikā sadzīvē zemnieku bērniem bija cieša saskarsme ar vācu valodu, kas tos tuvināja t.s. vāciskajam elementam. Turpretī saskarsmes sadzīvē ar krievu valodu līdz tam praktiski nebija nekādas. Krievu valodu nemācīja arī zemnieku skolās. Nolūkā pastiprināt, savukārt, "krieviskā elementa" ietekmi Baltijas gubernu zemnieku vidū, valdība izvirzīja prasību ieviest zemnieku skolās krievu valodu kā atsevišķu mācību priekšmetu. Krievu valodas zināšanu pastiprināta izplatīšana tieši zemnieku masās liek domāt par valdības centieniem šādā ceļā radīt priekšnoteikumus Baltijas gubernu pamatiedzīvotāju it kā "iekšējai" tuvībai ar visu Krievijas impēriju.

Valdības programma radīja satraukumu Baltijas muižniecības valdošajās aprindās. Par to liecināja Vidzemes muižniecības landrāta A. Bruiningka un Kurzemes muižniecības priekšstāvja T. Hāna valdībai 1839. g. iesniegtais protests pret Izglītības ministrijas uzsākto darbību Baltijas gubernās (26).

Apliecinādama mūžīgu uzticību "vina augstībai", Baltijas muižniecība tajā pašā laikā visai asi un noraidoši izteicās pret jebkādiem centrālās administrācijas mēģinājumiem iejaukties Baltijas gubernu lietās. Domājams, ka ne tik daudz pats fakts, ka krievu valodas zināšanas tiks prasītas par obligātām Baltijas gubernu iedzīvotājiem, satrauca muižniecības prātus. Kā uzsvēra Bruiningks jau pieminētajā protestā valdībai 1839. g., prasība pēc krievu valodas esot atzīstama, taču nepieņemami esot Izglītības ministrijas "piespiedu pasākumi". "Ja Izglītības ministrijas uzsāktā darbība turpināsies", rakstīja Bruiningks, tad tas "noteikti sašķobīs Baltijas gubernu īpašo stāvokli kā attiecībā uz valodu, tā tautas izglītību", bet tas, savukārt, varot "pārtraukt tautas apgaismošanas un sabiedrības izglītošanas gaitu vispār".

Jebkuru carisma mēģinājumu iejaukties Baltijas gubernu dzīvē vietējā muižniecība uztvēra kā precedentu valdības pasākumiem pret t.s. "Baltijas autonomiju". Tieši tāpēc arī Bruiningks, piemēram, Izglītības ministrijas darbību saistīja ar tik "tālejošām" sekām.

Atbildi Vidzemes un Kurzemes muižniecībai sagatavoja izglītības ministrs Uvarovs (27). Kopējais atbildes noskaidrojums bija tāds, ka Baltijas muižnie-

cībai nav "pamata cerēt uz kaut kādu jaunu piekāpšanos" (28) no valdības puses.

Lietu izskatīja arī speciāli izveidota komiteja, kura savā slēdzienā balstījās uz Uvarova jau pieminēto ziņojumu cāram 1836.g. 16.decembrī un atbalstīja tajā izteiktās prasības. To skaitā: stingri prasīt krievu valodas zināšanas Tērbatas universitāti beidzot; pēc 5 gadiem neuzņemt Tērbatas universitātes studentu skaitā nevienu bez stingra pārbaudījuma krievu valodā; stingri raudzīties, lai Baltijas guberpās dzimušas personas netiktu apstiprinātas gimnāzijās un skolās par skolotājiem, ja tās nevar mācīt savu priekšmetu krievu valodā; prasīt, lai zemākās pakāpes skolās skolotāji prastu iemācīt krievu valodas pamatus, kā arī prasīt zināšanas krievu valodā, iestājoties gimnāzijās un apriņķa skolās (29).

Ministru komiteja uzskatīja šīs prasības par nerealizējamām tik īsā laikā, jo neesot krievu valodas skolotāju. Tika ieteikts dibināt speciālas palīgklases, lai veicinātu krievu valodas apgūšanu (30). Nikolajs I uz Ministru komitejas šajā sakarā izteiktajiem apsvērumiem ir uzrakstījis rezolūciju: "piekrītu, bet noteikto laiku pagarināt tikai par diviem gadiem" (31). Tātad šīm prasībām būtu jāstājas spēkā 40.gadu vidū. Kā liecina izglītības ministra ziņojums cāram 1839.g. 28.septembrī, Uvarovs palika iepriekšējās pozīcijās, uzskatot, ka iespējami īsā laikā jāpanāk krievu valodas pastiprināta apgūšana Baltijas guberpās (32).

Sekoja virkne pasākumu, kuri tiešām bija vērsti uz to, lai nodrošinātu Baltijas guberpās ar krievu valodas skolotājiem. Tā, piemēram, 1839.g. decembrī izglītības ministrija paziņoja Tērbatas mācību apgabala kuratoram, ka tiek palielināti līdzekļi Tērbatas skolotāju semināra uzturēšanai (33) (dibināts par valst. līdzekļiem 1828.g. - V.D.). Vienlaikus Uvarovs iesniedza cāram plašu ziņojumu par krievu valodas ieviešanu Baltijas guberpās. Nikolajs I šajā sakarā rakstīja, ka viņš "nešaubīgi cerot, ka drīzā laikā no Tērbatas studentu vidus radīsoties daudzi, kas būšot spējīgi darboties kā krievu valodas skolotāji", jo "to (studentu - V.D.) teicamais noskaņojums" esot sen zināms (34).

Te skaidri redzam saduramies carisma centienus pēc centralizācijas no vienas puses un Baltijas muižniecības partikulārismu no otras puses. Tajā pašā laikā redzams arī tas, ka carisms centās realizēt nosprausto politiku tā, lai netiktu kaut cik nopietni skartas Baltijas muižniecības pamatintereses.

Vēl viens apskatāmās problēmas aspekts jāsaista ar latviešu un igauņu zemnieku pāreju pareizticībā Vidzemē 19.gs. 40.gados. Arī šajā gadījumā carisms centās oficiāli palikt iepriekšējās - rezervētās pozīcijās. Norobežojoties no pārmērtiem par pareizticības propagandu, valdība 1842.g. pārcēla no Rīgas uz lekškieviju pareizticīgo bīskapu Irinarhu.

Tajā pašā laikā virkne pasākumu liecina, ka carisms tomēr pilnīgi neatteicās no iespējām konkrēto situāciju izmantot pareizticības ietekmes pastiprināšanai Baltijas gubernu iedzīvotāju vidū. Arī tādā ceļā valdība, acīm redzot, cerēja veicināt Baltijas gubernu pakāpenisku tuvināšanos cariskajai Krievijai, pastiprināt t.s. krieviskā elementa ietekmi. Kā 1845.g. beigās, uzturēdamies dienesta uzdevumos Vidzemē, rakstīja Golovņins, ievērojama daļa Vidzemes zemnieku gan esot "lasītpratēji un lasot bībeli", taču tautas izglītošana paliekot "vienpusēja", jo "religisku jūtu" ieaudzināšanai "zemnieku sirdīs" vispār neesot bijusi pietērsta uzmanība (36). Ievērojot konkrēto situāciju, vajadzēja zemnieku izglītošanu ievirzīt tā, lai tuvinātu tos pareizticībai. Skaidrs, ka runa ir par pareizticības un tādā kārtā carisma ietekmes pastiprināšanu zemnieku masās un līdz ar to Baltijas gubernās vispār, izmantojot apstākļus, kad zemnieku protests pret feodālo ekspluatāciju izpaudās reizē kā protests pret vācisko luterāņu baznīcu. 19.gs. 40.gadu otrajā pusē un 50.gadu sākumā jāatzīmē virkne pasākumu, kuri bija vērsti tieši tādā virzienā. To vidū jāmin valdības mēģinājumi ievākt ziņas par pareizticības mācības apgūšanu Baltijas gubernu mācību iestādēs. Tā, piemēram, 1848.g. Tērbatas mācību apgabala kurators Kraifštrēms iesniedza Izglītības ministrijai plašu pārskatu par skolēnu skaitu, kuri apgūst pareizticību visu pakāpju skolās (izmērot gimnāzijas) (37). Tika veikta virkne pasākumu, lai ieviestu vai arī pastiprinātu pareizticības mācīšanu Tērbatas mācību

apgabalā. Par to liecina Izglītības ministrijas rīkojumi, adresēti mācību apgabala kuratoram (38). Kā liecina Svētās Sinodes oberprokurora raksts Izglītības ministrijai 1854.g. 20.janvārī, bija izvirzīts arī jautājums par pareizticības mācības skolotāju Baltijas gubernās labāku atalgošanu, jo, kā uzsvērts ziņojumā, luterāņu ticības mācības skolotāji esot "daudz labāk" materiāli situēti (39). Vidzemes gubernā tika ierīkotas arī skolas latviešu un igauņu pareizticīgo zemnieku bērniem. Pēc ģenerālgubernatora Suvorova ziņojumā caram 1848.g. 7.aprīlī sniegtajām zinām uz 1848.gadu Vidzemē pareizticīgo skolas bijušas 15 draudzēs (40).

Atbildot uz valdības centieniem pastiprināt savu ietekmi Baltijas gubernās, izmantojot pareizticīgās baznīcas ietekmes pieaugumu, Baltijas muižniecība kērās pie pasākumiem, kuru mērķis bija iespējami norobežot luterticīgos latviešu un igauņu zemniekus no saskarsmes ar pareizticībā pārgājušajiem, tātad no pareizticības un carisma ietekmes plašākā nozīmē. Kā tāds pasākums jāvērtē arī luterāņu un pareizticīgo zemnieku skolu pilnīga atdalīšana, ko noteica 1849.g. Vidzemes zemnieku pagaidu likumi. Vienlaikus šis likums akcentēja nepieciešamību pastiprināt luterticīgo zemnieku bērnu audzināšanu un izglītošanu vāciskās evaņģēliski luteriskās baznīcas ietekmē (41). Arī šajā gadījumā jārūnā par Baltijas muižniecības centieniem pasvītrot Baltijas gubernu savrupību un nošķirtību no cariskās Krievijas impērijas.

Kopumā aplūkojot valdības t.s. pakāpenisko pārkārtojumu rezultātus 19.gs. 40.gados jāsecina, ka būtiskas izmaiņas Baltijas gubernās tie neienesā. Pirmām kārtām jāatzīmē, ka pilnībā saglabājās Baltijas gubernu zemnieku skolu īpašais statuss. Un tas nebija nejauši. Pasākumi, kurus centās realizēt carisms, lai pastiprinātu t.s. krieviskā elementa ietekmi Baltijas gubernās, pēc būtības jau pašā sākumā bija balstīti uz šķiras aterešu kopību starp carismu un Baltijas muižniecību un tāpēc nevarēja kaut cik nopietni mazināt Baltijas gubernu savrupību.

Jo sevišķi to apliecināja 50.gadi.

Cara administrācijas noskaņojums lielā mērā atspoguļojās jaunā Tērbatas mācību apgabala kuratora (no 1854.g.) M.Brad-

kes slepenajā ziņojumā izglītības ministram A. Norovam sakarā ar Aleksandra II vizīti Baltijas gubernās (42). Bradke uzskatīja Krafštrēma darbošanos par pārlieku ārišķīgu, izvirzot par savu kredo - darboties bez "ārējiem asumiem". Viņš ar gandarījumu izteicās, ka "konservatīvā" pieeja "sabiedrisko attiecību uzlabošanai" Baltijas gubernās atbilst pašreiz kopējiem centieniem" (43). Vēl spilgtāka liecība teiktajam ir Aleksandra II atbilde uz Kurzemes, Vidzemes, Igaunijas un Sāmsalas muižniecības 1856.g. adresi (44), kurā bija izteikts lūgums saglabāt muižniecības privilēģijas. Cars atbildes rakstā uzsvēra, ka muižniecības privilēģijas "tiks saglabātas un apstiprinātas bez mazākām izmaiņām no valdības puses" (45). Tātad par principiālām pretrunām starp cara administrāciju un Baltijas muižniecību runāt nevar.

Pretenzijas, kādas izvirzīja carisms 19.gs. 30.gadu beigās un 40.gadu sākumā attiecībā uz Tērbatas mācību apgabalu, jāsaista ar Nikolaja I iekšpolitikas kopējām iezīmēm šajā laikā, kuras raksturojās ar zināmiem centieniem veco feodālo attiecību ietvaros pielāgoties jaunajām sabiedrības attīstības tendencēm. To skaitā jāmin unifikācijas centieni, kuri, kā redzams, skāra arī Baltijas gubernu t.s. īpašo eksistenci, ko lielā mērā simbolizēja tieši šejienes izglītības sistēmas zināma autonomija un, jo īpaši, zemnieku skolu pilnīgā pakļautība tikai baltvācu muižniecībai. Cariskās Krievijas valdības unifikācijas centieni nevarēja nesadurties ar Baltijas muižniecības partikulārismu. Tieši tāpēc, analizējot Baltijas vācu muižniecības valdošās virsotnes politiku apekatāmajā laikā jautājumos, kas saistīti ar latviešu un igauņu zemnieku izglītošanu, nevar neaplūkot to caur carisma un baltvācu muižniecības savstarpējo attiecību prizmu. Protams, paturot vērā, ka Baltijas muižniecība kopumā nenos'ājas pret carismu, bet tieši otrādi, bija patvaldības balsts un visnotaļ centās saglabāt labas attiecības ar Nikolaju I un Aleksandru II.

Piezīmes

- 1 PSRS Centrālais Valsts Vēstures arhīvs (turpmāk PSRS CVVA), 851. f., 1. apr., 47. l., 46.-48. lp.
- 2 Protokoll der zu Walk im Jahre 1842 abgehaltenen (9) Livländischen Provinzialsynode, S. 6.
- 3 Turpat.
- 4 PSRS CVVA, 851. f., 1. apr., 47. l., 49. lp.
- 5 Turpat, 1284. f., 27. apr., 102. l., 110.-132. lp.; Sk. arī: Latvijas PSR Centrālais Valsts Vēstures arhīvs, 5759. f., 2. apr., 401. l., 16.-17. lp.
- 6 Зутис Я.Я. Политика царизма в Прибалтике. - М., 1937. - 211 с.; его же. Остзейский вопрос в XVIII веке. - Р., 1946. - 648 с.; его же. Очерки по историографии. - Ч. I. - Прибалтийско-немецкая историография. - Р., 1949. - 259 с.; его же. К истории остзейского вопроса в 60-х годах XIX века. - Из истории общественных движений и международных отношений. - М., 1957; Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. - 2-е перераб. и доп. изд. - Р.: Лиесма, 1978. - 475 с.
- 7 Духанов М.М. Остзейцы ..., с. 41.
- 8 PSRS CVVA, 733. f.
- 9 Turpat, 735. f.
- 10 Turpat, 1284. f.
- 11 Сборник постановлений по Министерству Народного просвещения, т. I, СПб, 1864, с. 21-22.
- 12 Gesetzbuch für die Kurländische Bauern. Ritten, 1819, § 60; Gesetz-Sammlung für das Jahr 1819, Livländische Bauerverordnung. S. Petersburg, 1820, §§ 516-517.

- 13 Журнал Министерства Народного просвещения, ч. XX, с. III.
14 PSRS CVVA, 733. f. 57. apr., 117., 78., 179., 497. l., 170.
apr., 115., 182. l., 56. apr., 570. l., 735. f., 10.
apr., 305. l.
- 15 Turpat, 170. apr., 115., 182. l.; 1284. f., 27. apr.,
103. l.
- 16 Turpat. 57. apr., 8. l.; 735. f., 10. apr., 126. l.
- 17 Turpat, 57. apr., 78. l.; 1284. f., 27. apr., 102. l.
- 18 Turpat, 57. apr., 78. l.; 1284. f., 54. apr., 13. l.
- 19 Turpat, 908. f.
- 20 Turpat, 851. f.
- 21 Par carisma politiku minētajā jomā vīkāk sk.: Рождествен-
ский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства
Народного просвещения 182-1902. СПб, 1902, с. 178-331;
par carisma politiku šajā jomā Baltijas gubernās -
turpat, с. 296-328.
- 22 Tobien A. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhält-
nis zum Zarismus und russischen Nationalismus. - R., 1925,
Bd. 1, S. 245.
- 23 Sk.: Рождественский С. В. Исторический обзор ..., с. 321.
- 24 PSRS CVVA, 735. f., 10. apr., 126. l., 1.-4. lp.
- 25 Turpat, 30.-31. lp.
- 26 Turpat, 733. f., 57. apr., 78. l., 2.-8. lp.
- 27 Turpat, 64.-91. lp.
- 28 Turpat, 72. lp.
- 29 Turpat, 124.-125. lp.
- 30 Turpat, 125.-128. lp.
- 31 Turpat, 128. lp.
- 32 Turpat, 167.-168. lp.

- 33 Turpat, 197.-198.lp.
- 34 Turpat, 212.lp.
- 35 Turpat, 7.lp.
- 36 Turpat, 851. f., 1. apr., 46. 1., 29.lp.
- 37 Turpat, 733.f., 56. apr., 570. 1., 9.-10.lp.
- 38 Turpat, 2.-6.lp.; 10.-12.lp.; 27.-30.lp.
- 39 Turpat, 733.f., 56. apr., 570. 1., 1.lp.
- 40 Turpat, 1284. f., 27. apr., 103.1.
- 41 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. XXIV. Отделение первое. СПб, 1850, 23385, §§ 646, 647, 648.
- 42 PSRS CVVA, 735.f., 10.apr., 305.1., 28.-31.lp.
- 43 Turpat, 29., 31.lp.
- 44 Turpat, 1284. f., 54. apr., 13. 1., 2.-7.lp.
- 45 Turpat, 21.lp.

A. Gudzuka

P. Stučka LVU (Rīga)

PAR DAŽIEM PSRS CENTRĀLĀ VALSTS VĒSTURES ARHĪVA
FONDU MATERIĀLIEM 1849. GADA VIDZEMES ZEMNIEKU
LIKUMA VĒSTURES IZPĒTĒ

19. gs. 40. gadi iekļaujas laika posmā, kad Baltijas guberņās notika pāreja no feodālā ražošanas veida uz kapitālistisko. Tiem raksturīgas visas ar sabiedriski ekonomisko formāciju maiņu saistītās parādības, bet par galveno problēmu izvirzījās agrārais jautājums. Pirmie mēģinājumi pārvērt ceļu kapitālismam bija 19. gs. sākumā. Taču jautājums par divu galveno sociālo spēku - zemniecības un muižniecības attiecībām palika aktuāls arī pēc zemnieku atbrivošanas Baltijā. Bija nepieciešami jauni pasākumi. Klaušu sistēmas krīze, zemnieku nemieri 40. gadu sākumā aktivizēja "augšslāņu" politisko darbību, lika pievērsties agrārājam likumdošanai, klausas nomainot ar naudas renti, pakāpeniski realizējot zemes pārdošanu zemniekiem. Šie pārkārtojumi pavērtu plašākas iespējas kapitālisma attīstībai. Gandrīz desmit gadus ilgi, uzliesmojot zemnieku kustībai; tās ietekmē, saasinoties un atslābstot politiskajai cīņai, baltvācu muižniecības grupējumu un carisma valdošo aprindu savstarpējās pretrunās un strīdos tapa viena no nozīmīgākajām 19. gs. buržuāziskajām reformām - 1849. gada Vidzemes zemnieku likums. Tas ietekmēja agrārās iekārtas attīstību arī Igaunijas un Kurzemes guberņās. Attiecībā uz klaušu atcelšanu un naudas rentes ieviešanu likuma izstrādes gaitā bija nepieciešams vienoties par šo pasākumu īstenošanas kārtību. Kaut gan pieredze liecināja par naudas rentes priekšrocībām, šajā jautājumā pastāvēja dažādi viedokļi un rīsinājuma varianti. Ne velti nākamajos gadu desmitos pie tā atgriezās vēl un vēlreiz. Taču "augšslāņu" grupējumu visasākie strīdi, 40. gadu

pirmajā pusē pat principiālas pretrunas, radās jautājumā par zemnieku nodrošinājumu ar zemi, un tā nobija nejausība. Tika nopietni apdraudēta gadsimtos nostiprinātā un sargātā, 1816.-1819.g. likumos pasvītrotā Baltijas vācu muižniecības privilēģiju privilēģija — īpašums uz zemi.

Ar likuma tapšanu saistītā politiskā cīņa "augšslāņos" padomju historiogrāfijā pagaidām maz pētīta. Daži ar šo problēmu locu saistītie jautājumi aplūkoti darbos par 18. gs.(1), 19.gs. pirmās puses agrārājām reformām (2), muižniecības politiku 50.- 70. gados(3), kā arī par baltvācu historiogrāfiju(4). Tie voido pamatu tālākiem pētījumiem. Atsovišķi politiskās vēstures jautājumi aplūkoti darbos par zemnieku kustību Vidzemē 40. gados, šī laika posma vietu Igaunijas vēsturē(5). Baltvācu muižnieciskajā un buržuāziskajā vēstures literatūrā faktu kopums galvenokārt kalpo muižniecības reformpolitikas apoloģizācijai, t. s. baltvācu liberalisma un tā ciltstava H. Felkerzāma personības slavīnājumam(6). Līdz ar to vienpusīgi izgaismota baltvācu privilēģēto slāņu vieta agrārājā politikā, attiecības ar valdošajām aprindām Pēterburgā un pēdējo loma likuma izstrādāšanā. Pie tam dažkārt baltvācu vēsturnieki noklusēja faktus, viena vai otra notikuma nozīmīgumu.

Ar 40. gadu agrārājiem pārkārtojumiem saistītās politiskās cīņas vēstures izpētē iezīmējas vairāki uzdevumi. Nepieciešams noskaidrot zemnieku kustības lomu agrārās politikas aktivizēšanā, tās ietekmi uz "augšslāņiem" — carisma valdošajām aprindām, baltvācu muižniecību kopumā un tajā pastāvošajiem grupējumiem — t. s. liberāliem un konservatīvajiem. Tāpat svarīga ir šo politisko grupējumu vietas noskaidrošana likuma tapšanas laikā — kadus mērķus izvirzīja katrs no tiem, kad un kā tika izstrādāti likumu pamatprincipi, kā visc tā rezultātā — pati 1849. gada reforma — atbilda šiem pamatprincipiem. Vēl viens būtisks jautājums — galveno politisko spēku savstarpējo attiecību evolūcija atkarībā no izveidojušās situācijas un sargājot kārtas intereses. Ievērojot to, ka vācu muižniecība bija un palika absolūtisma galvenais balsts Baltijā, nepieciešams noteikt minēto poli-

tisko spēku savstarpējo konfliktu mēru — kādos jautājumos radās domstarpības, cik principiālas bija pretrunas politisko grupējumu starpā, vai tās bija nepārvaramas, partiju robežas krasi izteiktas un nepārkāpjamas. Līdzās minētajiem uzdevumiem izvirzās vēl viens — dot baltvācu apoloģiskās historiogrāfijas kritisku analīzi un oponent tajā izteiktajām pamattezēm jautājumā par "augšslāņu" politiku reformas izstrādāšanas laikā.

Šī raksta uzdevums — noskaidrojot tēmas nozīmi un galvenās problēmas, dot PSRS Centrālā Valsts vēstures arhīva (turpmāk PSRS CVVA) materiālu raksturojumu un klasifikāciju, parādīt, kādu tēmas aspektu izgaismojumam tie izmantojami un ko jaunu, salīdzinājumā ar Latvijas PSR Centrālā Valsts vēstures arhīva (turpmāk LPSR CVVA) materiāliem, dod šo dokumentu iesaistīšana 19. gs. 40. gadu "virsotņu" agrārās politikas izpētē, ņemot vērā, ka LPSR CVVA daudz plašāk pārstāvēti muižniecības dokumenti.

PSRS CVVA glabājošies materiāli iedalāmi divās grupās — valsts centrālo iestāžu dokumenti un personisko fondu materiāli. Likuma tapšanas, ar to saistīto politisko spēku izvietojuma, savstarpējo pretrunu, zemnieku kustības lomas noskaidrošanā svarīgs avots ir pirmās grupas dokumenti. Ievērojot, ka dienesta sarakstes, oficiālo ziņojumu, atskaišu, apkārtrakstu u. c. dokumentu sastādītāji bija valsts administrācijas augstākie ierādņi, tie atspoguļo carisma valdošo aprindu uzskatus un tendences gan attiecībā pret Baltijas guberņām vispār, gan zemnieku stāvokli un agrārajā jautājumā veicamajiem pasākumiem.

Iekšlietu un Valsts iepašumu ministrijās, Valsts padomē, Sīnodē nonāca ziņas par zemnieku kustību, šīs iestādes bija arī saistītas ar pasākumu veikšanu nemieru likvidēšanai. No min to iestāžu fondiem visplašākais materiālu klāsts attiecībā uz Vidzemes notikumiem 19. gs. vidū atrodas Iekšlietu ministrijas Vispārīgo lietu departamentā, Valsts padomes Likumu un Ekonomijas departamentos, Valsts iepašumu ministrijā. Pēc tiem iespējams izsekot turpat visai likuma tapšanas vēsturei — kā tiešai notikumu secībai Pēterburgā un

Rīgā, tā arī pamatprincipu izvirzīšanai, domstarpībām un strīdiem atsevišķu paragrāfu formulējumos utt.

Bagāts un nozīmīgs ir Iekšlietu ministrijas Vispārīgo lietu departamenta fonds (PSRS CVVA 1284. f.). Lieta tāda, ka ar Baltijas lietu kārtošānu Pēterburgā galvenokārt nodarbojās Iekšlietu ministrija, bet tās sastāvā — Vispārīgo lietu departaments. Pirmo reizi tā materiāli plaši izmantoti, pētot 19. gs. 50.- 70. gadu baltvācu muižniecības politiku(3), taču tikpat bagāts dokumentu klāsts izmantojams attiecībā uz 40. gadiem. Fondā atrodas iekšlietu ministra Ļ. Perovska sarakste un ziņojumi Nikolajam I, Baltijas ģenerālgubernatoriem K.-M. Pālenam, J. Golovinam, A. Suvorovam, kā arī viņu ziņojumi Iekšlietu ministrijai, sarakste ar Baltijas lietu komitejas locekļiem, šīs komitejas žurnāli, dokumenti par lietu nodošanu izskatīšanai Valsts padomē un Nikolajam I, valsts Ipašumu ministra P. Kiseļova ziņojumi u. c. Lietās saglabājušies gandrīz visu izsūtīto dokumentu noraksti.

Šo dokumentu analīze dod iespēju izsekot Pēterburgā izveidoto, ar Baltijas agrāro likumdošanu saistīto komiteju organizēšanai. Attiecībā uz Baltijas lietu komitejas darbību 40. gados šeit glabājas visplašākais valsts arhīvu fondos apzinātais avotu materiāls. Pašas Baltijas lietu komitejas fondu nav izdevies atrast, tādēļ šo dokumentu iesauktīšana pētījumos ir sevišķi svarīga.

Strādājot pie šo dokumentu izpētes, var saskatīt zināmu pāctecību minēto komiteju darbībā gan attiecībā uz risināmo jautājumu loku, gan tajās ieceltajiem locekļiem. 1842. gada vasarā — rudenī izveidoja komiteju ("Комитет для рассмотрения предположений Лифляндского дворянства и улучшению быта крестьян"), kurā apņēma un pēc izskatīšanas landtāgā (1842.- 1844. g.) pabeidza izstrādāt 1819. gada likuma 77 papildpantus. Tie stājās spēkā 1845. gadā, taču būtiski neizmainīja zemnieku stāvokli; par to liecināja valdības sūtīto komisiju ziņojumi un vēl lielākā mērā no jauna uzliesmojusi zemnieku kustība. Jau 1846. gada janvārī Pēterburgā sākās jaunas komitejas organizēšana ar speciālu uzdevumu

izstrādāt jauna zemnieku likuma pamatprincipus, apspriest landtāgā pieņemto likumprojektu un nodrošināt likuma apstiprināšanu Valsts padomē. Ar šo gadu vēstures literatūrā tad arī parasti datē Baltijas lietu komitejas pastāvēšanas sākumu (7), kaut gan daži autori tās darbību attiecina uz 1842. gadu (6).

Rūnājot par Baltijas lietu komitejas vēsturi 1846. gadā, jāatzīmē vairākkārtēja izmaiņas šīs iestādes nosaukumos. Dokumentos sastopami ap desmit nosaukumi, kuros parasti pasvītrotja aplūkojamo problēmu — "Комитет по делам Лифляндских крестьян", "Комитет об устройстве Лифляндских крестьян", "Главный комитет по делам Лифляндских крестьян", "Высший Остзейский комитет по делам Лифляндских крестьян", "Комитет по устройству быта Лифляндских крестьян" u. c. Tikai ar 1846. gada rudeni arvien biežāk tiek lietots apzīmējums "Baltijas lietu komiteja" ("Остзейский комитет").

Salīdzinājumā ar literatūrā minēto, dokumentos atrodams arī sīkaks un detalizētais fakto materiāls par sagatavošanas komitejas darbību ("Приготовительный комитет по остзейским крестьянским делам"), kurā pirms Baltijas lietu komitejas darbības uzsākšanas iekšlietu ministrs biedra Šepvina vadībā tika veikts sagatavošanas darbs — apspriesti un noformulēti jaunā likuma pamatpunkti. 1846. gada maijā komiteja darbu pabeidza, un jautājuma tālāka izskatīšana tika nodota Baltijas lietu komitejā.

Pētot minēto komiteju darbību, jāatzīmē vēl viena svarīga avotu grupa — komiteju žurnāli, kuros sīki atspoguļoti sēdēs risinātie jautājumi, locekļu uzskati, pieņemtie lēmumi. Šajā, kā arī Valsts padomes Likumu un Ekonomijas departamentu fondos kopumā atrodami gandrīz visu sēžu žurnāli, ir saglabājušies oriģināli arī kopijas (8). Tie dod iespēju novērtēt Baltijas lietu komitejas darību, raksturu, vietu un arī spēku izvietojumu agrārējā likumdošanā. Abu minēto komiteju locekļi bija ministri J. Pečovskis, P. Kiseļovs, J. Kančrins, valsts dienestā kalpojošie baltvācu izcelsmes augstākie valsts ierēdņi P. Pālens, F. Pālens, Hāns u. c.

Citi Iekšlietu ministrijas Vispārīgo lietu departamenta

dokumenti — Ļ. Perovska ziņojumi Nikolajam I, rīkojumi Baltijas ģenerālgubernatoram J. Golovinam un sarakste ar valsts īpašumu ministru P. Kiseļovu, ļauj izsekot valdības taktikas maiņai 1845.- 1846. g. agrāro attiecību kārtošanai. Tas ir jautājums, kuru baltvācu vēsturnieki centušies apiet vai noklusēt. Minēsim tikai vienu no piemēriem, kad valdība, neapmierināta ar baltvācu muižniecības vilcināšanos, pārņēma iniciatīvu savās rokās. 1842. gadā, izveidojot Pēterburgā komiteju Vidzemes muižniecības priekšlikumu apspriešanai, landrātu kolēģija pati ievēlēja savus delegātus. 1846. gada sākumā valdības nostāja bija mainījusies, un no četriem delegātiem, landmaršalu neskaitot, tikai divus izraudzījās muižniecība, bet abus pārējos no reformas piekritēju partijas komandēja ģenerālgubernators J. Golovins(9).

Departamenta fondā atrodošies Baltijas ģenerālgubernatoru K.-M. Pālena un J. Golovina materiāli ir nozīmīgi abu minēto vietējās administrācijas amatpersonu un Vidzemes muižniecība savstarpējo konfliktu cēloņu noskaidrošanai. 40. gadu pirmajā pusē tie neapšaubāmi saistīti ar 22 pantu tapšanas vēsturi. 1846.- 1849. g. galvenās sadursmes notika sakarā ar iepriekš atzīmētajiem carisma centieniem aktīvi iesaistīties jaunā likuma pamatprincipu izstrādāšanā un liberālās partijas atbalstīšanu muižniecības vidū.

Vēl vienu būtisku avotu kompleksu veido Valsts īpašuma ministrijas dokumenti(10). Šīs iestādes priekšgalā 40. gados ātrādās viens no ievērojamākiem Nikolaja I laika valsts darbiniekiem P. Kiseļovs. Valsts īpašumos visaktīvāk izpaudās carisma agrārā politika, jo te muižnieku intereses netika aizskartas tieši un varēja vieglāk realizēt pieņemtos lēmumus (11). Kā šeit īstenotā politika ietekmēja Vidzemes zemnieku likuma izstrādāšanu 40. gados tas ir vēl viens jautājums, ko savos darbos centušies apiet baltvācu vēsturnieki. Bet ministrijas dokumentos dots zemnieku stāvokļa raksturojums, izteikti priekšlikumi tā uzlabošanai valsts muižās, atrodami materiāli par zemnieku nemieru likvidēšanu. Par ziņāmu ietekmi uz agrārās likumdošanas gaitu, Vidzemes muižnieku un zemnieku attiecību noteikšanu liecina arī P. Kiseļova

un citu ministrijas darbinieku piedalīšanās Baltijas lietu komitejas darbā 1846.- 1849. g.

Iekšlietu ministrijas Vispārīgo lietu departamenta un Valsts Ipašumu ministrijas dokumentu vidū atzīmējami materiāli par vienu no likumprojektu autoriem, Vidzemes muižnieku G. Budenbroku. Viņa projekti par zemnieku stāvokļa uzlabošanu, neatlaidīgie centieni panākt priekšlikumu izskatīšanu Pēterburgā baltvācu vēsturnieku darbos izpelņījušies visai kritisku un lielākoties vienpusīgu vērtējumu. No viņiem tikai H. Engelhardts devis plašāku G. Budenbroka projekta analīzi un tā salīdzinājumu ar H. Felkerzāma ierosinājumiem, parādījis pēdējo "priekšrocības" — saudzīgi izturoties pret muižniecības privilēģijām, atrisināt jautājumu par zemnieku nodrošinājumu ar zemi (12). Padomju historiogrāfijā Vidzemes muižnieku cīņai pret G. Budenbroku veltīts H. Stroda raksts (13), kurā, izmantojot PSRS CVVA (Valsts Ipašumu ministrija) un IPER CVVA materiālus, ir dots muižniecības un G. Budenbroka galveno pretrunu raksturojums. Iekšlietu ministrijas Vispārīgo lietu departamenta dokumenti sniedz papildu informāciju par carisma un baltvācu muižniecības attiecībām pret G. Budenbroku, ļauj precizēt valdošo aprindu attieksmi pret šo projektu, izsekot tajā notikušajām izmaiņām (14).

Kā īpaši svarīgs dokuments minēto Iekšlietu ministrijas un Valsts padomes Likumu departamenta fondos jāatzīmē Vidzemes muižniecības 1842. gada februāra landtāga lēmums par zemnieku stāvokļa uzlabošanu, ko līdz šim nebija izdevies atrast IPER CVVA esošajā Vidzemes bruņniecības fondā (214. f.). Valsts centrālajās iestādēs tas nonācis apstiprinātu norakstu veidā sakarā ar agrāro likumprojektu izstrādāšanu 1842.- 1843. g. (15).

PSRS CVVA personisko fondu materiālu apjoms, kas attiecas uz pētāmo problēmu lietu skaita ziņā ir neliels, taču ne mazsvarīgs. Tajos koncentrētie dokumenti atspoguļo ar minētajiem notikumiem saistīto personu un politisko grupējumu uzskatus, tie izmantojami kā avots, pētot valdības un Baltijas muižniecības savstarpējo attiecību evolūciju.

IPSR CVVA galvenokārt glabājas baltvācu muižniecības pār-
stāvju arhīvi, PSRS CVVA — ievērojamāko valsts darbinieku,
Nikolaja I politikas atbalstītāju un realizētāju personiekie
dokumenti. Tādā šie materiāli papildina viens otru.

Iekšlietu ministrijas īpašo lietu ierēdņa I. Liprandi
un vēlākā tautas izglītības ministra A. Golovņina fondos
atrodas darbi, kas tieši saistīti ar Baltijas agrāro vēs-
turi un uzrakstīti 40. gadu Vidzemes notikumu ietekmē. Vēs-
tures literatūrā tie izmantoti saistībā ar zemnieku kustī-
bas izpēti, taču ne mazāk nozīmīga ir šo apcerējumu iekļau-
šana, pētot politiskās cīņas vēsturi "augšslāpce". I. Lip-
randi divu darbu uzmanības centrā ir Vidzemes zemnieku kue-
tība 40.gadu pirmajā pusē (16). A. Golovņins devis vispā-
rēju ieskatu agrārajā likumdošanā (17).

Tēmas izpētē kā avotu materiāls izmantojami arī citi
personisko fondu dokumenti. Nozīmīgākie būtu iekšlietu mi-
nistra Ļ. Perovska personiskā sarakste un piezīmes (18),
valsts īpašumu ministra P. Kiseļova sarakste (19), P. Valuje-
va dokumenti, kas attiecas uz viņa dienesta laiku 40. gadu
otrajā pusē (20).

Tāds izumā ir PSRS CVVA glabājošos, ar 19. gs. 40.
gadu "augšslāpu" politiskās cīņas vēstures izpēti saistīta
avotu kompleksa un tā izmantošanas iespēju raksturojums.

Piezīmes

- 1 Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.
- 2 Zutis J. Cīņa par agrārajām reformām XIX gadsimta
pirmā pusē. Kapitalisma pirmatnējās uzkrāšanās posms
Latvija. Rīga, 1945.
- 3 Духанов М. М. Остзейцы. Политика остзейского дворян-
ства в 50-70-х гг. XIX в. и критика ее апологетичес-
кой историографии. Рига, 1978.
- 4 Зутис Я. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Прибал-
тийско немецкая историография. Рига, 1949.
- 5 Kahk J. Murrangulised neljakkümnendad. Tallin, 1978.
- 6 Tikai pēdējos gados rietumvācu vēsturnieku atsevišķos darbos

verojamas izmaiņas, piemēram: Pistohlkors G. von. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Historische Studien zum Problem der politischen Selbsteinschätzung der deutschen Oberschicht in den Ostseeprovinzen Russlands im Krisenjahr 1905. Göttingen-Frankfurt (Main) - Zürich: Musterschmidt, 1978.

- 7 Tobie A. von. Beiträge zur Geschichte der Livländischen Agrargesetzgebung. - Baltische Monatsschrift, 1875. Bd. 24; Tobie A. von. Das Ostseekomitee. - Baltische Monatsschrift, 1908. Bd. 65.
- 8 PERS CVVA, 1284. f., 27. apr., 102., 103. l.; 1149. f., III apr., 1843. g., 40. l.; 1152. f., III apr., 1849. g., 75. l.
- 9 Turpat, 1284. f., 27. apr., 103. l., 1.- 2. l.
- 10 Turpat, 384. f., 2., 3. 5. apr.
- 11 Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.-Л., 1946.
- 12 Engelhardt H. von. Zur Geschichte der Livländischen adeligen Güterkreditsozietät. Riga, 1902.
- 13 Strods H. Vidzemes muižnieku cīņa XIX gs. 40. gados pret G. Budenbroka projektu par kļaušu atcelšanu un zemes pārdošanu zemniekiem. - Latvijas agrārā vēsture (XVI - XIX gs. s.). Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā. Rīga, 1966.
- 14 PERS CVVA, 1284. f., 27. apr., 103. l.
- 15 Turpat, 1284. f., 27. apr., 102. l., 110.- 132 lp.; 1149 f., III apr., 1843. g., 40. l., 44.- 68. lp.
- 16 PERS CVVA, 673. f., 2. apr., 20., 22. l.
- 17 Turpat, 851. f., 1. apr., 46., 47. l.
- 18 Turpat, 1021. f., 1. apr., 7., 55. l.
- 19 Turpat, 958. f., 1. apr., 159., 413., 673. l.
- 20 Turpat, 908. f., 1. apr., 60., 61., 66. l.

Г. фон Пистолькорс
Геттингенский университет
им. Георга Августа (ФРГ)

ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ СООБРАЖЕНИЯ ПОСЛЕ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905 г. ОТНОСИТЕЛЬ-
НО ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ЛОЯЛЬНОСТИ В СТОРОНУ
ГЕРМАНИИ

С выходом в свет в 1952 г. книги Клауса Мейера "Теодор Шиман как политический публицист" мы узнали, что лифляндский ландрат, владелец поместья Скривери (Ремерсгоф) Макс фон Зиверс при посредничестве профессора по восточно-европейской истории Берлинского университета, постоянного комментатора газеты "Крейццайтунг" Теодора Шимана в январе 1906 г. вступил в Берлине в контакт с статс-секретарем Министерства иностранных дел (МИД) Германии фон Чирски (I). Однако, до сих пор не было в подробностях известно, какую цель при этом преследовал Зиверс, так как Мейеру были доступны лишь дневники Шимана, но не его обширная переписка. Имевшийся полный комплект писем (2), посланных Зиверсом Шиману с декабря 1905 до середины 1906 г. дает основание, по нашему мнению, поставить вопрос о том, не слишком ли оборонительной представлялась до сих пор прибалтийско-немецкая политика после революционного кризиса 1905 г., главенствующим в которой считалось стремление к сохранению своего экономического и политического господства и к национальному сплочению в рамках немецких фрейнов. Конечно, многие представители прибалтийских немцев прилагали усилия к тому, чтоб после пережитого сильного потрясения - осады имений и изгнания из них - найти исходные точки для восстановления в Прибалтике соответствующего их понятиям порядка. Действия же ландрата Зиверса были направлены преимущественно не только на восстановление революционного положения. На деле он как полномочный представитель лифляндского дворянства вел в Берлине переговоры о получении в "Дейче банк" займа с тем, чтобы эти средства содействовать подготовке

возможного отделения остзейских провинций от России (3).

Причины, побудившие его сделать подобное представление берлинским правительственным инстанциям, Зиверс подробно изложил в представленном им в МИД Германии меморандуме от 16 января 1906 г., озаглавленном "Общие соображения о политическом положении в остзейских провинциях".

В нем Зиверс указывал: "Чтобы спасти немецкий характер прибалтийских провинций, необходимо, в первую очередь, обеспечить владельцев рыцарских поместий достаточными наличными средствами, так как в противном случае почти всё дворянство обанкротится и лишится своих владений... Но если помещикам и удастся с помощью займа сохранить свои имения, то это для дворянства (а вместе с ним и для немецкого характера Прибалтики) еще отнюдь не будет гарантией на будущее. Такой гарантией в России могла бы быть только такая форма самодержавного правления, какой она была примерно при Павле I. Однако после событий последнего времени такая возможность практически исключена и надо ожидать установления парламентского правления, под которым несомненно будут находиться и прибалтийские провинции. Любой парламент России, сколько бы он ни существовал, предпримет против немцев еще более уничтожающие меры, чем царское правительство. Так как латыши и эстонцы знают, что единственную реальную угрозу для их национальной культуры представляет немецество, они непременно поддержат антинемецкую политику. Предотвратить неизбежную в таком случае гибель немецкой культуры в Прибалтике можно лишь двумя путями: первый из них, который, к сожалению, по-видимому не намечается, - это аннексия прибалтийских провинций Германией, второй - создание к ним "открытых дверей" (4).

По нашему мнению, - Зиверс, превысил свои полномочия не только в том, что поставил на обсуждение такую альтернативу. Более того, он счел даже уместным нарисовать в своем меморандуме такие перспективы на будущее, к которым просто нельзя было отнестись серьезно: "Германии пришлось бы в случае аннексии заботиться только об обеспечении военной безопасности своего нового владения, так как управление краем и националь-

ная безопасность (что бы под этим ни подразумевалось - Г.П.) обеспечивались бы прибалтийским дворянством и бургерством без малейших усилий со стороны Германии. Ее правительству надо было бы только сформулировать на этот счет свои пожелания и они неукоснительно и эффективно выполнялись бы остзейскими сословными организациями, обладавшими большим политическим опытом и умением. Можно было бы также беспрепятственно осуществить любую желательную для германского правительства реформу или отмену местных провинциальных конституционных установлений. Латыши и эстонцы были бы в кратчайший срок германизированы, и для этого даже не потребовалось бы никаких мер принуждения, так как эти национальности руководствуются гораздо больше соображениями практической выгоды, чем националистическими устремлениями" (5).

Зиверс, очевидно, полагал, что такими рассуждениями он сможет не только придать больший вес первоначальной экономической цели своей поездки в Берлин. Из многих высказываний в его письмах явствует, что он хотел приблизить "славяно-германскую дуэль", которую считал неизбежной, и всеми средствами добивался того, чтобы прибалтийские немцы в этом поединке стали на сторону Германии. Его политическое кредо лучше всего выражено в следующем замечании: "Такова уж судьба немцев в России, что они являются для русских козлами отпущения за величие и могущество Германии. Будь мы испанцами, нас бы не трогали. А раз уж нам приходится терпеть из-за того, что нас считают опасными как объект германского имперского аппетита, так будем же по крайней мере действительно опасными ..." (6).

По Зиверсу, Германия была обязана укреплять способность прибалтийских немцев к сопротивлению, оказывая им прежде всего моральную, а в данном конкретном случае и финансовую поддержку. Его переговоры с "Дейче банк" начались неплохо, однако по своей целовой установке они отличались от переговоров проводившихся одновременно в Берлине представителями эстляндского дворянства. Как явствует из воспоминаний барона Эдуарда Деллингсгаузена, эстляндское дворянство, хотя и делало основную ставку на самопомощь, на первых порах тоже пыталось

получить заем под залог своих имений в Берлине. Предстояло еще выяснить в Петербурге связанные с этим юридические вопросы, но эстляндское дворянство отказалось от дальнейших переговоров, а курляндское, очевидно, сразу же раздобыло необходимые ему средства на внутреннем денежном рынке России; полномочный представитель курляндского дворянства князь Ливен, хотя и присутствовал в Берлине, в переговорах с банковскими учреждениями не участвовал (7). Остались Лифляндия и представитель города Риги — адвокат Эрвин Мориз; отсюда можно сделать вывод, что решающим фактором, побудившим ландрата Зиверса упорно продолжать переговоры, были соображения политического характера (8).

В письме из Риги от 26 марта (8 апреля) 1906 г. Зиверс сообщил Шиману, что в вопросе о займе ему легко удалось склонить на свою сторону лифляндский ландтаг (на его мартовской сессии 1906 г. — Г.П.). По его, Зиверса, предложению ландтаг единогласно решил использовать все конституционные возможности для обращения в высшие инстанции с заявлением о том, что "возобновление положительной культурной работы" возможно только на базе реформ, после восстановления порядка и немецких учебных заведений. Относительно планов займа Зиверс выражал обеспокоенность тем, что ухудшение германо-русских отношений, вызванное бойкотом русского займа в Германии, может поставить рыцарство в неблагоприятное положение на переговорах. Несмотря на принятое ландтагом решение начать переговоры с "Дейче банк", Зиверс уже не был настроен так оптимистически, как в январе; он выражал опасение, что банк теперь будет вести переговоры "с прохладцей" (9). Письмо Зиверса, очевидно, побудило Шимана и со своей стороны прозондировать почву, чтобы и на сей раз помочь своим землякам. Важной в этом отношении представляется состоявшаяся 22 апреля продолжительная беседа Шимана с статс-секретарем фон Чирски, которому и показал письмо Зиверса. Как Шиман пишет в своем дневнике, Чирски подтвердил, что в случае разрыва царской России Германия "не упустит случая", т.е. предпримет в Прибалтике решительные военные меры, как только отпадет необходимость со-

обладать монархическую солидарность (10).

На этом фоне можно себе представить, как велика была заинтересованность ландрата в позиции "Деиче банк". В письме от 22 апреля (5 мая) Зиверс сообщает, что ассессор "Деиче банк" доктор Брунсвиг уже прибыл в Ригу для наведения справок на месте. Зиверс и здесь не забывает упомянуть, что цель займа - предотвратить продажу поместий состоятельным полякам, евреям, латышам или русским. Он вновь приводит несколько доводов в пользу предлагаемого эмиссионного курса 90 % и процентной ставки 4,5 %, откровенно исходя из предположения, что "Деиче банк" предоставит эстляндским провинциям более благоприятные условия кредита, чем остальной России. При этом он ссылается, во-первых, на лучшее обеспечение займа, во-вторых, на более благоприятное экономическое положение Лифляндии, поскольку лифляндские залоговые обязательства находятся в обращении по ставке 4,5 % при эмиссионном курсе 86-87,5 %. К этому времени Зиверс еще твердо убежден в том, что эстляндцы будут участвовать в сделке, однако он опасается, что отказ Курляндии может сорвать весь проект. Он намерен дождаться черновых предложений "Деиче банк" и при необходимости заключить с курляндцами тайное "сепаратное соглашение", предоставив им все необходимые гарантии, чтобы обеспечить их участие в сделке, если таковым будет требование "Деиче банк" (11).

16 мая МИД Германии сообщило директору "Деиче банк" Гвиннеру, что нет возражений политического характера против удовлетворения просьбы лифляндского дворянства; что касается финансовой стороны дела, то вопрос должен, естественно, решаться самим банком (12). В конце мая Зиверс снова прибыл в Берлин для проведения заключительного этапа переговоров и воспользовался случаем, чтобы лично передать в МИД текст врученного царю в Петербурге 24 мая меморандума лифляндского дворянства. 14 июня министерство посетил Гвиннер, который сообщил о достигнутом между ним и "салтийцами" соглашении, согласно которому лифляндскому дворянству предоставляется заем в размере 5 млн. рублей и городу Риге, от имени которого вел переговоры адвокат Морин, в размере 2 млн. рублей по предлагаемому эмиссионному курсу 90 %, но из расчета 5 % годовых. Банк оставляя

за собой право отказаться от сделки, если курс последнего государственного займа России опустится ниже 72 %. Это означало, что расчет Зиверса на то, что "Дейче банк" проведет четкую грань между остзейскими провинциями и остальной Россией не совсем оправдался. Правда, предлагаемый эмиссионный курс 90 %, как подчеркивала "Дейче банк", был на несколько процентов выгоднее для получателей займа, чем последний государственный заем России. Гвиннер не преминул отметить, что банк в этом деле не стремится к выгоде, а руководствуется "чувством симпатии к балтийцам" (13).

Экономическая заинтересованность Зиверса в получении займа полностью совпадала с политическими его надеждами и желаниями видеть Германию наследницей России в случае серьезного, чреватого крушением России кризиса. В письме из Риги от 15 июля Зиверс высказывает твердое убеждение, что лифляндское дворянство согласится на условия займа точно в том виде, как они будут предложены банком. Это также указывает на примат политических целей, которые Зиверс связывал с этим займом. К этому времени он был убежден, что именно заем даст дворянству возможность "почти полностью удержать землевладение". Он также видел возможность того, что путем добровольного прогрессивного подоходного налогообложения удастся собственными силами создать фонд помощи, чтобы воспрепятствовать переходу поместий в собственность Российского крестьянского аграрного банка. Зиверс пишет о том, что на съезде представителей русского дворянства в Петербурге ландрату барону Пилару удалось убедить остальных представителей в том, что корень всех аграрных бед России заключается не в мнимом малоземелье крестьян, а в русской общинной собственности на землю. После этого дворянский съезд направил царю петицию, в которой потребовал полного соблюдения принципа частной собственности и перевода общинной земельной собственности в частное чересполосное владение. Со стремлением создать экономические гарантии частного землевладения Зиверс связывает также намерение лифляндского дворянского общества по кредитованию и сний создать под ответственным руководством адвоката Александра Фоль-

ка кредитную систему, направленную на укрепление мелкого землевладения и способную противостоять возможному опасному прогниванию Российского крестьянского аграрного банка.

Зиверс хотел быть во всеоружии на случай любых неожиданностей. В этом же письме он делает обобщающий вывод о том, что революция до сих пор терпит неудачу потому, что армия в целом оказалась достаточно надежным оплотом режима. Однако, пишет Зиверс, положение может в корне измениться после нового призыва в армию осенью 1906 г. (14).

В условиях наступившего летом 1906 г. нового обострения революционного кризиса в России отказ "Дейче банк" (2 июля 1906 г.) от прекращения переговоров был для Зиверса тяжелым ударом. Директор банка Гвиннер в письме МИД (на имя тайного советника посольства Клемента - Г.П.) сообщает, что оказать помощь притесненным соплеменникам в прибалтийских провинциях больше не представляется возможным: "Когда мы уже были уверены в том, что все трудности преодолены, оказалось, что юридически обеспечить держателям облигаций займа полную надежность предлагаемых дворянством залогов можно лишь с помощью такого договора, который имел бы характер изменения закона." Указом от 17(30) октября, продолжает автор письма, царь полностью отказался от права издавать законы или вносить в них изменения без согласия Государственной думы; однако, ее согласие на "балтийский заем" совершенно исключается (15). В выдержанном в отчаянном тоне письме профессору Теодору Шиману, который в это время в свите кайзера совершал поездку по Северной Европе, Зиверс заявляет, что, насколько ему известно, по закону продажа или заклад поместий зависит лишь от "высочайшего дозволения", однако выходящая в Петербурге газета "Доиче Санкт-Петербургер Цайтунг" написала о существующих на этот счёт в кабинете министров сомнениях. Теперь сам Зиверс признавал, что его миссия провалилась и высказывал готовность немедленно отправиться в поисках займа в Англию. Только он один среди всех дворян, пишет Зиверс, осмелится на такую попытку; остальные лифляндские дворянские политики, сознавая

свое бессилие, покорились судьбе в ожидании "конца Ливонии" (16). Провал займовой операции был по существу и личным поражением Зиверса, которому ландмаршал на первых порах, хотя и с некоторой долей скепсиса, все же представлял свободу действия в этом вопросе. Теперь, как явствует из письма Мейендорфа от 1 (14) сентября, ландмаршал счел эпизод с займовой операцией исчерпанным (17).

Решающим моментом для оценки всей этой истории является, пожалуй, вопрос, мог ли и в какой степени Зиверс рассчитывать на поддержку своих коллег ландратов, других деятелей дворянства и немецкого населения в целом, как раз в это время объединившегося в немецкие ферейны. Несомненно, Зиверс имел все основания причислять себя к ведущим деятелям лифляндского дворянства. Именно он провел всю основную подготовительную работу к июльской (1905 г.) сессии ландтага. На мартовской (1906 г.) сессии ему с трудом удалось избежать избрания резидирующим ландратом; свое нежелание стать им он объяснил тем, что это отвлекло бы его от его миссии в Германии (18). Все дворянские меморандумы за 1905-1906 гг. были написаны им или, по крайней мере, при его активном участии. Ландмаршал барон Мейендорф подробно обсуждал с ним все целевые проекты, которые ему предстояло обсуждать в Петербурге. С другой стороны, вся деятельность Зиверса на переговорах в Германии имела настолько спекулятивные черты, что генеральный консул Германии в Риге доктор Вильгельм Онесзайт посчитал правильным проводить четкую грань между спокойной политикой Мейендорфа и суетливой, несерьезной по существу политикой конфронтации Зиверса (19).

Действительно, могли ли руководящие инстанции в Берлине с полной серьезностью относиться к ландрату Зиверсу как к политику? Как неоднократно отмечал в своих докладах Онесзайт, Зиверс был замешан в некоторых газетных полемиках, в том числе и в Германии, которые могли лишь нанести вред его миссии (20). То, что он, являясь представителем лифляндского дворянства, публично обсуждал в 1905 г. в журнале "Дер дойче" вопрос о переориентации лояльности прибалтийских немцев как о

пути выхода из переживаемого ими кризиса, навряд ли было в интересах МИД Германии. Сколькo бы ни старался Зиверс использовать в своих целях прусского профессора, выходца из Прибалтики Шимана, последний уже слишком опруссачился, чтобы находиться на поводу (хотя он и не мало сделал для того, чтобы облегчить лифляндскому ландрату его миссии). Шиман, не имея на то полномочий от Зиверса, немедленно проинформировал МИД о его намерении после неудачных переговоров в Берлине поехать в Англию (21). Вообще Шиман неоднократно по собственному усмотрению передавал дальше фрагменты из откровенных рассуждений ландрата якобы в интересах последнего, но в действительности и для того, чтобы укрепить свое собственное независимое положение как консультанта МИД по вопросам, касающимся России.

Имеется, правда, указание на то, что категорический отказ "Дейче банк" продолжить переговоры с представителями лифляндского дворянства и города Риги был для германского МИД почти такой же неожиданностью как и для некоторых руководящих деятелей самого лифляндского дворянства. Как явствует из докладной записки советника посольства и временного поверенного в делах Германии в Петербурге Ганса фон Микеля от 22 августа (4 сентября) 1906 г., Мейендорф просил присконсульта германского посольства в Петербурге Макса Каплана дать заключение о том, вправе ли дворяне закладывать свои имения в Германии без утверждения Государственной думой, но с согласия царя. Заключение Каплана, с которым Шиман ознакомил МИД, было положительным, в то время как генеральное консульство Германии в Петербурге дало отрицательный ответ.

В беседе с Микелем Мейендорф высказал мнение, что проблема юридических гарантий займа была для "Дейче банк" лишь отговоркой, и Микель в своей докладной записке присоединялся к этому мнению, отметив, что при ставке 5 % годовых доход банка даже при ипотечном обеспечении займа недостаточно высок (22). Переписка по этому вопросу между германским посольством в Петербурге и МИД Германии показывает, как в министерстве смотрели на эту затею с займом. В конце своей докладной

записки от 22 августа (4 сентября) Микель констатировал, что Германия политически не заинтересована в оказании содействия лифляндскому дворянству, "поскольку тамошние семейства ... естественно ... склоняются на сторону русских", "не желая или не имея возможности проводить прогерманскую политику". Статс-секретарь Чирски, со своей стороны, интерпретировал события в несколько ином ключе, доверительно сообщая в Петербург: "Я в общем согласен с мнением, что в настоящее время мы политически не заинтересованы оказывать содействие Лифляндскому дворянству. При всей человеческой симпатии и национальном сочувствии к судьбе прибалтийских немцев мы в своей политике не имеем право игнорировать тот факт, что речь идет о русских подданных и их интересах. Но, с другой стороны, будет нехорошо, если мы без необходимости (в рукописи: "уже сейчас" - Г.П.) дадим им четко и ясно почувствовать нашу точку зрения и тем самым как бы силой оттолкнем их от себя. Можно представить себе обстановку, при которой мы могли бы извлечь пользу из того, что внутри Российской империи продолжает существовать прибалтийско-немецкое племя с немецкой в основе культурой, обстановку, вынуждающую правительство России считаться с его потенциальными прогерманскими симпатиями" (23).

Эта примечательная директива показывает, что Зиверс, несмотря на безуспешность его попыток добиться экономического, а вместе с тем и политического участия государственных органов Германии в решении проблем Лифляндии, не так уж ошибался, рассчитывая на продолжавшийся интерес Германии к положению в остзейских провинциях и к прибалтийским немцам. Во всяком случае, Зиверс вплоть до 1907 г. не переставал направлять в МИД Германии меморандумы от имени лифляндского дворянства и продолжал работу над проектом займа. Особо важны в связи с этим два сообщения, которые были доведены до сведения МИД Германии. Рижский адвокат Эрвин Мориц, ранее бывший ярим поборником германской интервенционистской политики, а позднее в качестве руководителя Прибалтийской конституционной партии перешедший на позиции умеренной преданности Российскому государству, составил, несомненно с ведома Зиверса, меморандум,

озаглавленный "Поляки в Лифляндии, в особенности в Риге", в котором Рига была представлена как центр великопольской пропаганды (24). Вторым документом, который Зиверс счел уместным через посредство Шимана передать в МИД Германии, был меморандум о проводимой им в Лифляндии колонизационной политике.

В этом меморандуме, датированном 19 марта 1907 г. Зиверс недвусмысленно разъяснял цели, которые он преследовал, привлекая немецких колонистов из глубины России. После революции 1905 г., писал он в этом документе (предназначенном для руководящего государственного учреждения иностранной державы), правительство России, занятое борьбой за свое существование, способно уделить все меньше внимания националистическим устремлениям прибалтийских немцев. "Обусловленная этим свобода действий, - продолжал он, - а также революционный натиск со стороны латышей и эстонцев, представляющий угрозу для немецкого характера остзейских провинций, убедили прибалтийских немцев в том, что сохранить в длительной перспективе немецкий характер этих провинций можно только путем увеличения численности немецкого населения и германизации или вытеснения латышей и эстонцев." Подробно изложив усилия, приложенные им и другими лицами для привлечения колонистов из других областей России, Зиверс заключает, что в интересах Германии поддержать его многогранные устремления и даже желательное сотрудничество с германской государственной комиссией по заселению Познаньской области и Западной Пруссии (25). Насколько необоснованными были надежды Зиверса, показывает написанная в тот же день директива Чирски, в которой недвусмысленно говорится, что планы лифляндского ландрата могут составить конкуренцию упомянутой комиссии (26). Между прочим, Зиверс в своём меморандуме сообщал данные о своих успехах, никоим образом не соответствовавшие действительному масштабу мероприятий по привлечению немецких колонистов из России (27).

В этих упорно продолжавшихся попытках добиться активной заинтересованности МИД Германии, по нашему мнению, впервые проявляется такая целенаправленность прибалтийско-немецкой политики, которая никак не совместима с представлением о

традиционной дворянской политике, осуществлявшейся в интересах всей земли ... Яркая выраженная ненависть к русским и обостренная враждебность к латышам, которые были характерны для Зиверса особенно после событий 1905 г., своей бескомпромиссностью и агрессивностью могла лишь усилить неясность дворянской позиции в вопросе региональных реформ.

Как уже было показано в одной из моих работ (28), прибалтийско-дворянские политики, придерживавшиеся региональной ориентации, под влиянием революционного кризиса 1905-1906 гг. стремились прежде всего к тому, чтобы сохранить в остзейских провинциях экономические и социальные позиции господствующей немецкой прослойки и расширить, насколько это было возможно, сферу ее политического влияния. При всем презрении, испытываемом ими к местным русским и латышским представителям самодержавной власти, эти политики были убеждены, что гарантией последовательного дальнейшего развития в желательном для дворянства направлении может быть только личность самодержца. С глубоким недоверием относились к любым стремлениям, направленным на установление конституционного правления и те прибалтийские политики, которые в своей деятельности ограничивались сугубо провинциальными рамками. Столь же недоверчиво или со скептической терпимостью взирали они и на "большую политику" ландрата Зиверса. Цель всех региональных усилий состояла в том, чтобы по возможности ограничить в прибалтийских губерниях влияние русской бюрократии и заменить ее системой регионального самоуправления при решающем участии представителей дворянства. Согласно их официальным заявлениям, политика региональных реформ, направленная на эти цели, должна была опираться на добровольное сотрудничество представителей лояльных и преданных государству латышских и эстонских групп. Надо было проверить, существует ли политический водораздел между лояльными по отношению к государству мелкими землевладельцами, с одной стороны, и радикальными представителями "национальных движений", с другой, которые выступали с требованием всеобщих, равных, тайных и прямых выборов в Государственный думу и поэтому в глазах дворянства совершенно не подходили

для роли партнеров по рассчитанному на длительный период сотрудничеству.

Если сравнить эти целевые установки с действиями Зиверса в Берлине, то приходится констатировать, по меньшей мере, что представители руководства лифляндского дворянства до неудачного исхода берлинских переговоров пытались застраховать себя с двух сторон. Их официальная политика более чем когда-либо была направлена на создание региональной системы самоуправления при активном участии выборных представителей мелкого землевладения; в то же время их тайный эмиссар в Берлине своими резкими выпадами против шовинизма латышских и эстонских националистов и против русской бюрократии готовил почву на случай крушения самодержавия, недвусмысленно намекая на желательность аннексии прибалтийских провинций. Не случайно и в изданной анонимно книге нотариуса лифляндского дворянства Астафа фон Транзе-Розенек "Латышская революция" революционные социал-демократы и представители латышских национальных кругов фактически ставились на одну доску (29).

В этих действиях дворянского руководства в 1906 г. нашел свое выражение целевой конфликт, который независимо от всех стараний достичь внутреннего спокойствия и застраховать себя с помощью чужой державы указывает на агонию руководимой дворянством региональной системы. Как явствует из документов МИД, Зиверс переоценивал нацеленность германской внешней политики на экспансию или хотя бы ее готовность к действиям, а дворянство, несмотря на все приложенные в "Балтийском Совете" и в "провинциальных советах" усилия, оказалось неспособным даже в рамках провинций правильно оценить свои возможности и сохранить инициативу. Ни в одном из провинциальных органов не удалось преодолеть зависимость от готовности русской бюрократии к сотрудничеству с остзейцами. Направление дискуссий в этих органах определялось генерал-губернатором или губернаторами Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (30).

Правда, расчеты ландрата фон Зиверса приобрели звучание в условиях первой мировой войны, когда в январе 1918 г. дворянство Лифляндии и Эстляндии "от имени всего края", ссы-

лаясь на свое историческое право заключать "государственно-правовые договоры", выступало за отделение Прибалтики от России и пыталось поставить себя под эгиду Германии (ЗИ).

Примечания

- 1 Meyer K. Theodor Schiemann als politischer Publizist. Frankfurt a/M, Hamburg, 1952, S.137-145.
- 2 Фонд Теодора Шимана в тайном государственном архиве "Прусское культурное достояние", Берлин-Далем, оп. 92.
- 3 Подробные данные по займовой операции даны в моей статье "Zur Beurteilung der "Anleiheaktion" der Livländischen Ritterschaft und der Stadt Riga in Berlin in den Jahren 1906/07. Zielkonflikte deutschbaltischer Politik nach der revolutionären Krise von 1905". - In: Die baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917. Hrsg. von A.Ezergailis und G. von Pistohlkors (Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. Hrsg. von P.Kaegbein u. G. von Pistohlkors, Köln-Wien, 1982, Bd.4, S. 135-163).
- 4 Рукопись меморандума составлено Зиверсом. См. фонд Шимана, оп.92, № 5, I-19.
- 5 Там же.
- 6 Там же, письмо Зиверса Шиману в Берлин от 3 сентября 1906.
- 7 См. Dellingshausen E. Freiherr von. Im Dienste der Heimat. Stuttgart, 1930, S.125f.
- 8 Биографические сведения об Эрвине Морице и Максе фон Зиверс даны в кн.: Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960. Hrsg. v. W.Lenz. Köln-Wien, 1970, S.529,736. Мориц с 1878 г. был присконсулом г. Риги и с 1886 г. присконсулом Лифляндского дворянского общества по кредитованию имений.
- 9 Фонд Шимана, оп. 92, № 5, I-19.
- 10 См. Meyer K. (Примеч. I), с. 141 и далее.
- 11 Фонд Шимана, оп. 92, № 5, I-42.
- 12 Политический архив (П.А.) Министерства иностранных дел ФРГ в Бонне, Россия 64, т.19.
- 13 Там же.
- 14 Фонд Шимана, оп.92, № 5, I-48. См. также статью Сирье Киви-мее "Die Agrarreformen Stolypins in den baltischen Gouver-

- nements " в сборнике, указанном в примечании 3, с.103-124.
- 15 П.А., Россия 64, т.19.
- 16 Фонд Шимана, оп. 92, № 5, I-9I.
- 17 Там же.
- 18 Письмо Зиверса Шиману от 26 марта (8 апреля) 1906. - Фонд Шимана, оп. 92, № 5, I-9I. Подробно о роли Зиверса в 1905 году см. в моей книге "Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Historische Studien zum Problem der politischen Selbsteinschätzung der deutschen Oberschicht in den Ostseeprovinzen Russlands im Krisenjahr 1905 (Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft 48), Göttingen, 1978, S.199ff u. passim.
- 19 См. докладную записку Онессейта из Риги по поводу отставки лифляндского ландмаршала барона Фридриха фон Мейендорфа (П.А., Россия 64, т.21. Докладная записка из Риги от 26 марта 1908 г.).
- 20 Докладная записка Онессейта от 6 февраля 1906 г. (П.А., Россия 64, т.18). Генеральный консул препровождает копию статьи Зиверса из германского еженедельника "Дер дойче", перепечатанной в газете "Дюна-Цайтунг", 1906, № 6, 9(22) янв. под заголовком "Политика балтийцев" (Baltenpolitik).
- 21 П.А. Россия 64, т.20: Директива Чирского поверенному в делах в Санкт-Петербурге от 8 сентября 1906 г.
- 22 Заключение Каплана от 21 августа (3 сентября) 1906 г. и докладная записка Микеля из Петербурга от 22 августа (4 сентября) 1906 г. см. П.А. Россия 64, т.19.
- 23 Директива Чирски от 8 сентября 1906 г. Там же, т.20.
- 24 Приложение к докладной записке Онессейта из Риги от 31 октября 1906 г. Там же.
- 25 Копия меморандума на бланке с штампом "hilfsausschuss für die notleidenden Deutschen Russlands" (Комитет помощи нуждающимся немцам в России) от 19 марта 1907 (П.А.Россия 64, т.21).
- 26 Там же. Поддержка планов фон Зиверса объявляется с точки зрения германской внешней политики "исключенной".
- 27 Зиверс считал это "средством для того, чтобы сломить со

- временем всякое сопротивление окончательному онемечению прибалтийских провинций и тем самым собственными силами на все времена завоевать наш край для немецкой нации". Эти безмерные по своему размаху целевые установки, не идущие ни в какое сравнение с весьма ограниченными действительными успехами политики колонизации, очевидно, были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление в Берлине.
- 28 См. мою книгу: *Ritterschaftliche Reformpolitik ...* (примеч. 18), особенно с. 181 и далее.
- 29 *Die lettische Revolution. - 2. veränderte Auflage. Berlin 1906/07, Teil 1 und 2.* Эта заказная работа, выполненная по поручению лифляндского дворянства его нотариусом Астафом фон Транзее-Розенеком, вышла анонимно, но была снабжена предисловием за подписью профессора Теодора Шимана, в котором он взял на себя "полную научную и моральную ответственность за эту публикацию". См. также статью П. Крупникова в сборнике (примеч. 3) "Борьба мнений в германской публицистике о социальных и национальных проблемах революции 1905 года в Латвии", с. 183-195, в частности с. 191 и далее.
- 30 Schiemann P. *Die Arbeiten des Estländischen Provinzialrates. Ein Beitrag zur Geschichte der baltischen Landespolitik. Reval, Leipzig, 1907, passim.* См. также статью Каузе Гельмута "Отношение Пауля Шимана (1876-1944) к прибалтийско-немецкой политике до 1914 года" в указанном в примеч. 3 сборнике, с. 165-182.
- 31 См. статью Арведа фон Таубе "От Брест-Литовска до Либавы. Прибалтийско-немецкая руководящая прослойка и великие державы в 1918-1919 годах", - в кн.: *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg/Lahn, 1977, Bd. 2, S. 70-237, bes. S. 93 ff.*

М. Гарлефф

Кильский ун-т им. Христиана Альбрехта
(ФРГ)

К ВОПРОСУ О НЕМЕЦКО-ПРИБАЛТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1860-1914)

Поскольку в ограниченных рамках данной статьи не представляется возможным дать исчерпывающий обзор исследуемой темы, я сосредоточил внимание на немногих аспектах немецко-прибалтийской историографии названного периода.

Речь пойдет о тех соображениях, которые возникли в связи с подготавливаемыми в настоящее время в рамках Прибалтийской исторической комиссии (Baltische Historische Kommission) проектом "Истории немецко-прибалтийской историографии", охватывающей всю немецко-язычную историографию Прибалтики от средневековых хроник до современности. При этом мне хотелось бы сгруппировать свои соображения следующим образом:

- 1) отражение историко-теоретических взглядов в работах немецко-прибалтийских историков;
- 2) практика прибалтийско-немецкой историографии в 1860-1914 гг.;
- 3) общие работы данного периода по истории Прибалтики.

I

Уже в конце 1868 г. историк Александр Брикнер (преподававший тогда в Одессе, но вскоре приглашенный в Дерпт) использовал опубликованную в "Балтисхе Monatschrift" рецензию на работу о генезисе просвещения и его влиянии на Европу (1) для изложения собственных взглядов на проблемы развития философии истории (2). Проникая в суть истории как науки, ученик И.-Г. Дройзена установил, что обычно ответ на этот вопрос сводился к описанию историко-критического метода. Положение В.ф. Гумбольдта о том, чтобы рассматривать историю как осуществление идеи и изучать ее движущие силы не было поддержано школой Ранке с ее "безусловным господством над материалом" ("unbedingten Herrschaft über das Material") (3). Если бы исследование затронуло историческое развитие в целом, оно вышло бы за преде-

ды политической истории, в чем и состояла заслуга исторической критики (*der historischen Kritik*), и несомненно охватило бы намного больше объектов изучения. Следуя за Лессингом, Гердером и Гумбольдтом, Брнкнер считал задачей истории "исследование всех сторон прогресса, подлинного развития цивилизации" (4). Суть понимаемой таким образом исторической науки состояла-де "в рассмотрении нравственного (*sittliche*) мира в его росте, становлении и движении" (5), для чего Брнкнер, занимавшийся историей культуры, изучал наряду с проблемами истории идей прежде всего постановку вопросов в истории хозяйства и финансов. Правда, внимание Брнкнера при этом больше, чем прибалтийская привлекала общероссийская проблематика, что определялось кругом его задач как руководителя кафедры русской истории. Немецко-прибалтийские ученые относились к Брнкнеру сдержанно и в некоторой степени даже отмежевывались (*verhaltene Distanzierung*) от него. Это выражено и в критической оценке Брнкнера, которую дал ему многолетний коллега по Дерпту Рихард Хаусман: "Потомок выходцев из Финляндии, уроженец Петербурга, там же воспитанный, получивший образование в Германии и работавший по специальности в Одессе и Дерпте, Брнкнер придерживался интернационалистски-космополитической точки зрения, основанной на оптимистическом мировоззрении" (6). Обе эти стороны - космополитизм и оптимистическое мировоззрение - входили в число вопросов, по которым прибалтийские историки полемизировали с Яниау и Фрибе, а позднее и с Рутенбергом. Их позиция коренилась в немецком историзме и в осмысливании "отечественной истории" и исходила, прежде всего, из органически-правого мышления (*organisches Rechtsdenken*).

О том, что в немецко-прибалтийской историографии нашла выражение и противоположная тенденция, также характерная для Германии, свидетельствует доклад старшего преподавателя (*Oberlehrer*) истории Георга Видемана (1857-1927), прочитанный сорока годами позднее (в конце первого десятилетия нашего века) в "Курляндском обществе литературы и искусства" (7). Видеман, выступая на тему "Современная историческая наука", изложил содержание методологических дискуссий, которые велись в то

время в Германии; и уделил при этом главное внимание учению Карла Лампрехта о чередовании так называемых культурных эр(8). По мнению Видемана, эта "современная историческая наука" сформировалась на трех основах:

1) все усиливавшееся "естественно-научное воззрение", по которому человек является продуктом естественных условий жизни (natürliche Lebensbedingungen);

2) "материалистическо-атеистической точке зрения" позитивистского направления, отрицавшей правомерность оценки исторических явлений с позиций нравственности, поскольку человеческая воля не свободна;

3) так называемой "социал-демократической точке зрения", в которой Видеман видел "яростное сопротивление масс гению, отрицание нравственного и духовного величия индивида" (9).

В таком толковании Видеманом этой точки зрения проявляется, с одной стороны, в очередной раз широко распространенная в то время, шедшая от Трейчке, переоценка роли личности, как рычага истории. С другой стороны, этот упрек, подобно острой критике, высказанной в адрес материалистического взгляда на историю Экартом Кером, содержит "гротескную идентификацию социальной и социалистической истории" (10). Здесь Видеман, хотя он и вполне согласен с тем толкованием истории, которое в его время, а также позднее задавало в Германии тон, одновременно, как бы и расходится с ним, когда в своем резюме констатирует: "Продвижение истории вперед состоит в постоянном взаимодействии объективно существующего и личного, социально- и индивидуально-психического" (II). Его окончательное решение видеть в этом направлении "стимулирующее дополнение", вполне способное придать действительность своим взглядам, при всей существующей опасности односторонности и ложных выводов, особенно угрозы абсолютизации, выгодно отличается от толкования, принятого в Германии.

II

Как же практически (in practi) развивалась немецко-прибалтийская историография, находясь под воздействием двух названных направлений, которые сформировались вне "цеха немецко-

прибалтийских историографов"? Для ответа на такой вопрос можно, вне всякого сомнения, воспользоваться предложенным Брикнером делением исторической науки на:

- 1) историю исторической литературы;
- 2) историю метода исторического исследования (historischen Arbeitens);
- 3) историю объектов историографии, т.е. рассмотрение и оценку каждого труда как продукта условий своего времени;
- 4) исследование обстоятельств, которые обусловили изучение все новых сфер человеческого развития и возникновение таких разделов истории, как история искусства, права, литературы, хозяйства (12).

В целом это обширная рабочая программа, в рамках которой далее последуют лишь немногие, кратко изложенные суждения.

Немецко-прибалтийская историография XIX в. — это преимущественно история права. Под влиянием немецкого романтизма было выявлено то, что здесь, как вряд ли в какой-либо другой немецкой по характеру местности, вместе с сохранившимися силу правовыми нормами провинций до современности дошли также институты средневековья. Нараставшим стремлениям русификации руководящие слои прибалтийских немцев противопоставили защиту своих правовых позиций, благодаря чему немецко-прибалтийский взгляд на историю приобрел преимущественно охранительно-консервативный характер. Это развитие берет свое начало в многочисленных трудах Фридриха Георга Ф. Бунге по истории провинциального права, написанных в духе школы исторического права Савиньи и сыгравших решающую роль в том, что "прибалтийская историография ушла глубокими корнями в традиции документалистики" (13). Хотя с начавшимся здесь планомерным освоением документального материала была создана научная основа для изучения ливонского средневековья, остается, однако, очевидным, что в конечном счете все базировалось на политической потребности содействовать "укреплению правого положения". Это и был основной мотив немецко-прибалтийской историографии до работы Александра Ф. Тобина об аграрном законодательстве Ливонии (14).

Такое соединение немецко-прибалтийского взгляда на исто-

ризм с политической мыслью может при всей односторонности политических интересов все же рассматриваться и как часть общеевропейского историзма. Ибо и в отношении последнего было доказано, "насколько тесно распространение исторического видения связано с усилиями политических мыслителей защитить территориальные права и привилегии от притязаний централистско-просвещенного государства" (15).

Начиная с 60-х гг. против немецко-прибалтийских привилегий стала выступать не только петербургская бюрократия, но и "общественное мнение", особенно сильно выразившееся в московских газетах. Тем самым друг другу противостояли два национализма, что вскоре привело к большому конфликту из-за "Лифляндского ответа" Карла Ширрена в 1869 г. Хотя этот боевой памфлет "во многом способствовал унификации настроения" (16) и продолжительное время влиял на политические позиции прибалтийских немцев, тем не менее воздействие Ширрена на историографию обнаруживается в трех плоскостях:

1) проявив незаурядные данные стилиста, он решительно положил в основу своего толкования политические оценки и изобразил лифляндскую историю в виде борьбы за сохранение исторически установившегося (*historisch Gewordenen*);

2) в отличие от христианско-идеалистических взглядов Ранке, Ширрен считал, что в истории определяющими являются принципы власти и свободы, а человек находится в состоянии постоянной борьбы за эту свободу (17). При этом в его работе отчетливо выступают прибалтийско-партикуляристские штрихи, поскольку русское государство он рассматривал, как "власть", враждебную культуре, борющуюся против "свободы" провинциальной автономии (18);

3) в своих исторических исследованиях и особенно в преподавательской деятельности Ширрен подготовил заимствование историко-критических методов.

Это заимствование произошло после того, как в 60-х гг. ряд немецко-прибалтийских историков прошел школу Георга Вайтца в Гёттингене. После своего возвращения они установили самую прямую связь немецкой науки с остзейскими провинциями.

Это выразилось, как в том, что в сфере внимания немецких исследователей оказалась история Прибалтики, так и в совершенствовании уровня и метода научных изысканий.

Виттрам особенно выделил ряд учеников Вайтца, заслугу которых усматривал в "создании основ прибалтийского исследования истории" (19). Наряду с издателями источников Х. Хильдебрандом, Ф. Шварцем и К. Хельбаумом - это, прежде всего, Фридрих Бинеман ст. (1838-1903), Теодор Шиман (1847-1921), Оскар Штафенхаген (1850-1930), Леонид Арбузов ст. (1848-1912) и Рихард Хаусман (1842-1918). В работах Бинемана и Шимана по прибалтийской истории и в их публицистических дискуссиях отчетливо обнаруживается консервативная политическая программа Карла Ширрена. Значение Штафенхагена и Арбузова проявляется, наоборот, сильнее в небольших работах и особенно в публикациях источников. Наконец, Рихард Хаусман смог в своей долголетней преподавательской деятельности в Дерпте обеспечить преемственность созданной им школы, поскольку он обучал два поколения немецко-прибалтийских историков в духе критической методики.

Характерным для немецко-прибалтийской историографии было то, что она располагала не только одним центром - Дерптом, с его школой Хаусмана, а имела и другие центры в виде различных исторических обществ и, в частности, "Рижское общество истории и изучения древности" ("Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga"). Благодаря им можно было увеличить выпуск публикаций и проводить научно-организационные мероприятия. Здесь же выдвинулся ряд исследователей, работавших индивидуально (Einzelforscher): президент общества Георг Беркгольц (1817-1886), библиотекарь Рижской городской библиотеки (stadtbibliothekar) Николаус Буш (1864-1933), барон Герман ф. Бруинингк (1809-1927) - "самый значительный", по Виттраму, "исследователь истории провинции, из числа тех, кто произошел из привилегированных сословий остзейских провинций" (20) и, наконец, Александр Тэбин (1854-1929) - "основоположник прибалтийской аграрной истории" (21).

Особый характер немецко-прибалтийской историографии прида-

вало участие в ней публицистов Влиуса Эккардта (1836-1908), Вольдемара ф.Бока (1816-1903) и Эрнста Серафима (1862-1945), политическая ориентация которых вмещалась в рамки между либерализмом и консерватизмом. Провести в их работах грань между публицистикой и отвечающей научным требованиям историографией не всегда легко. Можно лишь утверждать, что стилистический блеск, присущий зачастую этим работам, оживлял историографию (22).

Внимание немецко-прибалтийской историографии вследствие правового положения немцев в провинциях и под влиянием школы Вайтца было долгое время сосредоточено на истории средних веков. Но постепенно в поле зрения исследователей оказались и другие периоды истории. К первоначальному центру - войне 1558-1562 гг. и распаду ливонской конфедерации добавился другой - Северная война и связанный с ней переход под власть России. Наряду с войной 1812 года к интенсификации исследований все более побуждало также внутреннее положение страны. В связи с резким расхождением по вопросу о том, как и в каком объеме должны проводиться реформы, в центр внимания выдвинулась дискуссия по аграрной проблеме. При этом расстановку совершенно новых акцентов в ускоренном развитии аграрной историографии определили не только Тобин, но и Аксель ф.Гернет (1865-1920) и Адольф Агте (1883-1943) с характерным для него отклонением от общего направления. Оценивая эту историографию, необходимо, с одной стороны, учитывать масштаб и значение ее научного обоснования, использованного, в конечном счете, для подкрепления политических доводов. С другой стороны, работы этих историков необходимо рассматривать в целом в духе идей Брэнкнера, т.е. как продукт значительно изменившихся условий, особенно в результате революции 1905-1906 гг.

III

Ряд названных аспектов отражен в немногих работах обобщающего характера по прибалтийской истории, созданных перед первой мировой войной. Первые из них - Александра ф.Рихтера (1803-1864) (23) и Отто ф.Рутенберга (1802-1864) (24) были изданы почти одновременно. Оставаясь и по своему методу и по взгляду на историю на донаучном уровне,

они сильно отличались друг от друга в оценках и отразили таким образом две возможности дальнейшего развития прибалтийской историографии. Рутенберг как представитель позднего просвещения стремился показать "ужасное положение в средневековье" (25) и тем самым пробудить сочувствие к "исключительно бедственному положению коренного населения" (26). "Гестокый, оставшийся навеки чуждым краем, орден, - писал он, - повседневно демонстрировал примеры крайней свирепости и безнравственности, тогда как развращенное духовенство, погрязшее в роскоши и лицемерии, не было в состоянии указать морально падшим слоям путь к нравственности и образованию" (27). Просветительские устремления Рутенберга были нацелены на то, чтобы путем раскрытия "подлинного состояния дел", указать, как сделать нормальными и отвечающими духу времени запутанные и пагубные условия существования крестьян" (28). Столь резкую критику Рутенбергом аграрных условий современности Рихтер, со своей стороны, упрекал за то, что в ней, "зараженной ложным просветительством и пустым филантропизмом XVIII в.", отсутствует понимание сути средневековья, что, в свою очередь, объясняется неспособностью "оценить его своеобразие" (29). Эта оценка средних веков, порожденная немецким романтизмом, обусловила то, что упор делался на немецком характере провинций. Об относительности признания, сделанного Рихтером в дарственной надписи (Widmungsadresse) царю, где он объявил себя сторонником "поступенчатого прогресса и органического развития", можно судить по заимствованному им у Ранке мотто: "Ибо значение будет иметь то, чтобы когда-то приобретенная основа культуры оставалась при смене эпох в целостности". Это и было основным девизом Рихтера. И именно его ведущий мотив, а не просветительское начало Рутенберга, взял верх в немецко-прибалтийской историографии XIX в.

Последующие работы общего плана появились лишь примерно через тридцать лет и могли опереться на многочисленные публикации источников и монографий. "Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии" Арбузова представлял собой, правда, только краткий обзор, в котором, как и в последующих, пере-

работанных и дополненных изданиях (30), основное внимание уделялось более древним временам. По оценке Виттрама, эти очерки стали в качестве справочного пособия "остовом прибалтийских знаний истории" (31). Первое изложение истории древней Ливонии (Altlivland), основанное на современном научном фундаменте, создал Теодор Шиман в своем обширном труде "Россия, Польша и Лифляндия до XVI в." (32). В начале этого исследования, охватывающего более широкие рамки, Шиман сравнивает основание Лифляндии немецким бургерством и дворянством с основанием греческих колоний в эпоху античности (33).

Эрнст Серафим, следуя провозглашенному им намерению создать в дополнение к научным трудам "популярное изложение" в качестве "домашней книги", написал в сотрудничестве со своим братом Аугустом Серафимом, ему принадлежит часть работы по Курляндии) двухтомную историю Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (34). Он опирался при этом в большей мере на работы и копии докладов Карла Ширрена, чем на источники, и преследовал, прежде всего, цель "изобразить в крупных чертах и четких характеристиках образцы и события древних времен (Voxzeit)", дать наглядное отображение немногих эпох (35). И эта работа также многократно переиздавалась (36). Однако (особенно в первом издании) она несла груз весьма значительных конкретных ошибок и стилистических погрешностей, что беспощадно отмечала критика, в то время, как громкая хвала воздавалась "теплоте, благотворным и патриотическим настроениям" (37). Другой рецензент (возможно Пауль Рорбах) поддерживает в непосредственном применении к своему времени неприкрыто империалистические черты основания колоний (38). В изданиях, вышедших в свет после 1905 г., национальные и антидемократические моменты усиливаются.

Нслецко-прибалтийский взгляд на историю оставался в XIX в. в основном "г. литической историографией". Для оценки ее ужесточения и откровенного нарастания агрессивности, последовавшие о за мерами русификации, вполне подходит мысль, высказанная Теодором Шидером в 1961 г.: "Политические события современности способны мобилизовать такие представления об

...истории, которые противоположны направлению, в каком сама история движется" (39).

Примечания

- 1 Речь идет о работе: Hartpole Lecky W.C. Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklärung in Europa. - Leipzig-Heidelberg, 1868. - 2 Bd. - О НЕМ СМ.: Gooch G.P. Geschichte und Geschichtsschreiber im 19. Jh. - Frankfurt/M., 1964, S. 387-391.
- 2 Brückner A. Zur Geschichte der Geschichte. - BM, 1869, Bd. 18, S. 326-362, 399-427.
- 3 Ibid., S.338.
- 4 Ibid., S.354.
- 5 Ibid., S.362.
- 6 Hausmann R. - ADB, 1910, Bd. 55, S.691.
- 7 Wiedemann G. Moderne Geschichtswissenschaft. - SB, Mitau, 1909/10, S.10-20.
- 8 К дискуссии по вопросу о Карле Лампректе см.: Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft. II. - Hrsg. von J. Streisand. Berlin, 1965, S.140 f.; Steinberg H.-J. Karl Lamprecht. - In: Deutsche Historiker. - Hrsg. von H.-U. Wehler. Göttingen, 1971, Bd. I, S. 58-68, а также Iggers G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971; ЕГО ЖЕ. Neue Geschichtswissenschaft. München, 1978.
- 9 Wiedemann, S. 17.
- 10 Kehr E. Neuere deutsche Geschichtsschreibung. - In: Der Primat der Innenpolitik. - Hrsg. von H.-U. Wehler. Berlin, 1970, S.259.
- 11 Wiedemann, S. 19.
- 12 Brückner, S. 400.
- 13 Wittram R. Die Universität Dorpat im 19. Jh. - ZfO, 1952, Bd. 1, S. 204.
- 14 Wittram R. Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung. - ZfO, 1971, Bd. 20, S. 612.
- 15 Iggers G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971, S. 15.
- 16 Wittram R. Methodologische ..., S. 633.
- 17 К вопросу об отношениях между властью и свободой см. речь

Ширрена в Киле 5 марта 1878 г.: Über Macchiavelli. - In: Charaktere und Menschheitsprobleme. Eine Sammlung öffentlicher Vorträge gehalten von Dr. Carl Schirren. Kiel, 1912, S.238-251.

18 Rachfahl F. Carl Schirren, eine Lebensskizze. - In: Zur Geschichte des Nordischen Krieges, Rezensionen von Carl Schirren, Kiel, 1913, S.45.

19 Wittram R. Leistungen und Wirkungen des baltischen Deutsch-tums. Bruchstücke einer Rechenschaft. I. Die baltische Ge-schichtsschreibung. - In: Jomsburg, 1940, IV, S.20; см. также Wittram R. Rückkehr ins Reich. Vorträge und Aufsätze aus den Jahren 1939/1940. Posen, 1942, S.145-172.

20 Wittram R. Methodologische ..., S. 627.

21 Wittram R. Leistungen ..., S. 30. О сохранении в силе этого обозначения см. Wittram R. Methodologische ..., S. 612.

22 Garleff M. Aspekte der deutsch-baltischen Geschichtsschreibung in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. - In: Journal of Baltic Studies, 1978, 9, S. 339-353.

23 Richter A. von: Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. Riga, 1857/58. II Teile, 5 Bd.

24 Rutenberg O. von. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergang ihrer Selbständigkeit. Leipzig, 1859/60. - 2 Bd.

25 Rutenberg. Bd. I, S. VIII.

26 Ibid., S. 423.

27 Ibid., S. 424.

28 Rutenberg. Bd. II, S. VI f.

29 Richter. Bd. 1, S. VI.

30 Mitau, 1889, 1890; Riga, 1908, 1918.

31 Wittram R. Leistungen, .., S.24.

32 Bd. 1, Berlin, 1886; Bd. 2, Berlin, 1887.

33 Bc. 2, S. 3.

34 Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der "Aufseglung" des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. Reval, 1895. - Bd. 1; Bd. 2, 1896.

35 Ibid., Bd. 1, S. VI f.

36 Geschichte von Livland / Allgem. Staatengesch. III.: Abt.:

- Deutsche Landesgeschichten. Hrsg. v. A. Tille. Gotha, 1906.
Bd. 7. - Balt. Gesch. im Grundriss. Reval, 1908.
37 Bienemann F. - HZ, 1896, 77, S. 523 f.
38 Preuss. Jahrb., 1896, 84, S. 347.
39 Schieder Th. Die Probleme des Geschichtsdenkens bei den europäischen Völkern. - In: Geschichtsbewusstsein in Ostmitteleuropa. Hrsg. v. E. Birke u. E. Lemberg. Marburg/Lahn, 1961, S. 15.

О. Ниелдре
ЛГУ им. П. Стучки (Рига)

ДВА ПОДХОДА ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ К АГРАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПРИБАЛТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В событиях буржуазно-демократических революций 1905-1907 гг. и 1917 г., Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 1917-1919 гг. активно участвовали широкие слои прибалтийского крестьянства. Основная масса безземельного сельского населения шла в тесном сотрудничестве с городским пролетариатом. Социалистическая революция ликвидировала дворянское землевладение и мизные хозяйства прибалтийских баронов. Даже временная победа контрреволюции в 1920 г. не сумела их восстановить. Это определило особые интересы историков всех направлений к изучению социально-экономического положения прибалтийского села в целях объяснения социально-экономических причин политических событий.

Представителей прибалтийско-немецкой историографии можно условно делить на две группы по их отношению к данному вопросу. Первую группу представляют последовательные апологеты, продолжатели старых традиций прибалтийско-немецкой историографии. Их основная цель - оправдать особое аграрно-правовое положение Прибалтики в Российской империи. Наиболее видный из апологетов - Александр Тобин, который, будучи в начале XX в. секретарем статистического бюро Лифляндской ландратской коллегии, в первом десятилетии XX в. издал две книги (I) и опубликовал ряд статей в журнале "Baltische Monatschrift" и других изданиях. Тобин яростно защищал официальную точку зрения прибалтийских баронов о более высоком уровне местного землевладения по сравнению с другими губерниями России. По мнению Тобина, привилегиями обладали собственники соответствующих участков земли, независимо от их сословной принадлежности. Сельскохозяйственных рабочих он подразделял на три

группы: постоянные рабочие, поденщики, арендаторы-рабочие. О последних Тобин пишет, что они в Лифляндской губернии распространены крайне редко (2).

Основное внимание апологеты последующих лет уделяли проблемам политической истории. После Тобина они не сумели создать обстоятельные работы с качественно новыми выводами по прибалтийской социально-экономической проблематике.

Во время первой мировой войны, особенно после оккупации Курляндской губернии в 1915 г., в Германии появляется масса литературы, задача которой обосновать необходимость присоединения Прибалтики к Германии. В данных работах почти отсутствует новый фактический материал, но зато имеется великое множество апологетических утверждений. Так, например, А. Энгельгардт в своем обширном труде "Немецкие прибалтийские провинции России", изданном в Мюнхене в 1916 г., утверждал, что жизненный уровень прибалтийских батраков в имениях гораздо выше, чем у соответствующих батраков в Германии. При этом он доказывал, что в Прибалтике при более низкой зарплате, ниже и так называемый жизненный стандарт (die Lebenshaltung). Для иллюстрации того, насколько положение курляндских батраков благоприятно, он ссылаясь на то, что 357 батраков в период с 1890 по 1913 гг. купили за свои сбережения крупные крестьянские хозяйства. Энгельгардт выступал против продажи безземельным небольших участков земли в казенных имениях. Он считал, что мизные батраки лучше работают, если за работу получают небольшой участок земли от имений (3).

Один из наиболее видных прибалтийско-немецких историков Рейнхард Виттрам считал, что после 1860 г. помощь немецких баронов в виде кредита дала крестьянам возможность приобрести свои усадьбы в собственность (4). По мнению Виттрама, только благодаря деятельности помещиков в начале XX в. в Эстляндской губернии значительно увеличилась доля проданной крестьянам земли (5). При этом Виттрам почему-то "забывает" о деятельности Крестьянского поземельного банка, "Лешательство" которого значительно ускорило запоздалый процесс продажи земли крестьянам в данной губернии.

Вторую группу прибалтийско-немецких историков, представителей которых иногда относят к сторонникам либерально-буржуазного направления, на наш взгляд, следует обозначать "реалистами". Они более реально оценивают истинное социально-экономическое положение крестьян в первых десятилетиях XX в. и оспаривают в этом отношении некоторые положения апологетов.

Основоположник этого направления Адольф Агте вступил в открытую полемику с Тобином (6). Отвечая на критику Тобина, Агте уделил специальное внимание положению мелких арендаторов мызной земли. По его мнению, труд батраков, который вознаграждался землей (Landknecht, Forstknecht), и исполщиков являлся остатком средневековья. Защищая эти формы, прибалтийские помещики тормозили хозяйственное развитие страны. Агте признает, что, не изменив существующих аграрных отношений, мызные хозяйства в Прибалтике без упомянутых форм не могли обойтись.

Б. Маркварт свою работу посвящает проблемам сельского хозяйства в Курляндской губернии (7). Он подробно анализирует внутреннюю структуру мызного хозяйства Курляндии в начале XX в., хорошо видит и показывает место и значение отработочной и натуральной аренды в общей структуре мызного хозяйства. Советский историк Т. Драудин отмечает, что Маркварт "ярко обрисовал картину кризисного состояния и хищнического ведения дворянского мызного хозяйства", которое накануне войны стало малорентабельным (8).

Социалистическая революция и потеря основной части своих земель вынудила помещиков более строго оценить прошедшее. В 1923 г. в Грейфсвальде была издана работа барона Хамилькара Фелькерзама об аграрном развитии Лифляндии и Курляндии и аграрной реформе в Латвии. Он признал, что освобождение крестьян без земли было существенной ошибкой. Сельскохозяйственные рабочие остались без земли и без каких-либо социальных прав. Если в XIX в. это не имело существенного значения, то в XX в. стало главным вопросом (9). В отношении исполщиков Фелькерзам считает, что данная система являлась нерациональной и тормозила хозяйственное развитие, но существующая система

хозяйства не могла бы обойтись и без нее (10).

Небезынтересный материал о немецкой колонизации в Курляндской губернии в период с 1908 по 1914 гг. опубликовал в 1938 г. Рудольф Шульц. Он привел множество фактов, свидетельствующих о жестокой эксплуатации помещиками колонистов, о продаже земли по ценам, превышавшим средние цены, установившихся в соответствующих волостях. Шульц неудачу колонизации объяснял алчностью помещиков (11).

В 1959 г. появилась работа Георга Германа Шлингензипена, посвященная анализу структуры прибалтийского рыцарства и проблемам прибалтийского мизного хозяйства. Автор установил, что накануне войны в Курляндской губернии 51,21 % частновладельческих имений являлись фидеикомиссными, в результате чего от 12 до 14 миллионов рублей, уплаченных крестьянами губернии, хранились в банке в качестве фидеикомиссного капитала и не могли быть использованы в хозяйствах имений (12). Шлингензипен считает, что для сельскохозяйственного производства прибалтийские мизные хозяйства были слишком обширными и их владельцам не хватало необходимых капиталов и трудовых ресурсов для ведения интенсивного хозяйства. В Эстляндской губернии положение в этом отношении было, по его мнению, несколько лучшим, чем в остальных (13).

Сохранение и даже распространение исполщины, которой не было в имениях Германии, Шлингензипен объясняет отсутствием капиталов у дворян (14). Как выражение определенных намерений дворян, он приводит материалы Тобина о распространении мелкой аренды и высказывание лифляндского ландмаршала барона Пилара фон Пилхау призывавшего использовать сельскохозяйственные земли имений для оплаты труда батраков и слугащих, а также отдавать их в аренду мелким арендаторам, которые платили бы больше. Шлингензипен с явным осуждением пишет, что такой образ ведения хозяйства требовал крайне мало денег, но делал мизное хозяйство примитивно-натуральным (15).

Следует отметить, что в политических оценках событий "реалисты" также оставались в целом на позициях апологетов, Однако в оценках экономического положения мизных хозяйств

данные авторы отходят от апологетических позиций, раскрывая экономическую слабость мизного хозяйства и усматривая в экономическом ослаблении дворянства причину падения их политического влияния.

Примечания

- 1 Тобин А.Э. Аграрный строй материковой части Лифляндской губернии. Рига, 1906; Тобин А.Э. Аграрное положение Лифляндской губернии в освещении г. Земцева. Рига, 1909.
- 2 Тобин А.Э. Аграрный строй материковой..., с.6. Более подробно о взглядах Тобина: Ниедре О. Дворянские и буржуазные историки о мизных и крестьянских хозяйствах в Латвии в период с начала XX века по 1917 год. - В кн.: Германия и Прибалтика, 1974, вып. 3, с. 53-57.
- 3 Engelhardt A. von. Die deutschen Ostseeprovinzen Russlands. Ihre politische und wirtschaftliche Entwicklung. München, 1916, S.128-129.
- 4 Wittram R. Livland. Schicksal und Erbe der baltischen Deutschen. Berlin, 1943, S. 54.
- 5 Wittram R. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland. 1180 - 1918. München, 1954, S. 166.
- 6 Agthe A. Zur Kritik des Herrn Tobien über "Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland". - Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, Tübingen, 1910, S. 396-407.
- 7 Marquart B. Die landwirtschaftlichen Verhältnisse Kurlands. Berlin, Teil I, 1916; Berlin, 1917, Teil II.
- 8 Драудин Т. Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917-1919 годах. Рига, 1959, с. 50.
- 9 Foelkersahm H. Die Entwicklung der Agrarverfassung Livlands und Kurlands und die Umwälzung der Agrarverhältnisse in der Republik Lettland. Greifswald, 1923, S.42.
- 10 Там же, с. 45.
- 11 Schulz R. Der deutsche Bauer im Baltikum. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte eines deutschen Bauernstandes im Baltikum. Berlin, 1938.
- 12 Schlingensiepen G.H. Der Strukturwandel des baltischen Adels in der Zeit vor dem Ersten Weltkrieg. Warburg-Lahn, 1959,

с. 79.

13 Там же, с. 81.

14 Там же, с. 83-84.

15 Там же, с. 339.

М.Духанов, И.Ронис
ЛГУ им.П.Стучки (Рига)

ПРИЗНАКИ НОВОГО В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКО- НЕМЕЦКОГО ДВОРЯНСТВА В ФРГ

Историография Прибалтики в Федеративной Республике Германии является частью остфоршунга, а вместе с ним и всей буржуазной историографии ФРГ. Поэтому и ее так или иначе должен был затронуть процесс эволюции, характерный для буржуазной исторической науки ФРГ в целом. Историки-марксисты уже не раз оценивали этот весьма неоднозначный по своему содержанию процесс(1). Не вдаваясь сейчас в детали, отметим, что происходившие до последнего времени перемены в основном состояли в отходе части историков (весьма не одинаковом по степени последовательности) от тгх называемого немецкого историзма и свойственной ему ориентации на "политическую историографию" и идиографический метод исследования.

В итоге за прошедшие примерно четверть века в ФРГ сформировалось несколько направлений буржуазной исторической науки. Каждое из них к эволюции, помимо прочего, побудила потребность в более основательной теоретико-методологической базе для конфронтации с марксистско-ленинской историографией. По силе их влияния на буржуазную историографию ФРГ особенно выделяются социально-структурное направление и неисторизм.

Представители последнего стремятся, по их же признанию, соединить два метода, которые ранее противопоставлялись друг другу - идиографический и номотетический, синтезировать индивидуализирующий и типологизирующий метод исследования(2). Этим и объясняется то неприкрытое почтение, с каким они, несмотря на некоторую модернизацию своего методологического оснащения, относятся к немецкому историзму.

Оценивая позиции историков старшего поколения - зачинателей неисторизма - Т.Шидера, К.-Д.Эрдмана, В.Конце (все они в 60-70-х гг. поочередно руководили Советом историков ФРГ), советский исследователь А.И.Данилов писал, что, признав необходимость обогащения исторических знаний данными и методами системных социальных наук, они одновременно требуют, чтобы была сохранена и даже укреплялась преимущество с традициями немецкого историзма(3). Следует этим традициям и часть

историков последующего поколения, в том числе и столь известные, как К. Хильдебранд, А. Хильгрубер и ряд других. Как правило, и они отрицают возможность превращения истории в социальную науку, способную раскрыть закономерности, и прилагают видеть в ней лишь науку об особенном и неповторимом (4). Не случайно поэтому в неисторизме все еще сильны элементы идиографического метода, хотя представители этого направления уже не считают повествование главной целью научного исследования и значительно больше внимания уделяют аналитической части и расширению проблематики за пределы "политической историографии".

Намного большая дистанция отделяет от немецкого историзма историков социально-структурного направления (5) (ведущим среди них можно, вероятно, считать Х.-У. Велера). Их работы также во многом задуманы в качестве альтернативы марксистскому толкованию истории. Х.-А. Винклер, например, прямо называет задачей "социальной исторической науки" ревизию теории К. Маркса (6). Вместе с тем в социально-структурном направлении отчетливее, чем в неисторизме, выражено намерение превратить буржуазную историографию посредством социологизации в "социальную историческую науку" (7). В центре исследований такого рода анализ деятельности разных слоев общества, экономического развития, форм политической власти, социально-культурных явлений (8).

На общем фоне эволюции буржуазной историографии ФРГ и даже в сравнении с неисторизмом изменения в остфоршунге куда менее заметны. Процесс обновления почти не коснулся "исследования Востока", позиции традиционалистов здесь не поколеблены, - к такому выводу приходят авторы статей, опубликованных в сдвоенном номере журнала "Остэйропа", специально посвященном подведению итогов развития остфоршунга за 70-е гг. (9). Между тем, и это тоже отмечено в ряде указанных статей, наследие, которому верны современные остфоршеры, крайне нуждается в большей научности (*Verwissenschaftlichung*) (10). Л. Мартини, в частности, полагает, что остфоршунг со времени Т. Шимана увяз в служении интересам практической повседневной политики (германского империализма - авт.) (11). Также и Ф. Кубарт, анализируя остфоршунг межвоенных и военных лет (до 1945 г.), считает, что на протяжении всего этого времени "исследователи Востока" занимались главным образом обоснованием притязаний Германии с помощью

идеи "германо-славянской покатоности и особой миссии немецкой культуры в отношении менее развитой цивилизации Востока" (I2). При этом, как специально оговаривает Кюбарт, остфоршеры в своем интересе к "изучению Востока" руководствовались не симпатиями к народам этого региона, а чувствами вражды и презрения к ним (I3).

В своем заключении о том, что элементы инновации почти не затронули остфоршунг, авторы статей "Остэйропа" не голословны. Они с уверенностью заявляют, что в работах "исследователей Востока" не обнаружили ни интереса к проблемам социальной истории, ни желанья обсуждать проблемы методологии, ни тем более чего-либо похожего на такое явление, каким была книга Ф. Фишера "Рывок к мировому господству" (I4). Признаки нового, утверждают они, просматриваются лишь в работах отдельных представителей остфоршунга. Весь же он в целом являет собой "скорее обычную картину" (I5) ярко выраженного консерватизма (I6).

Приверженность традиционной методологии способствует, как полагает Мартини, и сегодня бегству "исследователей Востока" в сферу особого, исключительного. Ориентируясь, как и раньше, на историю народности (Volkstumsgeschichte), они изучают в пределах интересующей их Восточной и Юго-Восточной Европы только историю немецкого населения - "свои истории" (Eigen-geschichte), оставляя вне поля зрения "чужую историю" (Fremd-geschichte), т.е. как раз то, что на деле составляет главное в прошлом этой части нашего континента.

К тому же применительно к Прибалтике рамки интереса остфоршеров к "немецеству" сужены еще сильнее - до немецких привилегированных сословий. Мартини это связывает с тем, что Прибалтика всегда была в остфоршунге сферой господства самих прибалтийских немцев (Domäne der Deutschbalten), которые определяли общую направленность и проблематику исследований и расставляли нужные им акценты.

На примере изучения истории Прибалтики особенно наглядно, сколь мучителен для остфоршунга и в наши дни процесс высвобождения от ориентации лишь на "свои истории". Авторам статей в "Остэйропа" такой подход не по душе, и не только по причине его очевидного несоответствия принципам научности. Не менее, что-

бы не сказать еще более, они обеспокоены недостаточной, на их взгляд, гибкостью тех, кто в ФРГ занимается историей Прибалтики и их неумением в силу этого извлечь из "науки" максимум политической пользы. Именно на это калуется Мартини, когда пишет, что даже "исследование современного национализма", которое, как он считает, "можно было бы осуществлять в отношении Прибалтийских стран с особой продуктивностью, до сих пор едва заметно" (17).

Итак, даже по оценкам авторов из "Остэяропа", которых никак не заподозришь в предвзятости к своим коллегам по "исследованию Востока", явления нового в остфоршунге и тем более в его прибалтийском "разделе" крайне незначительны. Поэтому даже отдельные ростки нового, когда они начинают пробиваться, заслуживают разговора, особенно, если это связано с развитием концепций.

Известно, что особенность истории Латвии и Эстонии на протяжении последних двухсот лет до Октября составлял своеобразный треугольник главных персонажей - трудящиеся массы латышей и эстонцев, немецкие привилегированные сословия (не смешивать с немецким населением прибалтийских губерний в целом) и царское самодержавие. Историки различных направлений по-разному освещают характер взаимоотношений между ними.

Прибалтийско-немецкая историография в течение уже более ста лет (со времен К.Ширрена) придерживалась концепции "культуркамф", одного из вариантов противопоставления Запада Востоку. На уровень решающих в ней подняты противоречия между немецкими и русскими "верхами". Утверждая, будто сохранение привилегий немецких сословий и прежде всего дворян гарантировало всему населению прибалтийских губерний сохранение основных культурных ценностей (в их широком понимании, подразумевая под этим все сферы, на которые распространялись привилегии - устройство власти и право, организация хозяйства и духовную культуру), прибалтийско-немецкие историки всю деятельность привилегированных сословий сводили к "борьбе за культуру". Путем столь несложных манипуляций сословная политика трансформировалась в политику, осуществляемую в интересах: всей земли (Landespolitik), а сами немецкие сословия пре-

вращались из защитников анахронизма в "борцов за культуру", а вместе с тем и в объект, достойный безудержной апологизации.

Научная несостоятельность апологетической концепции "культуркампф" глубоко раскрыта в марксистской литературе и в первую очередь в трудах Я.Зутиса (18). Советские ученые убедительно доказали, что при таком освещении вопроса стираются социально-экономические и политические основы деятельности обремененных привилегиями слоев и обусловленная ими неизменность стремления сохранить, опираясь на царское самодержавие, всю сумму своих прерогатив и прежде всего рычаги управления краем и владение землей. Тем самым и социальный антагонизм и национальные противоречия, т.е. подлинная суть истории Латвии и Эстонии тех времен, оказываются нераскрытыми.

В нашей литературе уже отмечались симптомы нового подхода отдельных историков ФРГ к прошлому привилегированных слоев Прибалтики. Указывалось, что в некоторых из работ история дворянства не рассматривается, как раньше, через призму противопоставления "Запад-Восток", а дворянство не изображается в качестве форпоста Запада (19). Думается, что сейчас, с появлением ряда новых публикаций можно говорить в отдельных случаях не только о симптомах, но и о признаках нового. Наиболее показательна в этом смысле монография доктора Герта Ф. Пистолькорса (Гёттингенский университет), председателя Прибалтийской исторической комиссии (Baltische Historische Kommission), изданная в 1978 г. (20)^{*}. Ее важнейшие заключения были вновь подтверждены Г.Пистолькорсом в 1982 г., в докладе, прочитанном в связи с "Немецко-прибалтийской неделей" ("Deutsch - Baltische Woche") в Дармштадте (21).

Выбор темы и хронологических рамок своей монографии, как и постановку проблемы, сам автор объясняет тем, что в процессе изучения источников у него возникли сомнения в обоснованности традиционной для прибалтийско-немецкой историографии концепции конфликта, в соответствии с которой в центр исследования выдвигались отношения привилегированных слоев с царской автократией и Россией. В результате содержание главного конфликта трактовалось односторонне, затухал его социальный аспект (с.8). Многие исторические ситуации, в том числе и положение в 40-х гг. XIX в., могут, с точки зрения Г.Пистолькорса, быть исследо-

^{*}В дальнейшем ссылки на монографию даны в тексте.

ваны лишь на основе учета всего комплекса противоречий и определения степени важности каждого из них. Сам Г.Пистолькорс ищет зерно основного конфликта в рыцарской политике реформ (Ritterschaftliche Reformpolitik). Об этом в общем и его книга.

Сомнительным представляется Г.Пистолькорсу и другой постулат традиционной концепции, утверждение, будто причиной застоя в проведении рыцарством реформ была деятельность "региональной русской бюрократии" (с. 9-10). По мнению Г.Пистолькорса, дворянство, начиная с аграрного законодательства 40-х гг. в Лифляндии, видело в политике реформ стратегию для преодоления возникших и предотвращения будущих кризисов (с.9). Поэтому он и рассматривает эту политику, как "исторический опыт" и образец для дворянства в его дальнейших попытках реформ, в том числе и в 1905 г., когда представилась возможность продолжить курс, лишь частично реализованный в 40-х гг. XIX в. (с.240). Отсюда и несколько неожиданный выбор временных рамок исследования.

Вопрос состоит, однако, в том, следовало ли рыцарство этой линии на практике и насколько последовательно? Существовала ли альтернатива последовавшему позднее распаду основной системы и бюрократизации государства или этот процесс был неотвратим? Навло ли рыцарство ответ на возникшие перед ним вопросы и сколь эффективным был он? Таковы вопросы, которые ставит перед собой исследователь, желая установить причины застоя в рыцарской политике реформ.

Как видим, уже при обосновании проблемы Г.Пистолькорс сделал серьезную заявку на пересмотр ряда важных компонентов апологетической концепции. Как же реализован этот замысел?

Автор по-новому для прибалтийско-немецкой историографии интерпретирует отношения в "верхах", не рассматривает их через призму противопоставления Запада Востоку. В книге отмечено стремление дворян к установлению федеративных отношений между империей и губерниями. Говорится в ней и об острых временах (особенно после 1885 г.) расхождения дворян с главным, как считает Г.Пистолькорс, врагом регионального самоуправления - местной администрацией. Но не ими, как подчеркивает он тут же, определялась в конечном счете судьба дворян. Ведь

при всех изменениях, происшедших с 1885 - 1905 г. в сфере школы, суда, полиции и т.д., коренная привилегия - на владение крупной земельной собственностью - осталась не затронутой (с.20, 25, 33).

Не менее важной представляется и другая сторона оценки автором сути расхождений в "верхах", его вывод о том, что оппозиция дворян никогда не направлялась против царизма в целом. Напротив, типичной для дворян была их подчеркнутая верность царю, расчеты на него, как гаранта порядка (с.39), и совместная с царизмом заинтересованность в этом (с.240). Нетрудно заключить, что все это никак не согласуется с привычной для концепции "культуркампа" схемой расстановки сил по меркам их принадлежности к "Западу" или "Востоку".

Не поддержана Г.Пистолькорсом и точка зрения апологетов, будто почин в осуществлении большинства реформ принадлежал дворянам и лишь начатая при Александре III русификация приостановила их реформаторскую деятельность. Автор констатирует, что политика реформ еще задолго до русификации не пользовалась поддержкой широких кругов немецких сословий. Не видит он "собственных стремлений к настоящей реформе" уже в политике дворян в 40-х гг. XIX в. Тогда, как полагает автор, они были просто вынуждены согласиться с изменениями под влиянием двух кризисов (экономического и политического) и в силу давления двоякого рода - со стороны государства и крестьян (с. 240, 269). Волнения последних лишили огромное большинство сословия веры в возможность сохранить статус-кво и заставили ухватиться за реформы в надежде "преодолеть угрожавшие господству конфликты и политически выжить". Принятию такого решения безусловно способствовало и требование царя добиться успокоения крестьян путем изменения Положения 1819 г. (с.81, 69, 110) (22). Следуя "высочайшему повелению", дворяне рассчитывали, помимо прочего, посредством осторожных реформ успокоить правительство и предотвратить его вмешательство (с.76).

Но даже приступив к реформам (ландтаг 1842 г.), они твердо держались правила не выходить за пределы, начертанные властью, ничего не предпринимать сверх этого, осуществлять только то, что стало неотвратимым, ограничиваться частными мерами (с.98-99, 176) и при первой возможности отказываться и от мелких усту-

пок (с.98-99, III). Едва лишь давление "сверху" ослабевало, как тут же возрастало их сопротивление реализации уже намеченных мер и начиналось движение вспять. "История реформы (1860 г. - авт.), - пишет Г.Пистолькорс, - показывает, с какими трудностями они решились на нее. 18-ти лет едва хватило, чтобы выйти из стадии обсуждения" (с.84).

Объективнее, чем апологеты, оценивает Г.Пистолькорс и Х.Фелькерзама - родоначальника так называемого "остзейского либерализма". Истоки его готовности к реформе автор видит в желании укрепить господство привилегированных сословий (с.89, 241). Этому должно было служить и задуманное Фелькерзамом образование "крестьянской аристократии" как силы, стабилизирующей существовавший порядок (с.91, 29). При этом и Фелькерзам не выходил за пределы требуемого Петербургом. Да и то, что он предпринимал по настоянию "сверху", делалось не спеша, как например, в истории отмены барщины (с.92). И наконец, как подтверждает Г.Пистолькорс, Фелькерзам не допускал и мысли о том, чтобы ограничить привилегии помещиков в во внеэкономической сфере (с.111, 241).

Как видим, оценка Г.Пистолькорсом политики дворянства по вопросу о реформах во многом близка точке зрения, изложенной в некоторых работах советских историков. Не вызывает, на наш взгляд, существенных возражений и скатая характеристика дворянской политики реформ за время от 60-х гг. XIX в. до 1905 г., т.е. в период, который в данной монографии специально не исследован.

В 60-х гг. дворянство, считает Г.Пистолькорс, вообще намеревалось обойтись без реформ, так как рассчитывало на поддержку Александра II и определенной части столичных "верхов" (с.114). Его паролем стал клич, брошенный Ширреном, "выдержать до конца" и "твердо стоять на своем" (с.114, 25). Опираясь в борьбе за полную сохранность своих привилегий на историческое право, дворяне все более отклонялись от реальности (с.111-112), и в результате еще тогда, т.е. в 60-х гг., их политика реформы пришла в состояние полного застоя.

Г.Пистолькорс не согласен с теми, кто видит в политике дворян пример тому, как "без внутреннего перелома реализовать либеральные реформы на консервативной основе" (с.112). В Прибалтике, пишет он, переход к реформам протекал совсем не гладко и в подтверждение напоминает об обманутых надеждах крестьян, о

Махтре и новых волнениях в 60-х гг. (с. II2-II3), о запоздавших реформах (волостной - 1866 г. и церковных приходов - 1870 г.) и о неспособности ослабить "национальное движение" (с. 241).

Центральное место в книге занимает отношение дворянства к реформам в 1905 г. Поэтому особенно важно установить, как отмеченные ранее признаки нового отражены при освещении этого, главного для автора, этапа. Приступая к соответствующему анализу, мы учитываем оговорку Г. Пистолькорса о том, что предмет его исследования - не изучение эпохи и даже не "революционный кризис 1905 г.", а рыцарская политика реформ (с. 12-13). Исходной для ее понимания Г. Пистолькорс считает постановку вопроса в докладе лифляндского рыцарства от 24 ноября 1905 г., суть которой состоит в утверждении, будто рыцарскую политику реформ, отвечающую интересам всего населения Прибалтийского края, преврала правительственная политика унификации (с. 16-17).

Большое внимание в связи с этим уделено в книге отношениям прибалтийского дворянства с царизмом и местной бюрократией. Автор не раз подкрепляет документами известное положение о преданности дворян царизму. В книге упомянута высокая оценка Николаем II лояльности остзейцев, как наиболее преданной ему группы населения (23). Последовательно проводится мысль, что прибалтийское дворянство рассчитывало в 1905 г. только на "военно-полицейские репрессии". В отдельном параграфе с достаточной подробностью раскрыты стремления дворян немедленно добиться насильственного, бескомпромиссного решения, используя военно-полицейские силы царской империи (24). Г. Пистолькорс не противопоставляет царя бюрократии, как это свойственно апологетической историографии. Не абсолютизированы им и расхождения между дворянством и бюрократией. В книге рассмотрены как те меры администрации, которые дворяне всецело поддерживали, так и те, что вызывали их отпор. Критикуя политику унификации, т. е. отдельные и не главнейшие аспекты прибалтийской политики правительства, дворянство преследовало цель восстановить в наиболее полном виде олигархическую по своей сути автономию края, но при этом оно не отступало ни на пядь от позиций лояльных подданных, ибо прекрасно понимало, насколько судьба привилегий зависит от самодержавия, как и то, что местная бюрократия призвана в конечном счете их охранять.

С наибольшей конкретностью рассмотрен Г.Пистолькорсом вопрос о взаимоотношениях дворян и бюрократии в год 1905-я, когда остзейцы открыто возмущались слабостью и безинициативностью местной администрации в деле "восстановления покоя и порядка" (с.132). Даже генерал-губернатор Сологуб был, по их мнению, "не на месте". Его критиковали за колебания и излишнее "кокетство" с "националами" (с.249) (25). Настроения такого рода выявились уже в ходе конференции, созванной местной администрацией 3 марта в Риге с целью изыскания решительных средств для борьбы с революционным движением. Высказанное губернатором Пашковым мнение о преждевременности военных мер вызвало резкий отпор со стороны дворян. Местную администрацию, особенно комиссаров по делам крестьян, которые сочли часть забастовок сельскохозяйственных рабочих не беспричинными, дворяне заклеили, как пособников бастующих (с.134). Упорно подчеркивалось, что революционный кризис обусловлен не социальными, а идеологическими и политическими причинами (с.135) (26). В этих условиях дворяне, как считает автор, применяли в отношении правительства двойную тактику: они поддерживали все, что делалось для подавления волнений и "восстановления авторитета государства" и в то же время критиковали предпринимавшиеся полицейские акции за их недостаточность.

Дворянство рассчитывало использовать обнаружившуюся в ходе революционных событий в Прибалтике слабость российской бюрократии для полного восстановления сословной автономии. В разговоре с председателем Совета министров С.Витте ландмаршал Лифляндии Ф.Мейендорф подчеркнул, что, получив свободу действий, "мы справимся с достигшим высокого подъема движением латышей и эстонцев, являющимся детской болезнью" (с.217). Дворяне и на самом деле делали все, чтобы безпромедления подавить движение масс. Внеочередной дворянский конвент (6-7 марта) призвал к созданию "самообороны" и выделил для этой цели "нелимитированный кредит" (с.137). Однако, несмотря на "аффект солидарности", проявленный всеми слоями немецкого привилегированного населения при формировании "зельбштутца" (с. 168), собственных сил было недостаточно. Требовались царские штыки (с.155-156). Этим и объяснялось своеобразие тактики дворян в отношении местной администрации. Видя в ней конкурента (с.135) и стремясь к максимально возможной полноте власти в крае, дворяне под влиянием ударов революции были

вынуждены ограничить свои притязания и пойти на известные уступки централистским настроениям. Абсолютная неуступчивость проявлялась ими лишь к силам революции, а также, как считает Г.Пистолькорс, к национальной буржуазии.

В уклонении руководителей дворян в 1905 г. от реформ Г.Пистолькорс видит непреложное доказательство неспособности и нежелания сословия достичь соглашения хотя бы с буржуазной частью латышского и эстонского населения. Автор книги расходится с утверждением историков-апологетов, будто в политике дворян сосуществовали две тенденции - репрессии против революционеров и реформы для преданных государству подданных (27). Он оспаривает и мнение Р.Виттрама о сделанных, якобы, дворянами дальновидных шагах в направлении политического сотрудничества (с.156). В книге последовательно, со ссылками на свидетельства самих остзейцев, показано, что на первое место перед реформами руководители дворян и по времени и по существу ставили разгром революции и "восстановление спокойствия и порядка" (с.155).

Вся политика дворян основывалась на стремлении сохранить руководящее положение в Прибалтике (с.162). Эта мысль проходит красной нитью через каждое из решений чрезвычайного лифляндского ландтага, созванного в июле 1905 г. (с.213). Для Г.Пистолькорса - это политика регрессивная, возврат к старой линии, прерванной Александром III.

Рассматривая рыцарскую политику реформ в совокупности с проблемой взаимоотношений дворян и крестьян, Г.Пистолькорс пишет о социальных противоречиях между ними, что обычно в большей или меньшей мере отрицалось в апологетической историографии. В книге указаны противоречия экономического плана и названы конкретные причины недовольства крестьян, вылившегося наружу в 1905 г. (с.162).

Г.Пистолькорс отступает от ряда взглядов апологетов и при разборе национальных отношений. Назовем здесь признание им несостоятельности тезиса о существовавших, будто бы в начале XX в. единных, охватывавших весь латышский и эстонский народы национальных движений и равном участии всех латышей и эстонцев в революции, независимо от социальных различий. Неприемлемыми он считает и заверения апологетов, будто латышские крестьяне-дворохозяева были в революции "жертвой манипуляций национали-

стических интеллектуалов", а взаимоотношения дворян с хозяевами ухудшились лишь под влиянием правительственной политики унификации и буржуазного национального движения (с. 161-162).

Решающим в национальной, равно как и в аграрной, политике дворян, было, по мнению Г. Пистолькорса, стремление сохранить свое привилегированное положение. Отсюда и антилатышская и антиэстонская направленность их деятельности. А это, в свою очередь, определило то, что главная линия национальной конфронтации в Прибалтике пролегла между немецкими привилегированными сословиями и латышским и эстонским населением. За отрицание столь очевидного факта Г. Пистолькорс критикует Р. Виттрама и Г. Крёгера. Немногие попытки начать переговоры с "умеренными политиками" из числа латышей и эстонцев терпели крах из-за недоверия дворян к национальному движению в целом (с. 245).

Автор книги глубоко сожалеет по поводу такого исхода. Он осуждает близорукость сословия, считая, что его будущее не имело перспектив без согласия с умеренной (точнее: готовой пойти на стовор с остзейцами против революции. - авт.) частью латышей и эстонцев.

Причины такой близорукости Г. Пистолькорс объясняет нацеленностью дворян на "орьбу с централизацией". "Но, - продолжает он, - в итоге никто не был готов учесть аргументированные требования латышей и эстонцев" (с. 242). "Сословный образ мышления" стал камнем преткновения для дворян, так и не сумевшим найти отклик в тех кругах, где он был возможен (с. 255) (28). Добавим от себя, что в свете названных выводов особенно халкими выглядят потуги тогдашних лидеров национальной буржуазии найти общий язык с остзейцами (29).

Рыцарская политика реформ, как средство выхода из кризиса, предусматривала одновременно с приспособлением к внешнему миру консолидацию внутренних сил (с. III). И в этой постановке вопроса Г. Пистолькорс также отличается от историков-апологетов, которые, осознав невозможность восхваления всего сословия в целом, стали искать выход в апологизации хотя бы части дворян. Для этого ими используется то, что с 40-х гг. среди остзейцев существовали две группировки, называвшие себя консерваторами и либералами. Утверждая, будто расхождения между ними нередко

становились "значительными" (30), апологеты приписывали либералам понимание задач эпохи и желание идти в ногу со временем.

Марксистская историография не отрицает возможности существования внутриклассовых противоречий и допускает, что они могут быть серьезными. Не вызывает сомнений и то, что отдельные представители немецких привилегированных сословий, а иногда и целые группы (например, просветители конца XVIII-начала XIX в.) играли на определенных этапах истории Латвии и Эстонии весьма прогрессивную роль. Однако, если речь идет об исследовании характера и сущности политики остзейских дворян, решающими являются цели и действия тех, кто эту политику проводил.

В трудах многих советских историков доказывается, что с середины XIX в. среди дворян прибалтийских губерний полностью преобладали консервативные силы. Что же касается остзейского либерализма, то уже Я.Зутис показал, в какой мере деятельность тех, кто назывался либералами, не адекватна принятому в науке, пусть и неоднозначному, содержанию этого термина (31). Даже в 60-х гг., которые историки-апологеты величают как эру реформ, прибалтийское дворянство, руководимое тогда главным образом либералами, ни разу так и ни попыталось решить какую-нибудь из существенных проблем края в духе либерализма и никогда не выступало в роли либеральной оппозиции по отношению к царизму (32).

Книга Г.Пистолькорса по-новому для прибалтийско-немецкой историографии оценивает и сам дворянский либерализм. Как отмечается в ее резюмирующих разделах, деление на либералов и консерваторов скорее затуманивает, чем разъясняет характер расхождений внутри немецких "верхов" в 1840-1881 гг. (с.109, 260). Г.Пистолькорс считает, что и в 40-х гг. XIX в., в период так называемого аграрного либерализма Фелькерзама, расхождения между сторонниками статус-кво и поборниками нового крестьянского положения носили лишь тактический характер и являлись не более, чем оттенками единой политики, обусловленной страхом перед крайней напряженностью обстановки и поиском путей для защиты своих правовых позиций (с.87, 89-90) (33). Правда, как полагает Г.Пистолькорс, в 60-70-х гг. и среди дворян имелась оппозиция консервативным силам (34). Но в страхе перед латышским и эстонским национальным движением, а также, учитывая нарастающие угрозы в связи

с начатой тогда унификацией, либеральная оппозиция вскоре при-
тихла (с.24). Эти же обстоятельства побудили остальные немец-
кие сословия сплотиться вокруг дворян, теперь уже полностью на
базе консерватизма. "Размируя, - пишет Г.Пистолькорс, - сле-
дует констатировать, что с начала государственных реформ
(60-е гг. - авт.) в немецких верхах возобладала ориентирован-
ная на сословные привилегии консервативная оборонительная плат-
форма, которая почти не допускала существования отличавшихся
от нее настроений и взглядов" (с.24-25).

Остается еще один важный вопрос - как характеризовать ры-
царскую политику реформ? Можно ли ее назвать либеральной?
Г.Пистолькорс, придавая этому вопросу особое значение, дает на
него совершенно недвусмысленный ответ: с точки зрения обосно-
вания политики реформ и ее итогов было бы ошибочным называть
эту политику либеральной (с.109). И в конце книги еще раз: "До
политики реформ, заслуживавшей наименования либеральной, в
прибалтийских губерниях дело не дошло" (с.241).

Дворянство, полагает Г.Пистолькорс, имело дважды (в 40-х гг.
XIX в. и в 1905 г.) возможность приступить к реформам, но не ис-
пользовало их, поскольку предложенные им меры были направлены
только на стабилизацию сословной системы (35).

Г.Пистолькорс называет эту политику иллиберальной (нелибе-
ральной) и, что особенно важно, дает эту оценку отношению дво-
рян к реформам, т.е. именно к той области их действий, которая
с особым усердием превозносилась апологетами, как свидетельство
добротного отношения остзейцев к латышам и эстонцам. К тому же
распространение им терминов "иллиберальный" на большой отрезок
времени позволяет думать, что с точки зрения Г.Пистолькорса
отсутствие либеральных тенденций в среде привилегированных со-
словий или их крайне слабое выражение - было явлением не крат-
ковременным и не случайным.

Подведем некоторые итоги. Уже выбором темы своего исследо-
вания Г.Пистолькорс показал, что он не ищет легких путей в нау-
ке. Следуя этому принципу, он и в изложении материала старается
не сходить с магистральных путей истории на обочину или идти
давно проторенной дорожкой. Книга строится по проблемному прин-
ципу и охватывает многие из важных аспектов политики дворян,

осуществлявшихся в крайне сложные годы их прошлого - отношение к государственной власти (царизму, высшей бюрократии, местной администрации), другим классам и сословиям, национальному движению. В своей главной части книга сообщает читателю много интересных сведений и выводов о позиции дворян по вопросу о буржуазных реформах (соотношение экономических и политических мотивов, влиявших на их подход к реформам, роль давления "сверху" и "снизу" и т.д.).

Автор использовал достаточно широкий круг источников. Среди них выявленные в архивах ФРГ документы германского консула в Риге В. Онезайта, донесения "доверенных лиц", избранных на Чрезвычайном ландтаге Лифляндии (июль 1905 г.) из сельских округов губернии или назначенных руководящими органами дворянского самоуправления, и некоторые другие. Существенное место занимают копии документов Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР (материалы лифляндского ландтага, дневник ландмаршала Мейендорфа), снятые в годы фашистской оккупации и хранящиеся ныне в государственном архиве земли Гессен, в Марбурге. Основательнее других документирована та часть книги, где автор исследует рыцарскую политику реформ в 1905 г.

Можно назвать еще ряд положительных свойств монографии Г. Пистолькорса. Но мы еще раз скажем о главном из них - концептуальном содержании книги, ибо именно в этом плане итоги исследования Г. Пистолькорса необычны для прибалтийско-немецкой историографии. Ряд важных идей, суждений и оценок, выдвинутых автором взамен научно несостоятельных основ концепции "культуркампф", позволяет считать его книгу очевидным признаком отхода отдельных историков ФРГ от традиционного толкования прошлого остзейских дворян. Своей оценкой мотивов, целей, сущности и практических итогов рыцарской политики реформ Г. Пистолькорс близок к тому, чтобы дать наиболее привилегированному сословию прибалтийских губерний неапологетическую оценку.

И все же не все, о чем сказано в книге, может быть безоговорочно принято. Есть в ней и недостатки, коренящиеся, по нашему мнению, прежде всего в том, что объект исследования - рыцарская политика реформ - анализируется Г. Пистолькорсом вне достаточной связи с эпохой.

Предлагая такое объяснение, мы отнюдь не оспариваем права автора на сделанную им оговорку о том, что в книге не ставилась задача исследовать эпоху. Это, и на наш взгляд, не было необходимым. Обязательно, однако, при изучении поставленной проблемы не терять из виду характер, особенности и основные тенденции развития эпохи, как и задачи, стоявшие в то время центральное место в повестке дня. Пренебрежение исследователя этим правилом историзма не остается бесследным, что и сказалось в определенной степени на книге Г.Пистолькорса и, к сожалению, даже при разборе вопросов, которые он сам отнес к числу существенных.

Вспомним, какое значение уже при постановке проблемы автор придал исследованию разных групп противоречий в истории Прибалтики и определению степени важности каждого из них. Однако, хотя автор не согласен с оценкой апологетами "немецко-русского конфликта" как решающего противоречия, он и сам в отдельных случаях не избежал такого акцента. Это выражено, например, в преувеличении им роли русификации в политике царизма (особенно в отношении 40-х гг. XIX в.), о чем свидетельствует и название книги ("Рыцарская политика реформ между русификацией и революцией"), более чем непонятное, ибо содержание и направленность ее в целом совсем не таковы и было бы точнее вместо "русификации" подчеркнуть фактор "государственного давления" (staatlicher Druck) (36).

Но суть нашего возражения относительно трактовки Г.Пистолькорсом противоречий в "верхах" даже не в этом. Главное, с чем нельзя согласиться, это неполнота ответа на вопрос, какова объективная основа противоречий между немецкими и русскими "верхами", и чем соответственно вызвана напуганность остзейских дворян давлением "сверху". Ответить на этот вопрос нельзя без учета важнейшей особенности изучаемого периода, а именно начавшегося в царской России в середине XIX в. перехода от феодального к буржуазному обществу. Между тем автор при освещении событий 40-х гг. XIX в. даже не рассматривает взаимоотношения в "верхах" сквозь призму созревшей смены социально-экономических формаций. Возможно, что частично это явилось следствием его намерения не подвергать специальному анализу 60-е гг., чрезвычайно важные для понимания поставленных в книге проблем. Ведь

история 60-х гг. - десятилетия буржуазных реформ в России и в прибалтийских губерниях - содержит все необходимые доказательства для заключения о том, что напуганность остзейцев мерами "государственного давления", при всей их узости, объективно выражала оппозицию первому шагу царской империи от крепостнического самодержавия к буржуазной монархии. Рассмотрение 60-х гг. показало бы, что остзейские дворяне вместе с большой частью русских помещиков и всеми консервативно настроенными "верхами" царской России критиковали правительство "справа" за "преждевременность" и "излишества" в реализации буржуазных реформ.

Недостаточное внимание Г.Пистолькорса к характеру эпохи оборачивается еще более серьезными издержками при анализе главного для него этапа - революции 1905 г. Начнем с того, что в книге опутима склонность автора рассматривать революцию, как сумму различных кризисов. В ней названы революционный кризис вообще, кризис власти (с.112), социально-структурный кризис (с.243), кризис, вызванный русско-японской войной (с.168), и т.д. без указания на то, какие основные задачи предстояло решать революции. Ничего не сказано поэтому и о том, что именно незавершенность буржуазно-демократических преобразований в царской империи обусловила размежевание ее социальных сил на три политических лагеря и определила линию каждого из них: бешеное противодействие реакционного или черносотенного лагеря (помещики и бюрократия) этим преобразованиям, колебания либерально-монархического лагеря (буржуазия), нуждавшегося в реформах, но опасавшегося, что они могут быть использованы силами демократии и особенно пролетариатом, страстную заинтересованность демократического лагеря (мелкобуржуазная демократия и пролетарская демократия) в решении задач революции.

Не приняв во внимание общую объективную основу, из которой произрастало различие платформ всех трех лагерей, Г.Пистолькорс не смог дать и дифференцированной картины противоречий между различными силами общества. В книге нередко сливаются воедино интересы либерального и революционно-демократического лагерей, что типично для современной либеральной историографии, пытающейся изобразить либеральную буржуазию в роли защитницы всего народа. Не менее ошибочна также прослеживаемая местами склонность расставить применительно к прибалтийским губерниям

знаки равенства между тремя группами, несравнимых по остроте противоречий: внутри самого реакционного лагеря (дворяне - бюрократия), между дворянами и национальной буржуазией и даже между дворянами и демократическим лагерем.

Не до конца верной оказалась и трактовка противоречий в "верхах". В ней, правда, подчеркнуты опасения дворян перед тем, что уstraшенное революцией правительство может сделать шаг навстречу буржуазно-национальным и конституционным течениям. Но автор не делает последующего вывода о том, что третьейиндская система стала вторым шагом на пути России к буржуазной монархии, а прибалтийские дворяне вновь оказались на крайне правом фланге вместе с теми, кто с крайней враждебностью реагировал на самые ограниченные попытки царизма приспособить полуфеодальный политический строй к реалиям буржуазного развития страны.

Г.Пистолькорс и сам приводит некоторые свидетельства такой позиции. Он говорит, например, об отрицательном отношении остзейцев к Государственной думе, но не дает этому исчерпывающего объяснения, ибо ищет его корни в узколокальных интересах, в стремлении не допустить изменений в местном самоуправлении, в оппозиции к унификации и особенно в страхе перед земствами (с.160) и не замечает намного более широкой основы этой оппозиции - общей враждебности дворян к буржуазной эволюции политического строя всей страны в целом, сколь мелкими шажками она бы ни происходила.

Думается, что отмечаемое нами несогласие с освещением в книге отдельных аспектов деятельности рыцарства на этапе революции связано еще и с тем, что автор, по необъясненным им причинам, ограничил изложение материала 1905 годом (лишь однажды в начале книги упомянут кризис 1905-1907 гг. - с.10). Такое самоограничение привело к искусственному расчленению хода событий и всей сюжетной канвы. Возможно, что Г.Пистолькорс и сам осознал возникшие при этом трудности, так как в заключительной части книги он не только подвел итоги рыцарской политики реформ до 1905 г., но и вышел за пределы исследованного периода, коснувшись 1906-1907 гг.

К вопросу о хронологических рамках хотелось бы добавить еще одно соображение. Г.Пистолькорс избрал для своего исследования два оторванных по времени периода, связанных проблемой

отношения дворян к реформам - 40-е гг. XIX в. и 1905 г. Такой выбор в принципе правомерен. При одном только обязательном условии, что в исследовании будут строго учтены различия между этими периодами. Хотелось бы в связи с этим вспомнить о суждении, высказанном Г.Пистолькорсом ранее, хотя и по другому поводу. Тогда он, порицая некритическое перенесение на современность оценок деятельности и взглядов прибалтийских дворян в прежние времена, указывал на изменяемость исторических явлений, а в связи с этим и на то, что такие понятия, как "бюрократия" или "автономия" непостоянны (37).

Этот же принцип должен быть соблюден и при исследовании середины XIX и начала XX в., периодов, весьма отличных друг от друга, поскольку в промежуток между ними произошли кардинальные социально-экономические и политические перемены. Непоследовательность в соблюдении этого принципа привела автора к определенному упрощению исторического процесса, к стиранию своеобразия каждого из рассмотренных периодов и нивелировке явлений. Только на такой основе и могло, как нам кажется, возникнуть суждение Г.Пистолькорса о 1905 г., как второй большой кризисной ситуации, пережитой дворянством после 1840 г. (с.10), с которым никак нельзя согласиться. Ведь в одном случае речь идет о буржуазно-демократической революции, в другом - об очередной, пусть даже более яркой, чем обычно, вспышке кризиса феодализма, т.е. явлениях разных, и по характеру, и по масштабности, и по последствиям. Думается также, что острота событий 40-х гг. в книге вообще несколько преувеличена. Автор не всегда критически подходит к свидетельствам панического настроения отдельных современников (38) и в результате излишне драматизирует положение прибалтийских дворян в целом.

Сделав бесспорный шаг в преодолении апологетической концепции, Г.Пистолькорс не сказал, однако, какой ему в итоге изучения политики дворян по вопросу о реформах видится роль и место этого сословия в исторических судьбах Латвии и Эстонии. Как квалифицировать дворян, если отбросить вымысел о "борцах за культуру"? Отказавшись от наиболее объективного мерила оценки любой социальной группы по ее отношению к кардинальным проблемам своего времени, автор не установил и то место, которое на крайне правом фланге, соответственно их устремлениям, всегда

занимали остзейские дворяне в расстановке общественных сил прибалтийских губерний.

Г. Пистолькорс оценивает политику дворян с точки зрения "стратегии редукации кризиса" (с. 154-155), по способности их руководителей найти выход при помощи либерально-реформистских средств и политических соглашений, основанных на частных уступках. Мерилом оценки для него является, стало быть, степень либерализма. Не случайно поэтому, что именно недостаточность либерализма или, как сказано в книге, иллиберализм - Г. Пистолькорс считал решающей причиной неудач рыцарской политики реформ и последовавшего затем краха.

Не вступая здесь в развернутую дискуссию о неприемлемости критерия "либеральный" или "иллиберальный", укажем лишь на то, что вызывает наибольшие сомнения. Такое противопоставление не соответствует прежде всего фактической расстановке социально-политических сил в Прибалтике и в царской империи в целом. Совокупность "иллибералов", охватывающая всех, кроме "либерально мыслящих", оказывается на деле конгломератом самых различных сил, занимавших в реальной жизни отнюдь не одинаковые и даже совершенно противоположные позиции.

Приходится возразить и против применения к остзейцам 40-х гг. XIX в. и 1905 г. одного и того же, весьма зависимого от обстоятельств места и времени, критерия оценки - степень либерализма. На наш взгляд, это еще раз подтверждает, что автор недостаточно учитывает своеобразие каждого из двух исследованных им периодов. Ибо то, что могло считаться либеральным (не только в отношении остзейцев) в первый из рассмотренных периодов, могло быть сочтено "иллиберальным" во втором. Поэтому вряд ли имеет какой-либо смысл поиск Г. Пистолькорсом пропорций рационального, спекулятивного, иррационального в платформе Мейендорфа в 1905 г. Ведь то, в чем Г. Пистолькорс видит рациональное (намерение ландмаршала следовать образцу реформы церковных приходов 1870 г.), фактически уже во второй половине XIX в., по его же признанию, было безуспешным, а еще позднее, в 1905 г. стало историческим анахронизмом, лишенным всякого смысла и перспективы.

Неясным при рассмотрении вопроса о критерии показалось, наконец, и то, что Г. Пистолькорс, отказавшись считать либеральной

политику остзейских "реформаторов", осуществляющуюся под двойным давлением и только в приемлемых для них узких рамках, не объяснил, почему ее следует называть "илиберальной", а не консервативной. Ведь готовность дворян к мелким реформам вполне совместима с приверженностью к консерватизму. История знает немало примеров, когда при определенных исторических условиях и консервативно настроенные силы оказывались вынужденными вступить на путь реформ. Именно такие условия сложились в Прибалтике в период возникновения и укрепления капиталистической системы. Они-то и заставили дворян, хотя и не по доброй воле, согласиться с необходимостью определенных изменений, дабы, во-первых, обратить себе на пользу те элементы нового, которые стали неотвратимыми, и, во-вторых, в расчете на то, чтобы, перехватив инициативу, удержать максимум старого и не дать процессу изменений зайти слишком далеко. Цель консерватизма в подобных ситуациях можно свести к формуле: "обновление ради сохранения". Такой нам и представляется рыцарская политика реформ — один из видов консерватизма, нечто близкое либеральному консерватизму (39).

Работа Г. Пистолькорса неоднократно и неизменно положительно оценивалась в печати ФРГ. Однако в одной из рецензий прозвучал давно известный мотив историков-апологетов: стоит ли упрекать дворян прибалтийских губерний за неудачу их политики реформ. С позиций сегодняшнего дня, мол, трудно осознать всю сложность задач, которые стояли в то время перед ними. Каждый шаг навстречу другим слоям, каждая мера по расширению их прав означали бы отказ от привилегий, т.е. были бы равнозначны политическому самоубийству. Рецензент О. Буксхеведен указывает, что и в остальных регионах Европы социальные и национальные проблемы не были решены так, чтобы удовлетворить все слои населения (40).

Логичны ли возражения Буксхеведена? Не знаем, что думает в этой связи Г. Пистолькорс. Мы же, со своей стороны, находясь с апологетами на диаметрально противоположных позициях, также считаем, что остзейские дворяне не могли по доброй воле отказаться от своего статуса, ибо не желали расстаться со своими привилегиями. Но, сказав "а", надо идти дальше и сказать "б", т.е. признать, что само существование привилегированного дворян-

ства было объективной преградой на пути социально-экономического и политического развития прибалтийских губерний. Правда, кое-где в других местах Европы помещики действовали более гибко. Но не в Прибалтике. И это тоже объективная закономерность, которую определяла исключительная глубина социальных конфликтов, переплетенных в тугую узел с национальными противоречиями. На повестке дня в прибалтийских губерниях стояли столь кардинальные задачи, что решать их могла только буржуазно-демократическая революция. Частичные реформы были бессильны здесь что-то существенно изменить, а на другие меры остзейское дворянство было и вовсе не способно.

Формирование новой концепции - процесс не простой. В рассматриваемом нами случае он затруднен противодействием целого ряда факторов. В их числе - общая ситуация в историографии Прибалтики в ФРГ, где приметы нового, как уже отмечалось, явление все еще редкое и заметно преобладают работы, авторы которых апологизируют остзейцев, усиленно лакируют их прошлое. Так, например, на организованном Прибалтийским союзом рыцарства семинаре историков (1977 г.) докладчики либо вновь славили дворян за проведение реформ (Träger und Befürworter), особенно аграрных, либо восхваляли господство немецких дворян в целом, поскольку, дескать, оно, хотя и было тяжелым, оградило Прибалтику от внешних влияний (41).

Оценка доминирующих тенденций историографии Прибалтики в ФРГ - предмет особого разговора. Здесь же отметим одно обстоятельство: в ФРГ прошлое Прибалтики изучается, как и ранее, лишь как история "верхов". Но обозреть всю панораму исторических событий, явлений и процессов без того, чтобы объять историю крестьян и рабочих, социальных и национальных движений, революционной борьбы, короче всего, из чего складывается прошлое латвийского и эстонского народов, нельзя. Невозможно со столь узкого плацдарма получить и четкое представление об отдельных частях всей панорамы, в том числе и об истории самих привилегированных сословий.

Историки-апологеты знают за собой этот грех и сами не раз призывали освободиться от него. Уже в 1952 г. на симпозиуме историков в Гёттингене А. Таубе, оперируя терминами апологетов, призывал не ограничиваться исследованием исторических дости-

жений немцев, которые некогда открыли и сформировали прибалтийский ареал, и значительно больше изучать явления, процессы и достижения других народов. Однако и по истечении еще тридцати лет положение не изменилось. И даже авторы тех немногих работ, в которых видны признаки нового, не сошли (в этом смысле) с традиционной колеи. Сказанное относится и к Г. Пистолькорсу, который, как нам думается, глубже ознакомившись с советской научной литературой, смог бы с еще большей отчетливостью увидеть прошлое Прибалтики во всей его многогранности, а вместе с тем и место, которое занимало в нем дворянство.

Историки-марксисты и историки ФРГ, изучающие историю Прибалтики, стоят на противоположных методологических позициях и было бы иллюзией надеяться на одинаковое решение теми и другими всех основных аспектов исследуемых проблем. Важно, однако, чтобы в рамках методологической, как и идеологической конфронтации, а это реально, уметь слушать и вторую сторону (*audiat et altera pars*) и в диалоге (не только устном, но и в печати - обзоры, рецензии и т.д.) адекватно изложить ее позицию. Именно этому обязательному условию научного диалога мы и старались следовать в данной статье.

Примечания

- I Салов В.И. Историзм и современная буржуазная историография. - М., 1977. - 253 с.; Патрушев А.И. "Социальная история" в буржуазной историографии ФРГ. - Новая и новейшая история, 1976, № 4, с. 151-167; Орлова М.И. Основные направления буржуазной и социал-реформистской историографии ФРГ. - Там же, 1977, № 4, с. 165-181; Могильницкий Б.Г. Современный этап кризиса буржуазной исторической науки. - Вопросы истории, 1980, № 9, с. 62-77; Данилов А.И. Проблема континуитета в историографии ФРГ. - Там же, 1981, № 3, с. 67-81; Merei Gy. Strukturgeschichtsforschung in der bürgerlichen Geschichtsschreibung der BDR. - Budapest, 1975; Unbewältigte Vergangenheit. Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung in der BDR. - 3., neu bearb. und erweit. Aufl. - Berlin, 1977; Irmschler K. Zum "historisch-sozialwissenschaftlichen" Konzept einer bürgerlichen Gesellschaftsgeschichte in der Historiographie der BRD. - Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1980, H. 12.

- 2 Conze W. Ökumene der Historiker. - Zeit, 1981, N 3. В статье изложены основные положения доклада бывшего президента Международного конгресса исторических наук К.-Д.Эрдмана на МКИИ в Бухаресте (1980).
- 3 Данилов А.И. Указ. раб., с.70.
- 4 Hildebrand K. Geschichte oder "Gesellschaftsgeschichte?" - Historische Zeitschrift, 1976, Bd.223, H.2, S.332, 340-341, 352-353.
- 5 Подробнее: Irmshler K. Op.cit.
- 6 Winkler H.-A. Revolution, Staat, Faschismus. Göttingen, 1978, S.7
- 7 Данилов А.И. Указ. раб., с.69
- 8 Irmshler K. Op. cit., S.1136, 1140.
- 9 Osteuropa, 1980, N.8/9, S. 650-1078. Сдвоенный номер журнала посвящен теме "Исследование Восточной Европы в Федеративной Республике Германии".
- 10 Martiny L. Osteuropäische Geschichte und Zeitgeschichte. - Osteuropa, 1980, N. 8/9, S.707; Turczynski E. Geschichte Südosteuropas. Bilanz einer Dekade (1969-1979). - Там же, с.728.
- 11 Martiny L. Op. cit., S.707.
- 12 Kuebart F. Zur Entwicklung der Osteuropa - Forschung in Deutschland bis 1945. - Там же, с. 668. Наряду со вздорной идеей о так называемой германо-славянской покатоности в остфоршунге используется и другая не менее вздорная идея о покатоности культуры в направлении с Запада на Восток (west-östliche Kulturgefälle). Эта идея базируется на провозглашении превосходства немцев, их хозяйства, организации, культуры над всем, что лежит восточнее Германии, и вытекающем из этой надуманной схемы утверждении, будто лишь благодаря немецким колонизаторам восточно-европейские народы стали вровень с развитыми народами Запада.
- 13 Kuebart F. Op. cit., S.668.
- 14 Martiny L. Op. cit., S.706; Turczynski E. Op.cit., S.725.
- 15 Martiny L. Op. cit., S. 715.
- 16 Turczynski E. Op. cit., S.725.
- 17 Martiny L. Op. cit., S.706, 716, 712, 713.
- 18 Зутис Я. Очерки по историографии Латвии./Прибалтийско-немецкая историография. - Рига, 1949. Ч.I. - 259 с.
- 19 О попытках преодолеть концептуальный тупик см.: Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX в.

и критика ее апологетической историографии. - 2-е перераб. и доп. изд. - Рига, 1978, с.96-97.

20 Pistohtkors G. von. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Historische Studien zum Problem der politischen Selbsteinschätzung der deutschen Oberschicht in den Ostseeprovinzen Russlands im Krisenjahr 1905. - Göttingen-Frankfurt (Main)-Zürich: Musterschmidt, 1978. - 274 S.

21 Краткое изложение доклада "Путь к меньшинству. Кризисные годы немецко-прибалтийской политики 1905/06 и 1919/20" см.: Baltische Briefe, 1982, N 11, S. 3 (далее: ВВ, 1982, N 11).

22 В другом месте говорится: "То, что правительство своими приказами, рекомендациями и мерами предлагало лифляндским дворянам, было в целом достаточным для того, чтобы они пришли в смятение" (с.84).

23 В изложении доклада Г.Пистолькорса говорится о параллельности интересов дворян и автократии, как и о том, что прибалтийские немцы (Deutschbalten) видели гарантию своего имущественного положения только в автократии, которая отождествлялась ими с личностью царя (ВВ, 1982, № II, с. 3).

24 В более новом материале мы читаем, что с выступлением латышских и эстонских революционеров в 1905 г. они "считали возможным только полицейски-военное сдерживание" (там же).

25 В докладе Г.Пистолькорса сказано о презрительном отношении дворян к местной администрации (там же).

26 Об отрицании того, что в Прибалтике имел место социально-структурный кризис, вновь говорится в изложении дармштадтского доклада (там же).

27 "Любая робкая попытка политического взаимодействия между немцами Прибалтики и верными государству латышами и эстонцами срывалась из-за отсутствия готовности рыцарства" (там же).

28 В своем более позднем суждении Г.Пистолькорс подчеркивает, что дворян особенно страшила возможность оказаться в итоге реформ на положении меньшинства в органах самоуправления (там же).

29 Подробнее: Krastiņš J. 1905. gada revolūcija Latvijā. - R., 1975. - 380 lpp.; Ronis J. Latviešu buržuāzijas cīņa pret jaunās revolūcijas draudiem (1907-1914). - Grām.: Kapitālisma attīstības un revolucionārās kustības problēmas Latvijā. R., 1980, с.

30 Wittram R. Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung. - Zeitschrift für Ostforschung, 1972, N. 4, S. 614. Кстати и Виттрам в своих ранних работах говорил о незначительности этих разногласий.

31 Зутис Я. Указ. раб., с. 144-165.

32 Показательно, что главу, посвященную 60-м гг., Я.Зутис называл: "Остзейские "либералы" в борьбе против реформ 60-х и 70-х годов XIX века" (там же, с 144).

33 Эти взгляды во многом совпадают с оценками либерализма и консерватизма остзейских дворян в советской историографии.

34 Заметим, однако, что и сам Г.Пистолькорс, говоря о "либерале" ландмаршале Ливене, пользуется при обозначении этого понятия кавычками (с.241).

35 В другой работе автор писал: "Социальные и национальные конфликты меньше, чем когда-либо можно было разрешить с помощью сословной политики реформ" (Pistohlkors G. Die Deutschbalten - Probleme einer Oberschicht vor dem ersten Weltkrieg. - In: Studien zum Deutschtum im Osten. N.13. Deutsche im europäischen Osten. Verständnis und Missverständnis. Köln-Wien, 1976, S.53).

36 Эта формулировка кстати и использована автором для заголовка четвертого параграфа первой главы (Лифляндская аграрная реформа между государственным давлением и региональной угрозой революции).

37 Pistohlkors G. Tradition in der Industriegesellschaft. - Nachrichtenblatt der Baltischen Ritterschaften, 1973, N 60, S.64.

38 Особый акцент сделан на недатированном письме Р.Самсона-Химмельстерна, где говорилось: "Вопрос заключается не в том, погибнем ли мы, а в том, когда это произойдет" (цит. по с.75); см. также с. 99, 232.

39 Подробнее: Духанов М.М. Указ. раб., с.148-161. Этот термин употребляли и сами остзейцы (например, генерал-суперинтендент Ф.Вальтер), характеризуя в 60-х гг. XIX в. свой политический курс.

40 Buxhoeveden O. Gert von Pistohlkors. "Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution." - Nachrichtenblatt der Baltischen Ritterschaften, 1978, Dezember, N 60, S. 211.

41 Historisches Seminar. - Ibid., 1977, Juni, N 74, S. 37.

З.Кимене

ЛГУ им. П.Стучки (Рига)

ОСВЕЩЕНИЕ ОПЫТА ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ ГЕРМАНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ НА СТРАНИЦАХ ЛАТЫШСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ(1900-1914)

Несмотря на то, что многими историками Советской Латвии исследована работа социал-демократии Латвии по использованию легальных возможностей для политического и культурного просвещения пролетариата (I), до сих пор остаётся не изученным вопрос об использовании латышскими социал-демократами опыта политико-просветительской и культурно-массовой работы социал-демократии Германии. Между тем латышская социал-демократическая печать свидетельствует о том, что освоение этого опыта социал-демократия Латвии придавала большое значение.

С появления первых прокламаций Западно-европейского союза латышских социал-демократов мы наблюдаем две тенденции латышской социал-демократической печати, взаимодополняющие друг друга. С одной стороны, идея нерушимого единства с всероссийским рабочим движением, с другой, начиная с 90-х годов, большой интерес к рабочему и социал-демократическому движению на Западе. Все значительнейшие события, как, например, большие забастовки, празднование I Мая, съезды отдельных социалистических партий и конгрессы II Интернационала подробно описывались и анализировались в специальных рубриках или отдельных статьях.

Начало таким традициям было положено газетой "Диенас Лапа", предшественницей пролетарской марксистской печати в Латвии. Насколько позволяла цензура, она рассказывала на своих страницах о международном рабочем движении и деятельности социал-демократических партий на Западе, наибольшее внимание уделяя социал-демократической партии Германии. Внимание газеты привлекало, в частности, использование германскими социал-демократами различных культурных обществ для просвещения рабочих.

В 1895 г. "Диенас Лапа" в статье "Театр для рабочих в

Германии" ("Фреие фолксбюне" и "Неие фреие фолксбюне") вкратце ознакомила своих читателей с принципами работы этих обществ и показала, сколь большую роль в просвещении рабочих и расширении их кругозора играли эти театры (2). Впоследствии некоторые общие черты с рабочими театрами Германии мы находим в деятельности Нового Рижского театра.

Статьи о социал-демократической партии Германии в "Диенас Лапа" носили информативный характер. Чёткое, классовое отношение к германской социал-демократии, признание её большого авторитета и одновременно критика ошибочных тенденций (например, взглядов Э.Бернштейна) характерна для журнала "Социал-демократс", одного из первых латышских марксистских изданий, выходившего в Лондоне под редакцией Ф.Розиня, начиная с 1900 г. В 1903 г. журнал поместил статью "О тактике германской социал-демократии" (3), которая знакомила читателя с организацией нелегальной работы партии в период исключительного закона и показывала, как важно было одновременно использовать любые легальные возможности работы в рабочих культурных обществах. Опираясь на этот опыт, германская социал-демократия впоследствии, после отмены исключительного закона, смогла развернуть широкую деятельность по политическому и культурному просвещению пролетариата.

За этой работой внимательно следили не только латышские социал-демократы. Она вызывала отклики и в реакционной печати. Лишь один из примеров: статья в "Ригас авизе" в 1904 г. - "Германская социал-демократия и детская литература" (4). Злобные нападки газеты вызвало стремление германских социал-демократов с детства прививать читателям революционные взгляды и привлечение к этой работе прогрессивно настроенных писателей и литературных редакторов.

Во время первой русской революции 1905-1907 г.г. одной из насущных задач партии стало повышение уровня политической сознательности рабочего класса. В этой связи примечательной представляется статья Я.Асара "Партийная школа в Германии" в газете "Петербургас вестнесис" (5), фактическим редактором которой он являлся. Во вступлении Я.Асарс писал об опасности распространения в рабочем классе идей декадентства,

анархизма, буржуазного индивидуализма и знакомил с политико-просветительной работой германских социал-демократов.

Центральное место в статье Я. Асара отводилось изложению передовой статьи из газеты "Лейпцигер Фольксштимме", написанной Ф. Мерингом по поводу завершения учёбы на первом курсе рабочей партийной школы. С этой статьёй, увидевшей свет 2 июля, читатели "Петербургас вестнесис" могли ознакомиться 4 июля, это ещё раз показывает актуальность затронутого в ней вопроса. Ф. Меринг напоминал, что ещё на Штутгартском съезде партии указывалось, что работа в легальных условиях способствовала тому, что партия более и скорее росла численно, чем крепла теоретически. Когда в германской социал-демократии стал ощущаться недостаток теоретически и практически подготовленных работников, было решено организовать партийную школу, чтобы в какой-то степени устранить противоречие между необходимостью образования для рабочих и невозможностью его получить.

В 1907 г. германскими социал-демократами была предпринята первая попытка создания партийной школы. Говоря о многих трудностях с помещением, учебниками, преподавателями и т. д., Ф. Меринг подчёркивал, что в таких условиях приходилось обращать внимание на самое главное: не на многознание, а на развитие самих основ теоретического понимания, и уже на этой основе давать обзоры об отдельных науках, наиболее важных в данной обстановке. Необходимо было добиться, чтобы окончивший такую школу владел хотя бы основами диалектико-материалистического мышления, чтобы он мог не интуитивно, а сознательно, опираясь на эти основы, развивать своё мировоззрение. Главными предметами в школе были народное хозяйство, история и исторический материализм. Окончившие эти курсы могли бы в дальнейшем с большим пониманием следить за политическими событиями и разъяснять их другим. Меринг рассказывал о невиданном энтузиазме рабочих при изучении строго научной литературы. А Я. Асарс от себя недвусмысленно добавлял: "Когда же у латышей настанут такие времена?"

Я. Асарс ещё раз подчёркивал: не к многознанию следует стремиться, а к овладению марксистским методом мышления! И

в данном случае, по его мнению, не столь важно, сколько рабочие знают, а как они знают. Ведь партийная школа у многих слушателей пробудила ещё большее желание заниматься самообразованием.

Далее Я. Асарс отмечал, что в тесной связи с политико-просветительской работой в германской социал-демократии рассматриваются и вопросы рабочего образования. На последнем (ко времени выхода в свет "Петербургас вестнесис") заседании партийной комиссии по образованию, в котором участвовали Ф. Меринг, К. Цеткин, А. Бебель было принято решение разослать всем организациям учебные программы; создать группу выездных лекторов, которые в течение всего года, за исключением летних месяцев, будут читать лекции в городах и провинциях; составить список иностранной литературы для детей рабочих и образованный каталог для рабочих библиотек.

После поражения первой русской революции, готовя массы к новому натиску на царизм, В.И. Ленин и российские большевики тщательно изучали и обобщали опыт и уроки не только первой русской, но и международного, в особенности германского рабочего движения. Социал-демократия Латышского края будучи составной частью РСДРП также внимательно изучала опыт легальной и нелегальной деятельности германских социал-демократов, использовала его в годы реакции и нового подъёма рабочего движения. Многие статьи, корреспонденции в социал-демократической прессе специально посвящались работе пролетарских культурных обществ в Германии, использовались иногда для этой цели и некоторые мелкобуржуазные издания.

Отметим некоторые из этих публикаций. В начале 1908 г. в газете "Страдниекс", издававшейся латышскими революционными социал-демократами в Бостоне, была опубликована статья "Германская социал-демократия в период исключительного закона (1878-1890)" (6). В статье подробно излагалась тактика партии в этот период, подчёркивалось, что социал-демократы добились победы потому, что сумели использовать все возможности для агитации, распространения литературы, всевозможные общества, как, например, любителей пения, спортивные; различные выезды на природу, небольшие собрания, обычно под каким-

нибудь невинным предлогом.

Специальная статья "Немецкие рабочие клубы во время преследования социал-демократов" в 1911 г. появилась на первой странице легальной рабочей газеты "Лайка балсс" (7). В статье оценивалась та роль, которую наряду с другими формами борьбы, сыграли рабочие клубы, различные просветительские общества. Социалистическая пропаганда в них продолжалась, приспособляясь к обстоятельствам и принимая форму общеобразовательного движения. Материалы статьи были взяты из "Истории германской социал-демократии" Ф. Меринга. Читатели "Лайка Балсс" узнавали о работе таких значительных берлинских рабочих клубов, как "Лессинг", "Генрих Гейне", "Дарвин" и др. Статья обращала внимание на то, что при клубах создавались и библиотеки, в клубах часто устраивалось обсуждение вопросов, затронутых в лекциях и на собраниях. Обсуждались классические и современные произведения немецкой и зарубежной литературы (Золя, Ибсен, Толстой). Лекции читали, в основном, молодые литераторы, находившиеся в оппозиции к существующему строю и стремились передать свои знания рабочим. Рабочие, в свою очередь, не оставались пассивными слушателями, они и сами выступали с докладами по различным вопросам. Участники литературных вечеров и дискуссий часто приходили к выводу, что лишь при социализме у пролетариата появится возможность всестороннего развития и участия в культурной жизни.

Но члены клубов не ограничивались только самообразованием, полученные знания они сами несли в массы. В то же самое время не забывали и политические задачи. Во время зимней избирательной кампании 1889/90 гг., члены клубов стали также и агитаторами и обходили крестьян из одного селения в другое по собственной инициативе и за свой счет.

Таким образом, подчёркивалось в статье, даже при занятии казалось бы абстрактными вопросами закалялось классовое сознание рабочего класса, воспитывалось социалистическое мировоззрение, накапливались знания и опыт для предстоящей борьбы. В этих же клубах росла и воспитывалась рабочая интеллигенция. Далее отмечалось, что после отмены исключительного закона многие функции клубов перешли к социал-демократическим организациям, профсоюзам и в результате сузились,

но рабочие клубы продолжали сохранять своё значение просветительских организаций и успешно справлялись с этой задачей.

Латышские революционные социал-демократы в интересах пропаганды использовали иногда и мелкобуржуазную газету "Юна диенас лапа". Характер статьи "Просветительское движение в Германской рабочей партии" (8), автор которой не установлен, позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что написана она с социал-демократических позиций. Статья знакомила с работой специального центра просвещения в Берлине, созданного руководством германской социал-демократической партии совместно с Центральной комиссией профсоюзов с целью воспитания у рабочих глубоких политических убеждений. Центр содействовал созданию во всех городах и избирательных округах комиссий по делам просвещения. Статья освещала результаты работы центра и его комиссий, показывала, какой материальной поддержкой партии и профсоюзов пользуются такие комиссии. Читатели узнавали также о работе партийной школы в Берлине, в которой читали лекции лучшие партийные теоретики и публицисты, получали всестороннее образование партийные и профсоюзные работники, агитаторы и т. п. Среди преподавателей школы были Ф. Меринг, Р. Люксембург.

В 1913 г. в легальной рабочей газете "Дзивес балс" была опубликована статья "Причины культурной борьбы пролетариата", в которой на практических примерах из истории германского рабочего движения доказывалось, что классовая борьба происходит и в сфере культуры, что пролетариат в процессе борьбы создаёт новые возможности культурного творчества (9). Высокая оценка давалась в статье культурно-массовой работе социал-демократической партии Германии, которая в 1912 г. руководила 347 просветительскими комиссиями, организовала 342 выступления с научными докладами и издавала 86 дневных газет. Сеть разносторонне укомплектованных рабочих библиотек охватывала всю страну, уже несколько лет действовала партийная школа. Статья отмечала широкое стремление рабочих масс к искусству, ибо силами немецких рабочих, руководимых социал-демократической партией, было организовано 780 народных ху-

домественных выставок, 450 художественных вечеров и театральных вечеров и театральных постановок.

За статью "Причины культурной борьбы пролетариата" (а также за статью "Требования Государственной Думы") 6-й номер газеты "Дзивес балсс" был конфискован (10).

В статьях, посвящённых рабочим культурным обществам в Германии, часто упоминались рабочие певческие общества. Латышские социал-демократы, глубоко сознавая значение революционной песни для сплочения пролетариата, много сделали для распространения в Латвии революционных песен рабочих других стран, в частности, немецкой революционной песни. Осенью 1893 г. Паул Дауге привёз из Берлина не только марксистскую литературу, но и песни - "Марш социалистов", "Воспряньте!", "Рабочий марсельезу", которые впоследствии стали одними из любимых песен латышских трудящихся (11). В 1900 г. песня "Воспряньте!" - "Uzmostiet!" ("Кто ходит сам в лохмотьях" - "Kas paši staigā driskās ") в переводе Ф.Розиня была издана в Лондоне вместе с тремя другими революционными песнями к празднику 1 Мая (12). В 1905 г. она была опубликована во многих сборниках революционных песен.

В журнале "Латвиешу страдниеку" в 1900 г. была переведена на латышский язык песня революционного немецкого поэта Георга Гервега "Бет унд арбейт" под названием "Молись и работай" (13). В 1906 г. эта песня была напечатана в переводе Дундура под названием "Песня рабочих" в журнале "Карогс" (14), а в третий раз стихи Г.Гервега перевёл А.Упит в 1919 г. (15).

Одной из популярных песен латышского пролетариата стал "Рабочий марш" - "Страдниеку маршс". Как указывает в своей монографии В.Гребле, - это немецкая песня "Социалистенмарш", автор её текста немецкий поэт М.Кегель, музыку написал К.Грамм (16). На латышский язык первым её перевёл Ф.Розиня, а к 1904 г., когда в марте вышел первый номер газеты "Циня", песня была уже настолько популярна, что первая строфа "Рабочего марша" была напечатана в качестве эпиграфа к первому номеру газеты.

Таким образом, мы можем отметить, что латышская социал-

демократическая печать систематически знакомила читателя с формами и методами политико-просветительской и культурно-массовой работы германских социал-демократов. Это позволило пролетариату Латвии использовать положительный опыт немецких товарищей в борьбе против самодержавия, капиталистов и помещиков.

Примечания

- 1 Rīpa J., Apine I. Jaunie revolucionārie uzplūdi Latvijā 1910.-1914. R., 1964; Brokāns V. LSD darba pieredze strādnieku kultūrizglītības biedrībās. R., 1970; Greitjāne R. Par strādnieku legālo kultūras un izglītības biedrību darbību Rīgā (1900.-1914). - LPSR ZA Vēstis, 1971, N 10; Kalnciema A. LSD darba īpatnības strādnieku politiskajā izglītošanā legālajās kultūras un izglītības biedrībās (1907.-1914.). - Вопросы истории и партийного строительства Коммунистической партии Латвии. Рига, 1980, т.2.
- 2 Dienas Lapa, 1895, N 228, 6. okt.
- 3 Sociāldemokrāts, N 11, 25. lpp.
- 4 Rīgas Avīze, 1904, N 248, 1. nov.
- 5 Pēterburgas Vēstnesis, 1907, N 10, 4. jūl.; N 13, 14. jūl.
- 6 Strādnieks, 1908, N 6, 5. febr.
- 7 Laika Balss, 1911, N 13, 9. apr.
- 8 Jaunā Dienas Lapa, N 195, 26. aug.
- 9 Dzīves Balss, 1913, N 5, 9. febr.; N 6, 16. febr., N 7, 23. febr.
- 10 Latviešu periodika. R., 1977, 1. sēj., 126. lpp.
- 11 Dauge P. Mīļas vecas atmiņas. Strādnieku kalendārs 1918. gadam. Maskava, 1917, 100. lpp.
- 12 Гребле В.О. Революционная песня в борьбе за советскую власть в Латвии. Рига, 1971, с.126.
- 13 Latviešu strādnieks, 1900, N 7, 230.-231. lpp.
- 14 Karogs, 1906, N 4, 318.-319. lpp.
- 15 Cīņa, 1919, N 14, 25. janv.
- 16 Гребле В.О. Революционная песня в борьбе ..., с. 134.

СОДЕРЖАНИЕ

I. I.Feldmanis. Fašistiskās Vācijas loma buržuāziskās Latvijas vācu nacionālā mazākuma nacistiskajā ..	3
2. М.Ротбарт. П.Шиман и Европейские конгрессы национальных меньшинств	19
3. Я.Райд. Празднование 300-летия Тартуского университета и немецкие верхи Эстонии	30
4. П.Озолинь. Остзейское наследие в деятельности общества им. К.Ширрена в ФРГ	38
5. V.Daukšte. Par carisma un Baltijas muižniecības attiecībām zemnieku skolu un izglītības jautājumos (19.gs. 40.-50.gadi)	51
6. A.Gudzuka. Par dažiem PSRS Centrālā Valsts vēstures arhīva fondu materiāliem 1849.gada Vidzemes zemnieku likuma vēstures izpētē	66
7. Г.фон Пистолькорс. Прибалтийско-немецкие соображения после революционного кризиса 1905 г. относительно переориентации лояльности в сторону Германии	75
8. М.Гарлефф. К вопросу о немецко-прибалтийской историографии (1860-1914)	91
9. О.Ниедре. Два подхода прибалтийско-немецких историков к аграрным проблемам Прибалтики начала XX века	103
10. М.Духанов, И.Ронис. Признаки нового в изучении истории прибалтийско-немецкого дворянства в ФРГ	109
11. З.Кимене. Освещение опыта политико-просветительской и культурно-массовой работы германских социал-демократов на страницах латышской социал-демократической печати (1900-1914)	135